

Петр Якеш

К вулканам Тихого океана

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Петр Якеш

К вулканам Тихого океана

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Petr Jakeš
Za sopkami Pacifiku
Praha 1975

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЭУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Сокращенный перевод с чешского
Д. М. Прошунниной и Л. М. Минца

Ответственный редактор,
автор послесловия и примечаний
М. А. ЧЛЕНОВ

Якеш П.

Я 44 К вулканам Тихого океана. Сокр. пер. с чешск.
Д. М. Прошунниной и Л. М. Минца. Послесл. и при-
меч. М. А. Членова. М.: Главная редакция восточ-
ной литературы издательства «Наука», 1984.

168 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Автор, чехословацкий геолог, во время работы в Австралийском национальном университете имел возможность побывать в отдаленных районах Новой Гвинеи. В книге рассказывается об опасных переходах от одного кратера вулкана к другому, о встречах с местными жителями, их быте, нравах. Автор изучал обычаи и мироощущения меланезийцев, пытаюсь понять всю сложность воздействия современной цивилизации на их традиционный образ жизни.

Я 1905020000-021 109-84
013(02)-84

ББКл8(83П)

Петр Якеш

К ВУЛКАНАМ ТИХОГО ОКЕАНА

*Утверждено к печати редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор Р. Г. Стороженко. Младший редактор М. В. Малькова.
Художник Н. П. Ларский. Художественный редактор Э. Л. Эрман.
Технический редактор М. В. Погоскина. Корректор Л. Ф. Орлова

ИБ № 14983

Сдано в набор 14.09.83. Подписано к печати 06.01.84. Формат 84×108¹/₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Цветные иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Усл. п. л.
8,82+0,21 вкл. Усл. кр.-отт. 10,32. Уч.-изд. л. 9 81. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 5620. Зак. 672. Цена 70 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Petr Jakeš, 1975.

© Перевод, послесловие и примечания:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ОТ АВТОРА

Острова, лежащие в Тихом океане к северу и северо-востоку от Австралийского континента, на границе морей Бисмарка¹, Соломонова и Кораллового, имеют в литературе немало интригующих и притягательных для туристов определений: «земля последних каннибалов», «острова людоедов», «малярийные острова», «острова каменного века» и т. п. Эти весьма нелестные названия, может быть, годятся в разговоре с приятелем, но, когда в девственном тропическом лесу пьешь пиво с местным проводником, они вряд ли придут в голову. Для здешнего учтвого таможенника в белоснежной форме, для старосты деревушки, говорящего по-английски, к которому вы заходите переночевать или купить батат на ужин, слово «людоед» звучало бы как оскорбление. И даже таким, казалось бы, вызывающим зависть туристов названием, как «острова свободной любви», которое благодаря классическому труду известного этнографа Малиновского² получила группа островов Тробриан, вы можете здорово обидеть: здесь без печати в паспорте «свободно» прожить нельзя и дня. Поэтому ничего другого не остается, как называть Новую Гвинею Новой Гвинеей, а и сегодня используемое английское название Британские Соломоновы острова — Соломоновыми островами³.

Действительность сурова к писателю, мечтающему о фантастических приключениях. «Людоеды» вымирают. Не потому, что съели друг друга и теперь голодают, положив, как говорится, зубы на полку, и не от жестоких болезней (на Соломоновых островах, например, девяносто процентов заболеваний малярией взято под контроль

¹ Море Бисмарка — одно из морей в Тихом океане, ограниченное Новой Гвинеей, островами Адмиралтейства и архипелагом Бисмарка. С начала 60-х годов называется Новогвинейским морем. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² Б. К. Малиновский (1884—1942) — выдающийся английский этнограф и социолог польского происхождения.

³ Бывшая английская колония Британские Соломоновы острова стала в июле 1978 г. независимым государством Соломоновы Острова.

врачей). «Людоеды» вымирают, сталкиваясь с цивилизацией. Иногда в печати все еще появляются сообщения, что офицер имярек на границе Новой Гвинеи и Западного Ириана⁴ обнаружил группу аборигенов — человек сто, — которые умеют читать, хотя прежде даже не видели белого человека. В сообщениях такого рода тактично умалчивается о том, что эти люди знали о существовании белых или пользовались орудиями труда, изготовленными технически более развитыми жителями Земли. Случайный путешественник или автор фантастических приключений сегодня с «людоедом» не встретится. «Людоеды» вымирают, и пусть это будет записано в их пользу: они привыкли голодать, потому что и в этой части света, нередко именуемой раем, не хватает продуктов питания.

Перемены, которые происходят в Меланезии на протяжении жизни одного-двух поколений, в истории человечества не имеют себе равных. Это прыжок из каменного века в век двадцатый, во вторую его половину, прыжок, заставляющий индивида, летяю, племя, все общество мириться с тем, что одни летают на самолетах по всему миру, трансплантируют сердце, тогда как другие собирают в лесу плоды и листья, чтобы прокормить и одеть себя и своих детей. Каннибальства давно уже нет, и оно никогда не было подлинной проблемой Меланезии. Нынешние проблемы? Демографический взрыв, неграмотность, детские болезни, независимость страны, в которой живет не менее семисот разных племен, разрозненных иностранными миссионерами на десятки религиозных общин. Создать из этих часто враждующих друг с другом племен народ, земледельцев, которые смогли бы сами себя прокормить, воспитать фермеров, способных давать товарную продукцию, — это огромная проблема, над которой бьются как все образованное население страны, так и эксперты Организации Объединенных Наций. Другими словами, как землетрясения сотрясают острова, так и цивилизация сотрясает меланезийцев, до сих пор кое-где живущих племенным строем. От шока, который перенесла и в котором еще находится эта часть света, вот уже целое столетие не может прийти в себя «европейское общество», всегда так восхищавшееся собой. Меланезийцы относятся к этому спокойнее. Их особое чувство юмора, добросердечность, терпе-

⁴ Западный Ириан — бывшее название индонезийской провинции Ириан-Джая в западной части о-ва Новая Гвинея.

ние и незлопамятность к обидам, которые им наносит современный мир через своих посредников — торговцев, плантаторов, миссионеров, могли бы быть примером для западных потребителей успокоительных таблеток.

Приезжают в эти места с самыми разными целями: работать или путешествовать, торговать или мошенничать. Геолог, который чаще всего попадает в малоисследованные районы, видит широкий спектр трудностей, как технического, так и социального характера. Начинается все, конечно, со встреч. Это и служащие административного аппарата, и полицейские, и миссионеры, и люди всевозможных профессий — антропологи, ловцы крокодилов, землевладельцы, собиратели даров леса, плантаторы, местные водители, торговцы и, наконец, проводники.

Когда по роду своей работы геолога я попал на Новую Гвинею, где собирал образцы вулканических пород, изучал их строение, наблюдал изменения, происходящие в недействующих вулканах, я мечтал об Антарктиде. Зеленый полумрак тропического леса, раскаленное солнце, коралловые рифы не приводили меня в восторг. Зато я совершенно изменил свое первоначальное представление о людях Новой Гвинеи благодаря дружбе с антропологами доктором Эриком Ваделлем и доктором Лейелом Стэдманом, которые много лет жили с семьями в горах западной части Новой Гвинеи. Эти годы они считали самой прекрасной порой своей жизни. Не один вечер я просидел с ними за бараньими отбивными, австралийским пивом и слабым кофе. Но наиболее важным было то, что они познакомили меня с Новой Гвинеей и ее людьми, с их привычками, настроениями и переменами, которые претерпевает их общество. Лейел мог часами рассказывать, как он ходил в гости в хижины к друзьям-островитянам, без усталости описывал их быт и нравы, дополняя свой рассказ великолепной мимикой и жестами.

Перед первой поездкой на «землю людоедов» опытные друзья предупреждали, что я непременно подвергнусь нападению и буду съеден, или заболею страшной, неизлечимой болезнью, или же, в лучшем случае, меня обокрадут. Однако ни одно предсказание не сбылось, и в этом заслуга отнюдь не двадцатого столетия.

Во время путешествий по островам я никогда не ездил с вооруженной охраной, а лишь с женой Лидой, пятiletним сыном Петей, а позднее с нашими приятелями папуасом Джеком Налу и новозеландцем Яном Сми-

том. Иногда за нами следовали островитяне, вооруженные сделанными из автомобильных шин рогатками или луками и стрелами. Оружие это скорее служило для красоты, чем для дела. Джек Налу нередко брал с собой дробовик, годный только для стрельбы по диким голубям. Не было у нас ни тропических шлемов, ни белых рубашек, ни высоких сапог, то есть того, что так красит исследователя тропиков. Потертые джинсы, цветные майки, сандалии — в общем, все, что пылится в провинциальных магазинах Чехословакии. Не везли мы с собой и множества съестных припасов, а часто ели то, что можно достать на месте, выменять, купить или получить даром. Признаюсь, случалось много раз, что мы вообще ничего не ели, а воду пили не всегда «чистую, как сле-за, без вкуса и запаха». Никогда мы не стерегли наше скромное имущество — нож, мачете⁵, фотоаппарат, альтиметр, спальные мешки, москитные сетки. Оставляли мы свой лагерь без присмотра; у папуасов двери всегда нараспашку, а окна (когда мы доживем до такой роскоши?) без задвижек. Случалось, наше имущество терпело ущерб, отношения с людьми — никогда.

Против «страшных» болезней мы вполне добровольно сделали прививки; в начале, во время и по окончании путешествия регулярно принимали отвратительно горький хинин. Первые несколько дней по совету австралийского врача всё мыли в крепком растворе марганца. Позже стали пренебрегать этим советом, а потом и вообще о нем забыли. Первые настоящие неприятности, связанные с перевариванием пищи, ждали нас по возвращении в Прагу — от консервов из свинины.

Итак, мы вернулись с небольшими ссадинами, собрали образцы, которые планировали собрать, составили карту нужных нам районов и немного продвинули вперед дело изучения геологии Новой Гвинеи и Соломоновых островов. Мы встречались с многими людьми, они бескорыстно помогали нам, когда это требовалось. Перечислить всех, с кем мы так или иначе были связаны, невозможно. Бывало, мы не успевали даже узнать имя человека, как уже возникал повод его за что-то поблагодарить. А поводов было много, и самых разных. Некоторые наши друзья упоминаются в книге, но немало и таких, которые здесь не названы, хотя принимали активное участие в оформлении, подготовке и финансировании нашей экспедиции.

⁵ М а ч е т е — длинный нож для рубки сахарного тростника.

1. ДЬЯВОЛЬСКИЙ ВУЛКАН ЛАМИНГТОН

Аэропорт в Порт-Морсби своей атмосферой напоминает залы ожидания бывшего третьего класса на некоторых больших пересадочных станциях. Везде грязь, на расшатанных деревянных скамьях спят пассажиры; радио поминутно объявляет о прилетах и отлетах самолетов, но так хрипит, что ничего не разобрать. Местные названия городов звучат для чеха так же экзотично, как чехословацкие Прага или Братислава звучали бы для папуаса. Семьи с множеством ребятишек и с еще большим числом мешков, ящиков и чемоданов теснятся у выхода на посадку. Дети бегают повсюду, то и дело теряются и наконец вместе с родителями выстраиваются в очередь на самолет, который полетит не раньше чем через час. И над всем этим людским муравейником горят рекламы «Кэнтас» — австралийской международной авиакомпании и двух внутренних аэролиний: «Трансавстралия-эйрлайнс» и «Ансетт-АНА». Цветные плакаты приглашают здешних жителей посетить Нью-Йорк и Стокгольм, а тех, кто победнее, — Сидней или Таити. Точно такая реклама, какую можно увидеть в Сан-Франциско, Токио и где угодно.

В углу главного зала под сенью больших авиакомпаний имеют свою конторку и аэролинии Папуа⁶, которые обеспечивают связь с восточной частью Новой Гвинеи и прилегающими островками с помощью малых, спортивных и средних самолетов. Летают они нерегулярно, в зависимости от направления и силы ветра, зато всем пассажирам обеспечивается только первый класс. В этих местах на внутренних линиях туристского класса, за некоторым исключением, не существует, что объясняется, по-видимому, условиями полета. Кроме того, большинство пассажиров летит по служебным делам, и поэтому в самолете все равны. Чтобы не было невер-

⁶ Теперь Папуа-Новая Гвинея (см. Послесловие).

ного представления о «первом» классе, скажу только, что в одном из таких полетов я держал на коленях сумку со своими вещами, рюкзак с образцами горных пород и десять коробок со свежими яйцами. Кто-то поставил эти коробки на мой рюкзак, а кто, я не смог разглядеть за горой багажа.

Из шести пассажиров, которых должен был забрать самолет, четверо напоминали мне либо чиновников, либо торговцев. Их одежда была скроена будто по журналу мод старой колониальной Англии: белые бриджи с манжетами под коленом, белые гольфы, белая рубашка с длинными рукавами и с пристегивающимся воротничком. Под рубашкой иногда просвечивает майка. И обязательно галстук, полуботинки и трубка — все в темных тонах. Четверо джентльменов были дружелюбны и веселы. Часы ожидания они провели в ближайшем от аэропорта отеле «Гэйтвэй», где кроме местного сравнительно неплохого пива можно получить и австралийское, и голландское, и датское. Новозеландский геолог Ян Смит и я дополняли шестерку пассажиров. До аэродрома нас провожали очень симпатичный итальянец Гвидо Чифалли и моя жена.

Ян поехал со мной на несколько дней, чтобы собрать образцы горных пород и помочь акклиматизироваться на вулкане Ламингтон, недалеко от Попондетты, в северо-восточной части Новой Гвинеи. Меня интересовала типичная для этого района история вулкана. До 1951 года никто не знал, из чего сложен горный массив Ламингтон; позднее произошло несколько землетрясений, из горы высотой примерно две тысячи метров повалили облака дыма. Одно из землетрясений было особенно сильным, и после него родился новый вулкан. Незадолго до извержения, в период затухания вулканической деятельности, на Ламингтоне побывал австралийский вулканолог Л. А. Тэйлор, его описание и сегодня принадлежит к самым подробным работам о вулканах этого, то есть пелейского, типа⁷. После Тэйлора ни один геолог не был на вершине вулкана и на границе его кратера. Кроме образцов, которые мы с Яном хотели бы собрать, перед нами стояла задача нанести на карты места проявления термальной активности и новой вулканической деятельности, измерить температуру выходящих газов.

⁷ Название этого типа вулканов произошло от вулкана Мон-Пеле на о-ве Мартиника.

Ян и Гвидо обсуждают детали восхождения на вулкан, и главное — как лучше распределить время в те дни, что мы проведем вблизи кратера. К нему мы пойдем со стороны деревеньки Кендата. Главный предмет спора — число носильщиков, которых нам предстоит нанять.

— Три мало, — стоит на своем Гвидо. — Не забудь, что вам самим придется нести хоть какую-нибудь еду и, кроме того, надо взять с собой оружие. Неужели тебе так жалко денег? Дай им хоть что-то заработать, ты же знаешь, как они бедны.

— Трех достаточно. Не потащим же мы наверх все, что-нибудь оставим в деревне. Петр сказал, что свое понесет сам, — не очень уверенно отбивается Ян.

— Да не слушай ты его! Он же еще совсем зеленый. Хорошо, если справится с молотком, блокнотом и фотоаппаратом. Две тысячи метров в тропиках — это не шутка.

Гвидо умеет пустить шпильку, но и сам среди геологов бывает мишенью для шуток. У него уже три геологических сезона на Новой Гвинее, и он снискал славу прирожденного неудачника. В первой же экспедиции на второй день по прибытии помощник-папуас случайно перерезал ему сухожилие на правой руке, во время второй экспедиции Гвидо сам нечаянно поранил себе ногу мачете, а в самом начале третьей его пришлось отвезти в больницу с приступом малярии. Мы прислушиваемся к его советам: он прав, дадим островитянам возможность заработать. Да и уже здесь, в аэропорту, пока мы волокли сорок пять килограммов багажа к весам, пот заливал нам глаза.

Один за другим пассажиры становятся на весы, на которых взвешивают их багаж (здесь учитывается и личный вес). Служащий в такой же форме, что и пассажиры (белые короткие штаны, белая рубашка, гольфы), объявляет нам с явным безразличием:

— Сожалею, господа, но вес пассажиров и багажа превышает положенный. Мы можем отправить вас в Попондетту, но только без вещей. Багаж будет послан через три дня с грузовым самолетом.

Четверо чиновников спокойно распаковывают свои чемоданы, достают оттуда зубные щетки, полотенца, пижамы, короче, все, что может понадобиться джентльмену в официальной поездке. Мы же колеблемся. Для нас Попондетта только перевалочный пункт, оттуда пойдем

дальше. Начинаем выяснять ситуацию. Гвидо очень активен, и его вмешательство приносит успех. После обеда в Попондетту полетит еще один самолет, где нам забронированы места вместе с багажом. К нашему удивлению, после обеда повторяется та же картина. Пассажиры взвешивают вместе с багажом, и служащий с мрачным видом объявляет:

— Сожалею, господа, но вес пассажиров и багажа так велик, что вам придется оставить багаж, который мы отправим через три дня грузовым самолетом. Сами же вы полетите сейчас.

Мы дружно издаем вопль протеста, у Гвидо кипит кровь, но это не меняет дела, и тогда раздается спокойный голос:

— Это ограничение не относится к господам Смиту и Джейксу (так произносят мое имя в Австралии), их багаж будет погружен в самолет.

Наши волнения на аэродроме были вознаграждены: вскоре мы любовались красотой Оуэн-Стенли, хребта, самая высокая вершина которого более четырех тысяч метров над уровнем моря. Он делит Папуа на северные и южные районы. Выходим в Попондетте. У меня в руке письмо к человеку, который обещал нам помочь. Зовут его Питер Маккензи. Через пару минут узнаем, что ему меньше тридцати, у него широкая улыбка, небрежно подогнутые гольфы и вместо полуботинок сандалии. Он охотно готов посвятить нам остаток дня, а утром отправит нас из Попондетты дальше.

— Вам понадобится переводчик из местных, к утру он будет готов идти с вами. Сейчас сухо, это хорошо: легче будет доехать до Кендаты, эта деревня уже на склонах Ламингтона. Там спросите Барнабаса, он знает немного по-английски и обязательно найдет вам носильщиков, но его самого лучше не берите. Сейчас оставьте багаж и идите представьтесь старику. А пока давайте выпьем пива, потом вы можете у меня принять душ. Ночевать будете в квартире, которую я вам приготовил.

Вот такой он, Питер.

«Старик» — начальник района, представитель австралийской государственной власти, на нем огромная ответственность и множество обязанностей, большие (может, даже слишком большие) полномочия. Он располагает отрядом полицейских из местных островитян и несколькими белыми помощниками. Это сухощавый соро-

капятилетний мужчина в тщательно отутюженной и подогнанной форме, которую я уже описывал.

В просторном помещении полицейского управления с единственным письменным столом, несколькими стульями, лениво вращающимся у потолка вентилятором и портретом английской королевы Елизаветы в позолоченной раме мы получаем первые наставления. Ян к подобным указаниям привык — на Новой Гвинес он не впервые, — а я нет.

— Запомните, ребята, закон есть закон. Носильщику или кому бы то ни было за любую работу вы не имеете права (!) платить больше шестидесяти центов в день. За сверхурочную работу — добавочные двадцать центов, и ни цента больше. Ну, немного табаку, какие-нибудь там газеты. И не будем устраивать лишних неприятностей. И вообще, прошу вас, будьте осторожны, особенно там, на горе.

Спустя минуту нам уже стало казаться, что он не знает, о чем нам еще сказать. Итак, «закон есть закон», а мы можем идти к Питеру.

Выезжаем, как только начало светать. «Лендровер» лениво берет разбег, мы едем навстречу слепящему солнцу, выглянувшему из-за мглистого силуэта Ламингтона. Дорога идет мимо плантаций кокосовых пальм, а под их сенью растут деревца какао. Это еще одно богатство страны. Проезжаем миссию Согано, а дальше, кажется, дорога обрывается. Водитель, не сбавляя скорости, ныряет в просвет в джунглях. Как свидетельствует указатель, это и есть продолжение дороги. Наконец останавливаемся. Мы в деревне Кендата, кругом хижин папуасов.

Возле нашего вездехода образуется стена из полуголых людей. Маленькие дети прячутся за своих мам, которые в учтивом отдалении от нас образовали живописную группу. Кто-то из малышей в конце концов заплакал. Наш вид не радует их. Ребята постарше разглядывают нас и вертятся возле машины, взрослые громко беседуют с водителем и переводчиком.

Ян невозмутимо выгружает из вездехода вещи, распаковывает сумки, переодевается и переобувается. Я только стою и смотрю. Мне грустно. Не могу смириться с тем, что для этих смуглых, худосочных от недоедания, запуганных, но при всем этом красивых детей я лишь «белый господин». Чувствую, что за каждым нашим движением следят десятки глаз, и это не только любо-

пытство. Ощущение, к которому я тяжело привыкаю и которое и после двух лет пребывания в Меланезии никогда не оставляло меня, твердит мне, что между нашей цивилизацией и культурой меланезийцев существует какое-то недопонимание. И по нашей вине.

Договариваемся, что сегодня же мы уедем из деревни и попытаемся подняться как можно выше, подойти ближе к вершине. Небо затянуто облаками, хотя дождя нет, о лучшей погоде нельзя и мечтать.

Нам нет необходимости искать Барнабаса, о котором говорил Питер Маккензи. По поведению людей, собравшихся около машины, можно определить, кто интеллектуальный лидер Кендаты. Серебряная цепочка на шее и бриджи из магазина готового платья подтверждают его привилегированное положение. К нашим услугам уже готовы несколько носильщиков. Переводчик выбирает из них четверых, и, мне кажется, именно тех, кого выбрали бы мы сами.

— Господа, прошу вас, мне не надо денег, я просто хочу идти с вами. Пожалуйста. Я говорю по-английски, остальные нет, только Габриэль немного.

Это говорит одиннадцатилетний мальчик, ему интересно, чем мы будем заниматься. Он действительно немного знает английский, поэтому мы разрешаем ему идти с нами. В лесу он ориентируется лучше нас. Мы, конечно, понимаем, что он не откажется от вознаграждения. Еще полчаса — и мы покидаем деревню, где согласно договоренности несколько дней спустя нас будет ждать переводчик с машиной.

Вместо рюкзака я несу только фотоаппарат, геологический молоток и сумку с аэрофотоснимками, картами и блокнотом. Пока мы оглядываемся, смотрим на хижины, на крохотные поля, наши босоногие носильщики исчезают в джунглях. Они идут, слегка приседая, и их раскачивающийся шаг напоминает бег рысью. Пока главное для нас — скорость. С этого момента и до вечернего привала, как мне кажется, и Ян позже согласился со мной, нам приходилось либо догонять наших носильщиков, либо всеми силами стараться не отстать от них, а ведь они несли на спинах в десять раз больше нашего. То ли инстинкт самосохранения — боязнь потеряться в зеленой полутьме тропического леса, — то ли подсознательный и неоправданный страх за наш багаж вынуждает нас к такому темпу похода. Самолюбие не позволяет нам выговорить слово «потиху» или хотя бы

«передышка». Рубашка прилипает к телу, на очках выкристаллизовывается соль, ботинки мокрые, ноги не слушаются. Я уже несколько раз падал, цепляясь за камни или скользя на мокрой траве. Воздух почти густой, влажность, наверное, сто процентов. Ничего не видно, даже неба, идем в джунглях как по туннелю. Понятия не имеем, какая погода. Меня тревожит чувство, что мы потеряли ориентацию. Через два часа ходьбы, а вернее, бега за носильщиками я наконец отваживаюсь и предлагаю сделать остановку. Уже три часа дня. Один из носильщиков отвечает мне на пиджин-инглиш⁸:

— Лик, лик, сэр.

Это значит, что идти осталось немного, «совсем чуть-чуть». Через полчаса тот же ответ, и так несколько раз. Время идет, высота на альтиметре все больше и больше, аэрофотоснимки, которым мы так радовались, нам ни к чему, потому что мы и представления не имеем, где находимся. Компас тоже говорит нам немного, дорога невероятно извилиста, и минутами мне думается, что мы ходим по кругу. Одно успокаивает: высота на альтиметре все время растет. В пять вечера он показывает тысячу метров над уровнем моря. В густых зарослях идем к привалу; по словам носильщиков, еще «лик-лик».

В шесть здесь уже темнеет. В тропиках переход от света к темноте моментален, в половине седьмого уже темно, как в погребе. Наконец-то мы можем раскинуть лагерь, носильщики выбирают полянку, вокруг ничего не видно, снизу поднимается туман, тьма сгущается. Наши проводники вырубает мачете место для лагеря, срубленные ветки и кустарник пойдут в костер. Наши спутники приносят колья, не проходит и десяти минут, как готов каркас, на него мы набрасываем брезент, расчищаем место для спальных мешков, натягиваем москитные сетки. Разводим костер и зажигаем французскую газовую лампу. После этого раздаем носильщикам пачки табаку, газеты, спички, консервы.

Долго рассматриваем показания альтиметра, карты, аэрофотоснимки. Сейчас мы находимся в самой глубине леса на высоте 1200—1500 метров над уровнем моря. За день мы одолели более тысячи метров.

⁸ Пиджин-инглиш — также новогвинейский пиджин, или ток-писин — основной язык-посредник в Папуа-Новой Гвинее (см. После­словие).

— Судя по этим снимкам и карте, мы уже должны были бы пройти пояс растительности,— говорит Ян.

Это нас несколько тревожит. Не завели ли нас проводники куда-нибудь в другое место, что кажется неправдоподобным, но расспросить их мы не решаемся. Носильщики сидят вокруг огня с ружьями между колен и о чем-то тихо говорят. В джунглях, полных странных звуков и шорохов, они выглядят очень таинственно.

Забравшись в спальные мешки, заносим последние наблюдения в блокноты и засыпаем, так и не успев поест.

Ночью идет дождь, мы просыпаемся и жадно пьем воду, которая собралась на брезенте. Наши провожатые сидят вокруг огня и беседуют, будто им нипочем ни дождь, ни позднее время.

Утром все становится на свои места. Из нашего лагеря хорошо видны два небольших кратера, напоминающих ярко-зеленую сахарную голову. Мы на внешней юго-восточной стороне кратера вулкана Ламингтон. Немного стыдно за возникшие у меня вечером подозрения. В этом удобном лагере мы пробудем несколько дней.

Нашему хорошему настроению вскоре приходит конец: ни один из носильщиков не хочет идти дальше в гору. Никак не можем договориться. Чаще всего они повторяют слова «дьявол» и «огонь». По-видимому, не знают, как объяснить по-английски, что им страшно. После долгих уговоров наш одиннадцатилетний приятель и Габриэль соглашаются сопровождать нас к вершине. Остальные уходят, но минут через пять возвращаются и остаются в лагере.

Два часа энергичного подъема по крутому склону — и мы на краю кратера среди густого леса. Внутренняя стена кратера, имеющего примерно километр в диаметре, покрыта буйной растительностью. В центре торчит «собор» — огромная насыпь из гигантских глыб и скальных обломков всевозможных размеров. Возвышающаяся над кратером бело-желтая вершина «собора» спокойно дымит.

Стоим и не дышим. Нам, геологам, легко представить, что было бы, если бы вулкан ожил. Как, например, в пятьдесят первом году. Сильное землетрясение — и два кубических километра горных пород, которые будут пробкой закрывали жерло вулкана, взлетели в воздух в виде миллиона раскаленных обломков. Траурно-

черный столб дыма, поднявшийся на высоту десять километров, напоминал взрыв атомной бомбы. Еще одно землетрясение и порывистый ветер — вихрь со скоростью сто пятьдесят километров в час уничтожил все на своем пути. Лавина горных газов неслась по склонам вулкана и оставляла за собой только опаленную землю. Горячий пепел из черного облака засыпал ее сверху. Под многометровым слоем пепла были погребены поля, деревни, люди. В радиусе десяти километров образовалась мертвая пустыня.

Все это произошло совсем недавно по геологическим масштабам. У нас перехватило дыхание, когда мы при виде созидательной силы природы представили картину ее разрушительной силы. Теперь на стенах кратера кипит жизнь, они поросли непроходимыми джунглями. Внизу на его склонах местные жители вот уже несколько лет собирают урожай.

В 1951 году вся растительность вокруг Ламингтона была уничтожена. В 1963 году, когда были сделаны аэрофотоснимки, заросли поднялись только до высоты 850 метров. Теперь стены кратера, в том числе и внутренние, со склонами под углом 45 градусов покрылись густой, почти неприступной тропической растительностью. Внизу, на склонах, на месте засыпанных пеплом деревень, стоят новые поселения, на месте сожженных полей зеленеют новые поля, еще более урожайные. Подобные противопоставления — люди и вулканы — нередко встречаются на островах Тихого океана. Даже самые разрушительные из вулканов, производя пепел и пыль, создают плодороднейшие почвы; рядом с этими опасными соседями живут люди: они здесь всегда жили, привыкли, да и поля плодородные...

Времени на размышления нет, проводники нетерпеливы и торопят нас возвращаться вниз. Они явно не одобряют нашего намерения спуститься в кратер и взобраться на вершину «собора», где мы будем измерять температуру и собирать образцы горных пород. Островитяне категорически отвергают предложение идти вместе с нами. Лучше уж они спустятся вниз и там подождут нас. «На горе дьявол», — без конца повторяют наши провожатые.

Только что стояли наверху — и вот уже пробиваемся сквозь заросли на дно кратера. Наш спуск по склонам под углом 45 градусов временами напоминает свободное падение тела, иногда задерживаемое густой по-

рослью. Подниматься будет хуже. Одолеем ли вообще этот склон? Запах сероводорода, приносимый порывами ветра, говорит о присутствии «дьявола». Будет ли хоть небольшой ветерок на вершине «собора»? Вот где, наверное, суший ад!

Кое-где на склоне видны проплешины, участки тепловой активности, абсолютно лишённые растительности. Обходим их как можно быстрее. У подножия «собора» только изредка попадаются пучки травы и покореженные кустики. Идем в атаку на гигантские каменные глыбы. Одолели. Верхняя часть «собора» состоит из горячих камней в виде небольших холмиков, которые рассыпаются и скатываются вниз. Признаюсь, мы совсем забыли про геологию, так нас покорила мечта взять Ламингтон. Приближаемся к вершине «собора». Резче запах сероводорода, чаще порывы жаркого воздуха, мельче камни. Многие превращаются в пыль, подобно холмикам из шлака. Гнилостный сырой запах и шум выходящих газов, щели и трещины напоминают адское жерло. Нам приходится кричать друг другу: так силен шум выходящих газов, а издали казалось, что вершина старого, немного усталого вулкана отдыхает.

— Это хорошо, что вулкан отдыхает, а можешь себе представить: он за год отдохнул, а теперь возьмет да как бабахнет!

Ян прав. У вулканов пелейского типа «страховочный клапан» — важная составная часть активности. Подобные вулканы (как, например, на Гавайях) лишь изредка извергают лаву. Лава пелейских вулканов имеет высокую вязкость и густеет (кристаллизуется) еще под поверхностью земли. В полупластическом, почти твердом состоянии она выталкивается из кратера, как густой вазелин из тюбика. Это постепенный процесс. Так, например, вулкан Ламингтон вытолкнул за последние пятнадцать лет около половины кубического километра материала. Выжатая лава собирается в кратере, где и создает так называемый собор. Вверху, в самом горячем месте вулкана, выкристаллизовавшаяся лава пробивается на поверхность. По мере поступления нового материала часть его по склонам «собора» падает в виде глыб на дно кратера к основанию «собора». И здесь, у подножия, лава создает причудливые колонны, столбики, пирамиды; о них так и говорят: пелейские пирамиды.

Поскольку процесс кристаллизации лавы под по-

верхностью сопровождается потерей жидких материалов, главным образом воды, и в дальнейшем в горячем виде они поднимаются к поверхности земной коры, то дымок, постоянно курящийся над кратером,— явление совершенно нормальное. Если бы он исчез и «клапан» кто-нибудь засыпал, скажем, на несколько дней, месяцев или лет, это обернулось бы еще одним всеуничтожающим извержением. Справочники о вулканической деятельности свидетельствуют, что вулканы такого типа самые капризные. Их поведение не рискнет предсказать даже самый оптимистичный из вулканологов.

Работаем быстро, находиться здесь не очень-то приятно. Измеряем температуру, делаем эскизы «собора», ищем включения чужеродных пород, фотографируем. Порывы ветра, хоть и слабые, приносят немного прохлады и делают воздух более пригодным для дыхания. А вот на земле стоять невозможно: она обжигает, как раскаленный утюг. В одну из самых горячих трещин кладу лист бумаги — через минуту он уже коричневый. Фотоаппарат подвергается тяжелым испытаниям. Если бы мне кто-нибудь предложил взять в сауну «экзакту» или «никон», я бы только рассмеялся в ответ; а здесь разрушающее действие хуже, чем в сауне: жара и влажность, да еще сероводород в воздухе. А я-то обычно на ночь всегда прячу фотоаппараты в специальный пакет от сырости...

Начинает накрапывать дождь. Дождевые капли встречаем с воодушевлением. В некоторых местах, куда они попадают, раздается шипение, это подтверждает наши измерения: температура некоторых частей «собора» выше ста градусов. Минуты переходят в часы, пора уже спускаться. Вода, наполняющая бутылку, убывает, и, кажется, с каждой минутой концентрация дезинфицирующего хлора в ней повышается.

Габриэль и наш приятель-мальчишка счастливы, что мы наконец вернулись. Когда после возвращения в лагерь они получают по пачке табаку, их настроение улучшается. В котелке кипит чай, к ужину печеные голуби, яйца, немного батата, на десерт банка мандаринового компота. Бетель⁹, предложенный нам в уплату за компот, мы отвергаем.

⁹ Бетель — смесь пряных и острых на вкус листьев *Piper betle* с кусочками ореха арековой пальмы и с небольшим количеством негашеной извести. У народов Тропической Азии употребляется в качестве жвачки.

Работа на склонах Ламингтона идет успешно, еще раз поднимаемся на «собор» и, проведя в лагере четыре дня, спускаемся в Кендату, чтобы уже оттуда совершать походы за образцами горных пород. По сравнению с подъемом на Ламингтон это просто туристские прогулки.

В день спуска с Ламингтона льет дождь. У наших носильщиков прибавилось груза, дорога стала скользкой, но все равно, конечно, вниз идем быстрее, чем шли в гору. Помощники наши даже что-то напевают. Мелодия грустная, но настроение у них веселое — улыбаются, иногда смеются. Где-то на середине дороги между лагерем и Кендатой они начинают кричать, сообщая о нашем приближении. Короткие возгласы — и вот уже слышны со всех сторон отклики. Мы возле первых полей, а до Кендаты ходу еще два с половиной часа. Сюда каждый день приходят женщины, обрабатывают землю и собирают урожай. Ждем несколько минут, и наша группа увеличивается еще на два человека. Позже приходит женщина с детьми. В Кендату мы возвращаемся длинной процессией из тридцати человек.

Все наши вещи сложены, мы расплачиваемся с помощниками десятицентовыми монетами, каждый носильщик получает по восемь монет в день. На удивление всей деревни, одиннадцатилетний проводник тоже получает свою долю. Потом раздаем всю еду, какая у нас была с собой, сахар и соль. В доме для гостей распаковываем багаж, развешиваем белье, которое уже начало плесневеть, и в это время появляются женщины. Они приносят подарки. Арбузы, кокосовые орехи, кукуруза, батат заполняют весь угол. Это еще один мешок, не меньше пятидесяти килограммов. Мы отбиваемся от подарков как можем, пытаемся заплатить за фрукты, но это только усложняет наше положение. Нам никак не удается объяснить, что всего этого нам никогда не съесть и мы больше не хотим никаких приношений.

Визит старосты, лица в деревне высокопоставленного, свидетельствует о том, что нами все довольны, и говорит в какой-то степени об общественном признании. Он нам показывает новый, только что достроенный дом, и Габриэль объясняет, что мы должны в него переехать — нам следует жить в лучшем доме. Носильщики уже ждут, и в переезде участвует добрая половина Кендаты.

Ни о чем мы так не мечтаем, как о хорошем купании. Габриэль сопровождает нас. Купание в реке здесь подчинено своим правилам. Только я хочу спуститься к речке и войти в воду, как меня останавливает Габриэль: «Здесь нельзя, господин. Здесь купаются женщины». Через сто метров вниз по течению все повторяется — там купаются дети.

Наконец-то нам удалось смыть с себя недельный пот. Мы расслабились, нам хорошо. Остаемся у речки до самой темноты.

Утром в воскресенье вместо трех обещанных проводников не приходит ни один. Ждем час — никого. Габриэль проходит мимо домика с нахмуренным лицом и рассеянно смотрит на нас. Мы его зовем, он подходит и сообщает, что идти с нами не может. Наконец решаемся на самостоятельный поход. Пойдем к подножию вулкана исследовать застывшие лавовые потоки, потом поднимемся к небольшому паразитическому кратеру — все это километрах в шести от Кендаты.

Накрапывает дождь. Тропинка, которую мы выбрали, ведет нас, как ни странно, в правильном направлении. На картах она, естественно, не обозначена, и аэрофотоснимки дают весьма смутное представление о долинах и поселениях, и все — очень приблизительно. Наш разговор крутится вокруг странного поведения новых знакомых. Мы перебираем все события вчерашнего вечера, вновь и вновь говорим о том, что хорошо заплатили носильщикам, не оставили в обиде и тех, кто принес продукты. Пытаемся вспомнить сказанные накануне вечером слова и реакцию на них жителей. Никаких недоразумений не было. Настроение у нас испортилось.

Восемь часов утра. С отдаленной миссии Согано доносится слабый колокольный звон. Мы смотрим друг на друга и начинаем смеяться. Сегодня воскресенье, а в воскресенье нормальные люди не работают. Жители Кендаты вот уже пять, а то и десять лет, как обращены в христианство. И оно для них представляется вершиной цивилизации и прогресса. В воскресенье все идут в церковь, а не работают за деньги, не ходят в какие-то геологические походы. И мы должны были бы, если подходить к делу формально, поступить так же. Ян, имеющий некоторый опыт, не жалеет крепких слов в адрес миссионеров, пытаясь скрыть за ними главное: досаду от потери нашего авторитета у местных жителей. Мы забыли про воскресенье, а в нашем положении

этого не следовало бы делать. Нам будет трудно объяснить им, что мы естествоиспытатели и к религии не имеем никакого отношения. К тому же мы понимали, что нетактично морочить голову нашим новым друзьям абсолютно непонятными для них доводами.

Погода нам не благоприятствует, дождь усиливается. В лесу и возле речек шум дождя раздается так сильно, что, кажется, слышишь падение каждой капли на большой плоский лист банана. Несколько раз идем прямо по реке: тропинок много, и мы не знаем, какую выбрать. Встречаем несколько островитян. На их лицах недоверие. Когда удается с ними поговорить, узнаем у них местные названия рек, ручьев, деревень. Обычно они нас немного провожают, не знаю почему — может быть, это вежливость, а возможно, желание поскорей выдворить нас со своей земли. Поиск образцов — занятие для них непонятное.

Когда в полдень мы отдыхаем у речки Эмборо, Ян обращает мое внимание на что-то коричнево-черное и скользкое, прилипшее к моим гольфам под коленом. Оторвать не удастся. Оказалось, это пиявки. На каждой ноге по несколько штук сантиметров восемь-десять длиной. Одни из них крутятся, другие лежат неподвижно, будто устали тянуть кровь сквозь гольфы. Ян спокойно советует:

— Возьми ее поближе к головке и крути против часовой стрелки. И сразу отпусти, если не отвалится, больше не дергай. Избавимся от них другим способом. Я со своими разделаюсь дома.

У Яна тоже все гольфы в пиявках. Они просунули головки сквозь сплетение ниток, чтобы добраться до кожи, а сами греются на солнце. Пока мы шли домой, в Кендату, пиявок прибавилось. Снимать ботинки, стягивать гольфы и выдергивать их — занятие не из приятных. Ранки заливаем спиртом, иначе будут гноиться и образуется так называемая тропическая язва. Как по своему опыту, так и по опыту Яна знаю, что даже при тщательной обработке антибиотиками такая язва держится месяца три, то есть до тех пор, пока человек не покинет влажные тропики или хотя бы не перестанет ходить в джунгли.

Через пару дней мы уезжаем из Кендаты. Погружаем в машину рюкзаки, благодарим и прощаемся. Вся

деревня вышла проводить нас, на дорогу нам вручают кусочки копченых летучих мышей.

— Господин, я не говорю «гуд бай», я хочу ехать с вами.

Наш одиннадцатилетний друг, как и несколько дней назад, когда мы нанимали носильщиков, тянет меня за рукав. На нем одолженные у кого-то короткие штаны и застиранная майка.

— На те деньги, которые вы мне дали, хочу что-нибудь купить маме.

Меня не пугает, что сегодня вечером или завтра утром ему придется топать пешком двадцать пять километров из Попондетты в Кендату. Он к этому привык. Меня пугает другое. Наверняка этого бесхитростного и благородного человека кто-нибудь обманет, выманит у него первые заработанные деньги.

2. ТУРИЗМ — ВЕЛИКИЙ БИЗНЕС. ВАНИГЕЛА

Раскрывать профессиональные секреты по меньшей мере бестактно, но, надеюсь, коллеги меня простят. Геологи, где бы они ни встретились, будь то под скалой, в очереди на прививки или в кафе, тут же усядутся и начнут долго беседовать о своих делах. Точно так же и на Новой Гвинее, только роль кафе как места встреч здесь выполняет бар или паб.

В назначенный день экспедиция Виктори — Саклинг собралась в баре единственного отеля Попондетты. Здесь были геологи почти со всего света: итальянец Гвидо Чиффали, австралиец Филип Хонен, новозеландец Ян Смит и я. Не было только пилота и помощника-папуаса. Они должны были прилететь прямо в Ванигелу.

К шести вечера бар опустел. Здешние белые джентльмены отбыли домой ужинать, и кроме дискутирующих геологов в зале осталось двое. Молодая блондинка за ближним столом и смуглый мужчина лет тридцати — за дальним, судя по нашивкам на рубашке, пилот. Поскольку людей, знающих, как по англосаксонскому этикету представить гостей друг другу, не было, мы разошлись, так и не познакомившись. Наутро следующего дня нас ждал приятный сюрприз: в самолете, летавшем в Самараи, собрались все — геологи, блондинка

и пилот. И когда мы помогали пилоту погрузить полтуши мороженой свинины в грузовой отсек, а мерзлое мясо не поддавалось никаким усилиям расколоть его или согнуть, тогда-то и исчезли все формальности этикета. Полет обещал быть приятной семейной прогулкой.

— Не могли бы вы пролететь над Ламингтоном? Мы бы сделали пару снимков сверху.

Нашу просьбу неожиданно поддерживает блондинка, и от этого она становится еще симпатичнее.

— Как бы я хотела увидеть Ламингтон! Я еще никогда в жизни не летала над вулканом.

— Ну, если вы меня не выдадите...

Самолет берет курс на Ламингтон, но, оказалось, напрасно. Как и на прошлой неделе, когда мы потели на его склонах, вершина была полностью скрыта в тумане. Ламингтона мы не увидим, но блондинка, используя доброе настроение пилота, предлагает лететь над побережьем. И вот мы летим вдоль линии берега. Под нами деревушки, узкий пояс кокосовых пальм, коралловые рифы, блестящая на солнце голубая гладь моря. Пилот предупреждает, что летим низко.

Спустя какое-то время поворачиваем в направлении к зеленому холмику. В тот миг, когда мне показалось, что шасси почти касаются поверхности моря, приблизились берег и холм. Гул мотора усилился, и мы приземлились у подножия невысокой горы. В ту же минуту откуда-то из-за кустов появилась толпа полуголых людей. У них были крепкие тела воинов, татуировка и воинственное выражение лиц. Я ждал, когда же они испустят боевой клич и пойдут в атаку. Но вместо копий они держали в руках шпалы, которыми и закрепили колеса самолета. Они помогли нам выбраться из тесной кабины и спуститься на землю. На вполне понятном английском спросили, откуда мы прибыли, хорошо ли летели, видели ли Ламингтон. Затем сообщили, что сегодня очень холодно (плюс 18 градусов по Цельсию). Потом, снова превратившись в грузчиков, мы вытащили из самолета буханки хлеба, коробки с яйцами, мороженую свинину. Наконец-то уселись в тени под крылом и напились холодной воды, которую кто-то принес в термосе. Вспоминная, что сегодня исключительно холодный день, мы не могли удержаться от смеха.

И вот опять летим как пассажиры первого класса. Следующая посадка в Ванигеле, где нас должны ждать вертолет, помощник-папуас и пилот.

Ванигела. Она нанесена кружком, обозначающим, что там живет пять тысяч человек. Есть регулярное авиасообщение; некоторые богатые туристы могут даже для себя одних нанять самолет. И это главная причина, почему Ванигела нанесена на нашу карту. Выйдя из самолета, мы увидели, что здесь почти ничего нет, кроме миссии, состоящей из десяти хижин, двух домов, одной церкви (хижины побольше) и восьми навесов, образующих классы школы, где преподают миссионеры. Есть еще «Тропический дом для гостей» — так называемый отель, отделенный от аэродрома расстоянием в три километра. Миссия расположена вокруг аэродрома, как это принято во многих местах Новой Гвинеи.

Владелец отеля господин Кридлэнд уже ждет нас. Ему немного за пятьдесят. Его вездеход «тойота» отвозит нас и багаж по единственной в Ванигеле дороге, ведущей от аэродрома к отелю. Господин Кридлэнд, бывший чиновник колониального управления, организовал здесь «большой бизнес». Должен признаться, нам с Яном понадобилось немало времени, прежде чем мы проникли во все тайны его предприятия. Кое в чем нам помогли беседы в миссии. В дни вынужденного безделья, когда погода не позволяла нам выполнять геологические задания, мы пытались постигнуть положение местного населения и секреты денежного обращения в королевстве Кридлэнда. Мы скоро поняли, что модель этого туристского дела весьма проста, стержень ее — деньги, и она подобна круговороту воды в природе. Ни одна монета не выходит за пределы королевства Кридлэнда, и, пока так будет продолжаться (а конец этому, наверное, придет), Кридлэнд и жители Ванигелы будут вращаться в единой денежной системе.

Главная опора и условие этого бизнеса — закон, который не позволяет платить папуасам за работу больше, чем означенные в предписании восемьдесят центов в день. Поэтому-то нам и приходится нанимать больше помощников, чем хотелось бы. Производительность труда и темп работы местных служащих не идут ни в какое сравнение с европейскими.

Как же организован здесь туристский бизнес? Нескольким семей из числа коренных жителей строят хижины, разумеется, из подручного материала: бамбука, разных видов лиан, пальмовых листьев. Нанявшему их хозяину остается только купить постели, умывальники, бачок с приспособлением наподобие дуршлага, которое

крепится сверху шпагатами (душ),— и тропический отель готов. Местное население, во всяком случае самое умелое, засаживается за изготовление сувениров, например вырезает из дерева крокодилов. Организуется «военная» бригада, которая как раз на середине дороги между аэропортом и отелем будет совершать «нападение» на приехавших туристов. Остальные жители заняты на кухне, нагревают воду и наполняют баки для душа. Иные ухаживают за газоном, подносят вещи, доставляют из соседних деревень продукты для туристов и их званых вечеров, конечно, и для себя тоже. Кроме того, все население образует фольклорный ансамбль. Для большего эффекта женщины своим выкрашенным растительными красками юбочкам придают еще более яркие оттенки с помощью анилиновых красителей. Турист, который приезжает на неделю, не догадывается, что вождь, встретивший его с воинами в полдень, вечером вытирает посуду в отеле, а охотник, «случайно» повстречавшийся ему в джунглях, греет воду для вечернего душа гостей и, несмотря на «совместительство», получает те же восемьдесят центов.

Владелец, разумеется, не забывает построить для себя весьма внушительную резиденцию, где он хранит сувениры для «большой» торговли, магазинчик для туристов и лавчонку для островитян, где они могут потратить заработанные в отеле деньги на соль, сахар, коричневый неочищенный рис, рыбные (китайские) консервы, куски ткани и яблонцевую бижутерию¹⁰.

После этого остается только выпустить зазывной плакат: «Приезжайте в Ванигелу! Нетронутая дикая природа! Голые папуасы! Великолепная рыбалка! Европейская кухня! Приключения! Роскошный отель!»

Мы были свидетелями одного такого приключения. Нанятый самолет приземлился на ванигельском аэродроме. Местный вождь к встрече гостей-патрициев был соответствующим образом разукрашен татуировкой, перьями и яблонцевыми «драгоценностями». Прилетевшие туристы были похожи на всех вообще американских туристов: безвкусно одетые старые щебечущие леди, джентльмены, увешанные фотоаппаратами, которые хлопали по круглым животам. Джентльмены тут же направили свои объективы на полуголую папуаску (нам тоже она нравилась), а дамы с интересом разглядыва-

¹⁰ Яблонец — город в Чехословакии, знаменитый своей бижутерией.

ли перья райских птиц на вожде. В то же время в двадцати метрах от них пилот под громкие рыдания всех членов семьи вносил в самолет маленького мальчика, у которого были сломаны ноги. Родители не понимали, почему их малыш должен лететь в больницу, и не верили, что он когда-нибудь вернется. Между тем туристы уселись в автомобиль и направились к отелю. Он шел как старый конь, которому уже не нужен кучер. Казалось, машина сама остановится там, где господин Кридлэнд организовал первое представление. Она закашляла и действительно, будто от поломки, остановилась; раздался воинственный клич, и из высокой травы у дороги выскочили пестро раскрашенные люди с перьями на голове, с передниками из тапы, с блестящими браслетами из морских раковин на ногах. Они потрясали копьями и били в барабаны. Большинство из них уже не раз разыгрывали эту сцену, но все равно развлекались от души. Должен признаться, что спектакль выглядел весьма правдоподобно, и единственными зрителями в нем были, пожалуй, только мы. Туристы не ожидали ничего подобного, хотя их детальный проспект о пребывании в восточной части Новой Гвинеи включал в себя и нападение «дикарей». К тому же что-то подобное они, возможно, испытывали в туристской поездке по Африке. В окружении папуасов вся группа потихоньку продвигалась по направлению к отелю, щелкали фотоаппараты. Самые пожилые туристы через полчаса уже почувствовали себя усталыми. Невысокий толстый господин, зубной врач из Нью-Йорка, решил поговорить с нами.

— Геологи, говорите? А что, собственно, здесь ищете? Нефть? А для какой фирмы?

— Нет. Мы проводим первичное исследование горных комплексов, составляем геологические карты, главным образом вон того массива на западе. Мы работаем в геологической экспедиции на вулканах Виктори и Трафальгар, другая группа работает на вулкане Саклинг в юго-восточной части.

— Я был на Фиджи и у подножия Килиманджаро. Это тоже вулканы, правда ведь?

Мы только вздохнули от зависти: никто из нас там не был. Но здесь все козыри наши.

— На Виктори до сих пор был только один исследователь, и сегодня это белое пятно на карте. Мы надеемся, что завтра или послезавтра в зависимости от погоды сможем туда подняться.

Тем временем процессия — машина Кридлэнда, сопровождаемая барабанным боем, — добралась до отеля. Здесь туристов ждало представление — танцы тринадцати-пятнадцатилетних папуасок, одетых только в короткие юбочки.

Понемногу темнеет, дамы и джентльмены прячут свои фотоаппараты, тень скуки наползает на их лица. В этот момент появляется господин Кридлэнд и с непринужденной улыбкой приглашает всех — и геологов тоже — немного выпить.

Личное приглашение — вещь сама по себе очень приятная, а кроме того, и в нем скрыт свой смысл: Кридлэнд не имеет права торговать алкоголем, за такое разрешение взимается высокий налог. К тому же, если бы у него было разрешение, он имел бы право торговать лишь в определенные часы. Поэтому он угощает «приятелей». Это приносит свои плоды. После второй выпивки и самые твердокаменные надеются, что господин Кридлэнд опять пригласит их выпить и отведать «пищу аборигенов». Действительно, и завтра и послезавтра туристы получают выпивку и эту самую пищу — жареный или вареный батат, — точно такую же, какую едят коренные жители. И никакого мяса, оно припасено только для людей, «развращенных цивилизацией», и это не что иное, как консервированная говядина. Ни один из гостей не хочет осрамиться, и мяса никто не просит.

Не знаю, может быть, его супруга ждала, что мы назовем ее гуманисткой, поскольку она показала избалованным американцам, как убого питаются островитяне. Нас ее обеды заставили задуматься о контрастах современного мира. Мне не хотелось бы думать, что она это делала из соображений экономии.

Во время вечерней выпивки и после ужина туристов приглашают в семейную часть дома Кридлэндов, туда, где хранятся «культовые и исторически ценные предметы», которые пока не продаются. Продавать их начнут каждому гостю поодиночке несколькими днями позже, перед отъездом туристов, и продажа будет представлена как жертва, которую приносит хозяин в пользу полюбившихся гостей.

Туристы довольны. Господин Кридлэнд также выпил вместе с ними. А мы с Яном решаем, что нам делать: цена за жилье и питание высока, и в бюджет нам не уложиться. Мы приступаем к переговорам, господин Кридлэнд долго не сдается. Наконец сходимся на том,

что мы будем платить по семь долларов за навес без питания. Причем считаются только те дни, когда мы находимся в Ванигеле, а дни, проведенные в джунглях, в расчет не идут. Едой обеспечиваем себя сами или покупаем у него и тогда в каждом отдельном случае расплачиваемся. Кое-что у нас есть, мы верим в наши рыболовные и охотничьи способности, да и «пища аборигенов» нас в общем устраивает. Если придется совсем худо, по своему радио мы можем сообщить друзьям в Порт-Морсби, и они пришлют нам что-нибудь с первым же самолетом.

Вечерний прием у Кридлэнда развивался по всем австралийским и английским правилам. Зубной врач из Нью-Йорка опять навязывался с разговором, не веря глазам своим, что встретил в Новой Гвинее человека из Чехословакии, вспоминал Прагу и Табор. Из беседы с ним мы поняли, что его абсолютно не интересует окружающий мир — ему важно путешествие как таковое — и, что бы он ни увидел, уже не может повлиять на его раз и навсегда установившееся представление о мире. На этом вечере мы встретились с сотрудниками миссии и молодым австралийцем, инженером-агрономом. Он работает по поручению Организации Объединенных Наций и вот уже несколько дней пребывает отнюдь не в лучшем настроении. Цены на какао снова упали, а здешние жители решили, что он хочет обмануть их. Для них мир кончается за границами деревни, в крайнем случае — Порт-Морсби.

— Видите ли, они не могут понять всех сложностей торговли. Два-три года назад, да и в прошлом году цена на какао была очень высока. В Гане тогда был хороший урожай, а в Нигерии гораздо меньше ожидаемого. Мы на этом выиграли, получая хорошие деньги даже за неважное какао. А в этом году так уже не получается. Трудно объяснить этим людям, что главный производитель какао — это Африка и что ее продукция диктует цены на мировом рынке, да еще зависит от политики. И это не все — у нас большие проблемы с перевозкой, складированием, конкуренция с крупными плантаторами. Но самое трудное то, что люди здесь не хотят работать в коллективе.

Разговор вертелся вокруг какао, кокосовых орехов, попыток выращивать чай, мы говорили о своей работе. Прислушиваемся к совету: не пытаться вовлекать здешних жителей в дело собирания образцов горных пород.

Пример двух датских археологов, поселившихся в прошлом году в одной деревушке недалеко от Ванигелы, весьма убедителен. Датчане за каждый обломок старинной керамики давали жителям нужные им вещи. В наше время изготавливается совсем другая керамика, чем та, которую искали археологи. Они платили специальную премию тому, кто укажет место, где найден керамический черепок. Ванигельцы решили проблему старинной керамики по-своему. Они сделали несколько керамических сосудов по старинному образцу, разбили их, закопчили на своих очагах и зарыли в землю. Отыскать свою «находку» они не торопились, лишь наблюдали за поисками археологов. Три месяца спустя, когда место, где были зарыты черепки, поросло травой, они принесли датчанам несколько «случайных» находок и получили награду. Потом привели археологов на это место и получили обещанную премию. Археологи приступили к работе, обнаружили мошенничество, заявили о нем, но их помощники давно уже скрылись в джунглях.

Мисс Маргарет из миссии приглашает нас на завтрашнее воскресное богослужение. Приглашение принимаем — мы осмотрим миссию и останемся там обедать.

Явились мы в семь утра. Сначала знакомимся с «белыми» членами англиканской миссии. Мисс Маргарет, миссис Робинсон и представленный нам как «отец» молодой учитель Джон. Школьные классы размещаются в отдельных хижинах: большая колода посередине вместо стола, другая пониже вместо стульев и большая черная доска — вот и все их оборудование. Больница, другая составная часть миссии, тоже в большой хижине: несколько кроватей и шкафов и стол. Мисс Маргарет — акушерка, медсестра и учительница одновременно. Миссис Робинсон выполняет обязанности медсестры и врача, которого в этой больнице никогда не было. Кроме того, она должна поддерживать хорошие отношения между миссией и местным населением, встречать самолеты, и потому она главный в Ванигеле почтмейстер. «Отец» перед богослужением не может уделить нам ни минуты. Джон здесь работает только учителем; мы его не интересуем. Он в Ванигеле всего неделю и постоянно думает о том, как бы побыстрее удрать отсюда.

Нас сопровождает только медицинский персонал — мисс Маргарет и миссис Робинсон. Они делятся с нами своими заботами. Заходим в послеродовое отделение и в «хирургию».

— А что в основном приходится лечить?

— Травмы от падений с арековой пальмы. Она такая тонкая, что не может выдержать взрослого человека, поэтому за любимым лакомством — орехом для бетеля — папуасы посылают детей. Нередко пальма ломается и под тяжестью ребенка, иногда он сам не справляется с акробатическими упражнениями на ее вершине, и все это заканчивается у нас.

Удивительно, но орехи арековой пальмы — главная причина несчастных случаев — нам не кажутся вкусными. Растут они небольшими группками у самой верхушки пальмы. Как и везде, папуасы к бетелю добавляют негашеную известь — здесь ее называют «лайм». Носят ее обычно в красиво украшенных мешочках, напоминающих кисет для табака. Когда бетель разжевывается, во рту образуется красная каша, от которой чернеют зубы. Вкус ее ни с чем из того, что нам известно, сравнить нельзя. Если вам все-таки захочется попробовать это экзотическое лакомство, пожуйте квасцы, которыми мужчины пользуются во время бритья. Держу пари, что вы их тут же выплюнете. Так и папуасы: пожевав эту кашу, выплевывают. И если глаза ваши не привыкли или если у вас слабый желудок, лучше не глядите на заплывшую напоминающей кровь кашу землю, особенно в городах, таких, например, как Порт-Морсби. В джунглях или в деревне, где ходят по утоптанной глине, картина не кажется такой неприглядной.

Что же дает жевание бетеля? Сам я сказать не могу, не жевал. Джек Налу объяснил так:

— Вы, господин, любите пить пиво. У нас пива нет, вместо него бетель. Когда вы хотите есть, вы пьете пиво, и вам становится лучше, снятся красивые сны. Так и нам после бетеля снятся красивые сны и не хочется есть.

Джек не очень-то любит бетель, но не отказывается, когда его ему предлагают.

Наш осмотр миссии продолжается, мы попадаем на службу. Сначала присутствуем из вежливости, потом с интересом начинаем прислушиваться и уходим восхищенные. Если быть точным, это вовсе не служба в том смысле, в каком мы привыкли ее понимать. Алтарь, вернее, подобие алтаря, и люди, собравшиеся вместе. Сама церковь — большая бревенчатая постройка, крытая узором выложенными листьями, перевязанными лианами.

Люди приходят в основном группами, одетые в самое лучшее. Стоят, садятся или становятся на колени прямо на утопанный глиняный пол. Ведут они себя в помещении так, что иначе, как врожденным тактом и воспитанностью, это чудо не объяснишь. Между взрослыми бегают маленькие дети, рядом с молящимися можно увидеть и собак, которые, кажется, тоже преисполнены достоинства. Служба идет на местном языке, мы не понимаем ни слова. Говорят мало, большая часть обряда — пение. Происхождение мелодии явно не меланезийское, здесь чувствуется и мелодичность полинезийских песен, и ритмичность американских блюзов. Врожденная музыкальность собравшихся ощущается в каждом такте, и вскоре создается впечатление, что вся церковь танцует. Поют на два-три голоса с интенсивностью реактивных моторов. «Отец» несколько раз отходит от алтаря, а его место занимает помощник-папуас.

За обедом говорим о многом: о ценах на какао, о независимости для Новой Гвинеи, миссионеры рассказывают, как они представляют себе Чехословакию. Нас с Яном интересует любая информация о Виктори и ее вулканической деятельности. Оказывается, самую подробную информацию об этом нам может дать господин Кридлэнд: он служил в полиции в Туфи и по долгу службы часто беседовал с очевидцами извержения вулкана. Он явно доволен, что мы пришли к нему расспросить о Виктори. В долгом рассказе (он называет по именам всех своих начальников и подчиненных, местных помощников и просто посетителей полицейского участка в Туфи после второй мировой войны и до нас) мы вылавливаем и новые сведения о вулкане. Он не мог упустить возможности перечислить всех папуасов, которые «стали людьми» благодаря тесному сотрудничеству с полицейскими и миссионерами. Всех остальных он различал только по прямым волосам и более светлому цвету кожи. Вся эта информация — кто есть кто, — возможно, нам пригодится.

Господин Кридлэнд говорит:

— В тысяча девятьсот восемнадцатом году чиновники колониального управления Хупер и Макдональд сделали попытку подняться на Виктори. Особенно трудно было взобраться на вершину, потому что она состоит из сыпучего материала.

— А разве туда нет тропинок, протоптанных папуасами?

Господин Кридлэнд сомневается в том, что они вообще поднимались на вершину.

— Вы что-нибудь слышали об активности вулкана и о красном тумане?

— Да. Местные жители говорят, что в красном тумане можно как бы плавать. Об этом знает и капитан Уайт из Порт-Морсби. Зарево над вулканом было видно еще во время первой мировой войны. Попробуйте дать объявление в газете в Порт-Морсби, а вдруг капитан еще жив. Но я не видел красного тумана над вулканом. Я приехал в тысяча девятьсот тридцатом году и знаю о нем только по рассказам. Помню одного папуаса, было это, наверное, в первый год моей службы, он утверждал, что видел горящую реку, она вышла из вулкана, от нее шел жуткий дым, и она все сжигала на своем пути. Этому папуасу могло бы быть сейчас лет пятьдесят пять или шестьдесят. Когда он мне говорил про реку, показал на белого паренька лет четырнадцати и сказал, что ему столько же лет, сколько и этому мальчику. А года через два от другого папуаса я слышал о горящей реке, будто она дошла до самой Ванигелы.

Информация господина Кридлэнда была для нас чрезвычайно любопытна. Гора Виктори действительно когда-то была действующим вулканом, но ее сегодняшней вид свидетельствует о длительном периоде «сна». Можно ли верить сообщениям папуасов и господина Кридлэнда, когда мы точно знаем, что период активности приходился примерно на 1880 год? Сверкающий над вулканом раскаленный туман люди видели примерно в 1920 году. Можем ли мы установить теперь, что речь идет об извержении, подобном извержению вулкана Ламингтон? Вулкан выбросил из своих глубин только раскаленный газ и обломки пород. Аэрофотосъемка свидетельствует, что лавы при последних извержениях не было. А красный туман? Он остался для нас загадкой, как и все остальное. А не оставило ли извержение немного горячей лавы на дне кратера?

Все наши мысли были заняты Виктори, и мы ждали утра, вертолета и первых ориентировочных полетов, широко охватывающих окрестности вулкана. Нас ожидала неопределенность. И самой неопределенной была погода.

3. ПРИЯТНОЕ НАЧАЛО. ГОРА ВИКТОРИ

На первый день работы мы запланировали большой ориентировочный полет. Светало очень медленно, а это верный признак густой облачности. Настроение у нас упало. «Наша гора», как мы называли Виктори, была затянута туманом до самого подножия. На восток от Ванигелы в районе массива Саклинг, куда собирались Филип и Гвидо, погода стояла хорошая.

Дуг, еще один член нашей экспедиции и опытный пилот, встал очень рано и пошел к вертолету. Он еще раз проверил и закрепил канистры с бензином, осмотрел все части машины и систему управления, своей сложностью напоминавшую кибернетическое устройство. Местные мальчишки, немного заспанные, ходили за ним по пятам, следили за каждым его движением. Они уже знали автомобиль, самолет, но вертолета не видели никогда.

Ян пытается разбудить Гвидо и Филипа, но они никак не могут оторваться от сладких утренних снов.

— Вставайте, лентяи, через пятнадцать минут летим! Вам что, делать нечего?

— Послушай, оставь нас в покое, займись своим делом,— ворчит Гвидо, хотя через десять минут он и сам уже носится как угорелый.

— Подай мне, пожалуйста, вон ту сумку с едой, москитную сетку и мачете.

Гвидо ухитрился всунуть рацию в раздавшуюся до невероятных размеров аптечку. Весь этот багаж он берет с собой на тот случай, если вертолет не сможет забрать его и помощника в тот же день и им придется остаться в джунглях.

Дожевывая на ходу сухарь, Гвидо бежит к вертолету, садится в него, и тот сразу же отрывается от земли. А мы вновь засели над аэрофотоснимками и картами. Полуостров Нельсон. Предварительная геологическая карта вулканических пород и возможность ограждения местных жителей от вулканической активности — так можно определить нашу задачу. Территория большая, и даже слишком, около трехсот квадратных километров, высота над уровнем моря — от нуля до двух тысяч метров и более, лимит времени — три недели. А мы сидим, как заноза в пальце, потому что погода никудышная.

Мальчишки привязали к спинам по две палки, так

что они торчат над головой, бегают между хижинами отеля и кричат: «Вертолет! Вертолет!» О его возвращении они оповестили много раньше, чем мы услышали шум. Во второй раз пилот взял с собой двоих ребят. Ничего не поделаешь. Нас осаждают не только дети, но и взрослые. Они решили, что все мы умеем управлять вертолетом. Им и в голову не приходит, что я сам лечу на нем первый раз в жизни. Я раздаю сухари, но это не помогает, все хотят лететь.

Ян находит радикальное решение: одалживает у господина Кридлэнда машину и везет ребят на аэродром и обратно. Но эта замена их не удовлетворяет. Они с радостью принимают предложение покататься, а потом опять окружают вертолет. Мальчишки есть мальчишки, а папуасские мальчишки любопытнее всех детей на свете. Они лезут всюду, открывают сумки, развязывают рюкзаки, и нам ничего не остается, как просить помощи у нашего друга Джека Налу. Предлагаем раздать каждому лист бумаги — будем учить их делать голубей. Но мальчишек превращение листа бумаги в голубя совершенно не интересует, они не хотят сгибать свои листы, даже после того как мы им показали, как парит в воздухе бумажный голубь. Они знают другой, лучший способ использования бумаги. Их отцы, да и они сами скручивают из нее сигареты. Погода не радует.

— Если вы, молодые люди, ждете хорошей погоды, то ждать вам еще долго. Не лучше ли дня на два отправиться на рыбалку?

Приходится согласиться с Кридлэндом и изменить программу. Вместо ориентировочного полета нанесем пока на карту все речушки и потоки в долине и на склонах массива. С точки зрения геологии это не лучший выход из положения, но ничего другого не придумаешь.

Несколько дней работаем недалеко от Ванигелы, чтобы не пользоваться вертолетом и сэкономить бензин. После полудня, как правило, идет дождь. Мы с Яном, папуасы Джек и Этази раскидываем небольшой лагерь в долине речки Айова. Временами река пополняется грязевыми потоками, появилось много пиявок. Одолевают комары, даже под москитными сетками, а ведь пока еще сухой сезон.

Наконец начинается первое рабочее утро. Наиболее удобные места для составления геологических карт — это русла рек, остальная территория покрыта непроходимым лесом. По аэрофотоснимкам выбираем точку

нашей высадки — примерно три километра вниз по этой же речушке, а еще ниже отмечаем место, откуда пилот должен будет нас забрать.

— Прилетишь за нами в одиннадцать вот сюда, к слиянию этих рек, хорошо?

Вертолет затарахтел и улетел в ближайшую долину, чтобы привезти Яна и его помощника.

Идти по берегу невозможно. Он покрыт многоступенчатыми зарослями, которые во время дождей спускаются в самую воду. Единственное, что нам остается сделать, — это закрепить все вещи — фотоаппарат, карты, небольшой рюкзак с аптечкой и другим необходимым на первый случай — на голове и тешить себя надеждой, что не поскользнемся.

Три часа промелькнули незаметно, а мы с Этази идем по пояс в воде и прошли лишь половину пути. Вокруг нас журчит речка. Я целиком полагаюсь на Этази.

— Вертолет уже близко, господин, стреляйте ракетой.

Пилот ищет потерявшихся пассажиров, вертолет пролетел как раз за излучиной реки, и Дуг не мог нас видеть. Ракета не взлетела: в сигнальный пистолет попала вода. Пилот возвращается, на этот раз все удачно: он заметил ракету. Теперь важно, найдет ли он, где приземлиться. Нам кажется, что вертолет касается винтами ветвей. Наконец он садится на камень посреди речки.

— Как тебе не стыдно, разве такой мокрый ты сел бы в свою машину? Ян ждет тебя к обеду, Джек приготовил диких голубей.

Так повторяется в течение последующих нескольких дней. Игра наперегонки со временем, с вертолетом, а иногда и с помощником-папуасом. Этази — хозяин положения, на скользких камнях, среди переплетений ветвей и лиан он ориентируется лучше меня. Кроме того, я рассматриваю камни, нагибаюсь, чтобы поднять образцы, и постоянно отстаю от него.

Однажды, ближе к вечеру, мы шли по широкой долине реки у юго-восточного склона горы Виктори. Ближился конец длинного послеобеденного похода, и мы были здорово нагружены тяжелыми камнями. Этази шел немного впереди. Вдруг он оборачивается ко мне, ударяет меня по плечу и закрывает рукой рот, как бы говоря: «Ни звука!»

Удар по плечу был так силен, что я остановился и

присел. Глаза у Этази горели, он показал мачете на скопище огромных камней впереди.

В голове проносятся страшные картины из жизни папуасов, почерпнутые из книг и кинофильмов. Я представляю, что там, за камнями, стоит вооруженный до зубов папуас, и вот только потому, что мы не договорились с кем надо и пришли в эту долину, я буду заживо поджарен на костре.

Однако вместо папуаса от камней отделяется и с достоинством выступает большая птица. Она намного крупнее нашего аиста, серо-черная, с красным воротником. Птица величественным шагом проходит мимо нас и скрывается за камнями. Этази осторожно, с кошачьей легкостью, прыгает, будто не было двадцатикилометрового перехода и нет у него на спине пятнадцати килограммов камней. Останавливается, прячется, быстро перебегает к следующему камню, одним прыжком перелетает на соседний и так преследует птицу до самого леса. Я стою как вкопанный. Минут через десять Этази возвращается. Глаза потухли, со лба течет пот, и по интонации я понимаю: он смущен. Грустно смотрит на меня и, собрав весь свой запас английских слов, объясняет:

— Казуар, господин, это лучше голубя, лучше летучей мыши, лучше змеи. Его мясо — самое лучшее. Я его очень люблю. Извините, не вышло. Джек будет очень жалеть.

В отличие от Этази я рад, что нелетающий казуар спасся в джунглях: если бы Этази поймал птицу, ему пришлось бы оставить мои камни, чтобы дотащить ее до вертолета.

Вечером за ужином я думаю по-другому. Традиционный надоевший батат, скользкие макароны, несколько волокон говядины из консервной банки. Горькие таблетки хинина — обязательная порция против малярии — дополняют меню и отнюдь не поднимают настроения. Вода в синтетической канистре отвратительна на вкус и к тому же теплая. Не лучше и та, которую мы набрали в котелок прошлой ночью.

— В сахаре полно муравьев, и чай куда-то запропастился, — ворчит Ян. — Представляешь вкус печеного казуара? Вообрази жареную утку с картошкой и пивом, так вот казуар еще лучше; свежее мясо, это было бы по-царски...

Яна я уже не слышу. У меня хорошая фантазия, и перед глазами возникает приготовленный по-чешски гусь

с кнедліками и тушеной капустой, а рядом запотевшая кружка пльзенского пива. Образ, о котором новозеландец не может иметь ни малейшего представления.

Мои чудесные грезы нарушает Джек, предлагая кетчуп.

— Понимаете, охотиться на казуара в общем-то нетрудно. Поэтому их так мало. И небезопасно. У казуара есть три больших когтя, средний такой твердый, что может разорвать человеку живот. Казуар способен поранить и своим крепким клювом.

Весь вечер мы ни о чем другом не говорим, как только о еде и питье. Засыпаем с сердитым урчанием в желудках. Утешаем себя надеждой на завтрак. Но утром не лучше: оставшиеся от ужина батат и оладьи из папайи.

Джек и Этази были для нас бескорыстными советчиками, проводниками и переводчиками. Наняли мы их в Порт-Морсби по рекомендации знакомых геологов. Джек (он стал моим другом, участвовал и в экспедиции двумя годами позже) родился в папуасской деревне на северном побережье недалеко от Лаэ. Ему, по-видимому, около двадцати, и он обошел бóльшую часть Новой Гвинеи. С геологами работает с пятнадцати лет. В школу ходил недолго, но говорит на нескольких местных языках, прежде всего на моту¹¹ — языке восточной части Папуа. Неплохо знает и английский, его пиджин просто замечателен.

Часто я застывал на месте от изумления, глядя, как Джек и Этази орудуют мачете. Мне всегда казалось, что они и родились с мачете в руке. Этим полуметровым тесаком они одним ударом раскалывали орехи, даже такие маленькие, как наши грецкие.

Только много позже, на Соломоновых островах, я понял, что такие орехи умеют раскалывать с помощью этого орудия и шестилетние дети. Сам я несколько раз пробовал разбить кокосовый орех мачете, у меня на это уходила уйма времени. Джеку требовалось несколько секунд.

Невероятна и удивительна была способность Джека и Этази ориентироваться в непроходимых зарослях. Думаю, что папуасы уже рождаются с такой способностью.

¹¹ Автор имеет в виду не собственно моту, меланезийский язык, на котором говорит население в районе Порт-Морсби, а его пиджинизированную форму хири-моту (см. Послесловие).

Всегда они находили тропинку там, где другой не стал бы и искать. Сколько раз они приводили прямо-таки шерлокхолмсовские доказательства: здесь «кто-то разбил лагерь, было их двое»; «здесь кто-то прошел два дня назад»; «сюда не ходите, там должны быть змеи». Хотя я ничего не видел и увидеть не мог.

Я уж не говорю о том, что они знали массу других вещей: какой вид лиан лучше всего заменяет веревки, какое дерево горит и мокрое, какие листья можно есть, чтобы утолить жажду.

Погода наконец прояснилась, и гора Виктори открылась во всей своей красе — громадина, возвышающаяся на поверхности моря сначала полого, а потом круто на высоту до тысячи девятисот метров. Склоны изрыты водной эрозией, а если внимательно присмотреться, на крутых откосах можно заметить оползни. Все покрыто непроходимыми зарослями.

Наши коллеги на Саклинге три дня будут работать на одном месте, и пока им вертолет не нужен. Джек и Этази получают выходной день. Мы с Яном решаем начать «атаку» вершины Виктори, если можно назвать атакой подъем на вертолете.

На рассвете вылетаем из Ванигелы. Вертолет нагружен канистрами с бензином и самым необходимым багажом. Что, если попробовать освободиться от багажа? Сгружаем его в долине одной из речушек у подножия горы, и облегченный вертолет прекрасно одолевает высоту. Еще несколько минут — и мы над седловиной между горами Виктори и Трафальгар. Сверху видны два паразитических кратера, в одном из них голубое озеро.

— Дуг, ты мог бы нас посадить здесь?

— Ты шутишь?

— Да нет, вполне серьезно.

— Вы же хотели сегодня на вершину, а если сядем, то уж не получится. Скоро подъем будет тяжелее.

— А завтра? Нам ведь сюда не дойти.

— Увидим.

Вертолет ползет вверх все медленнее и медленнее. Взглядом упрекаем пилота: он самый тяжелый — во семьдесят килограммов. У меня к собственному весу добавлено два фотоаппарата. Скверная привычка брать с собой только большие, тяжелые камеры! А каждый килограмм веса в разреженном воздухе сильно затрудняет подъем. Понемногу-понемногу, но все же поднимаемся. Уже видим отвесные стены кратера, фотографируем

свежие потоки лавы, свидетельство активности вулкана, а может быть, и землетрясения.

Возможно ли забраться на вершину?

Предприятие это кажется неосуществимым. Но ведь держится же как-то растительность на этих отвесных склонах... Только теперь мы понимаем, что испытали первые победители Виктори. После часового подъема мы наконец зависли над границей кратера. Над нами голько одеяло из облаков. Граница кратера непривычно острая, шириной примерно с метр, местами ничем не поросшие голые камни, склоны по обеим сторонам — под очень острым углом. В одну сторону склон уходит на тридцать метров до дна кратера, с внешней стороны тянется до высоты пятьсот метров над уровнем моря. Разница в высоте внутреннего и внешнего склонов больше тысячи метров. Некоторые участки в глубине кратера слабо дымят — свидетельство небольшой тепловой активности. Дно кратера затянато болотом и высокой травой, похожей на камыш. Вполне возможно, что там собирается дождевая вода. Вертолет свободно парит в кратере, как стрекоза. Приглядываемся. Единственное удобное место для сбора образцов — граница кратера.

— Ну, ребята, вы, конечно, понимаете, садиться я не буду. Негде. Аккуратно откройте дверь и выходите на лопасть винта, только не сверните мне ее, а я попробую минутку подержать винт без движения. Прыгайте быстрее, ни за что не держитесь, а через пару минут я за вами вернусь.

Этот совет прежде всего адресован Яну, поскольку он уже совершал такой маневр. Открыв дверь, Дуг балансирует сантиметрах в тридцати над границей кратера. Прыжок. Ян прижался к земле, а вертолет взмыл. Потом Ян быстро ползает по острым камням, собирая образцы. Один небольшой круг, и мы возвращаемся за ним. Он подает нам образцы и быстро лезет внутрь. Меняемся ролями. Это необязательно, но я хочу своими ногами ступить на Виктори. Дуг неодобрительно смотрит на меня:

— Можно обойтись и без этого.

Маневр повторяется. Зависаем над противоположной стороной кратера. На этот раз прыгаю я. Дверь. Лопасть. Прыжок в низкую траву. Ужасный шум. Сильный порыв ветра. Вертолет взмывает, и, как только что делал Ян, я уползаю в сторону. Сначала ничего не понимаю, мне кажется, что вокруг мертвая тишина. Вдали вижу

море, по обе стороны крутые откосы. От непривычного чувства перехватывает дыхание, однако на восторги времени нет. Несколько ударов молотком, и мой образец безвозвратно падает куда-то в глубину. Вертолет возвращается. Нетерпеливо гудит. Еще один удар молотком. На этот раз повезло, и, прежде чем вертолет уперся в скалы, я хватаюсь за шасси. Меня сильно стукнуло будто электрическим током и теперь немного пошатывается. В кабине веселье. Ян и Дуг не могут удержаться от смеха. Слов я не слышу, но могу представить, что они говорят: «Эх ты, зеленый, в следующий раз будешь терпеливее».

В воздухе от вертолета бьет сильным электростатическим зарядом, от которого можно избавиться, дотронувшись до земли. Не очень-то приятно быть громоотводом.

Зависаем над кратером еще два раза. Пытаемся выпрыгнуть на дно, но не находим удобного места. Бензин остался далеко внизу, за пологими склонами, надо возвращаться за ним. Победили ли мы Виктори? Есть ли нам чем похвалиться? Очевидно только одно: Дуг оказался на высоте.

На какой «высоте» Дуг, мы имеем возможность оценить во время следующих вылетов. Для обширного района вокруг Виктори мы составляем карты, собираем образцы лавовых потоков и нетвердых вулканических отложений — пеплов. Для вертолета это значит прыжки с места на место, для Дуга — приземление в точках, абсолютно непригодных для этого. Мы тоже не сидим сложа руки. Один из нас — навигатор — выбирает место, где зависнет вертолет, другой выполняет роль и парашютиста и геолога. Вертолет не может долго висеть над выбранной точкой, а зачастую он не в состоянии ни приземлиться, ни зависнуть. Это значит, что он летит над землей — иногда выше, иногда ниже, в зависимости от того, каков рельеф местности. Если внизу высокая трава, то можно прыгать и с высоты в полтора метра, а то и в два, а это уже не шутка: ведь мы не знаем, на что прыгаем. На скрытые в траве камни или на клубок змей? Но долго размышлять, к счастью, нет времени. Надо быстро выпрыгнуть, отбить кусок скалы, геологическим компасом определить ориентацию минералов относительно лавового потока, осмотреть все кругом и вернуться. Едва успеет «парашютист» в кабине перевести дух, отереть со лба пот, передать образцы, как

уже подоспело следующее место для прыжка. Навигатор должен быстро нанести на образец все нужные сведения, записать его под номером в блокнот, отметить на карте кружок, откуда он взят, и уже пора указывать пилоту следующую точку высадки. До обеда таких прыжков примерно сорок, после обеда столько же. Это значит, что на каждого приходится по сорок прыжков и по меньшей мере двадцать ударов от винта электричеством. Кроме того, приходится вырубать высокую траву на тех участках, где вертолет сумел приземлиться, чтобы мы имели возможность дополнить наши геологические познания еще и сведениями о структуре почв. После трех дней такой работы человек становится закоренелым врагом вертолета. Главная причина моей усталости кроется, конечно, в отсутствии тренировок.

Много раз высмеянная и обруганная аптечка нашего итальянского друга оказалась как нельзя кстати. Пригодились и резиновый чулок на вывихнутую ногу, и средство для дезинфекции ран на месте лопнувших волдырей на руках, и антибиотики от нагноений.

Когда через три дня наши коллеги попросили у нас вертолет, мы с большой охотой им его передали. Наша карта обогатилась красками, а блокноты были испещрены описаниями образцов. Остался еще участок между Виктори и подножием Саклинга.

Это долина шириной километров десять, плоская, как стол. Только кое-где пальцевидные образования. Это и есть небольшие вулканические кратеры. Каждый из них следствие одного-единственного извержения. (В отличие от Виктори или Трафальгара — вулканов, образовавшихся не менее чем за десяток извержений.) Самый «младший» кратер у подножия Саклинга возник в 1941 году. Называется Горопу, на других картах он обозначен как Вайова. Он возвышается на пятьдесят-семьдесят метров над окружающей местностью, на дне кратера красивое озерцо, а на его берегу скала — будто специально сделанная пристань. Атмосферу красоты и покоя нарушают полчища комаров, так как прямо от скалы начинаются непролазные влажные джунгли.

Особенность этого участка состоит в том, что кратеры расположены по прямой линии. Каждый геолог обязательно попытается объяснить такое «равнение». Под Саклингом есть огромная тектоническая щель, разлом в земной коре. Лава здесь подходит к поверхности, но почему она каждый раз изливается в другом месте, мы

не можем понять. Горные породы абсолютно одинаковы, хотя и извергались с разницей во времени в десятки, сотни, возможно, и тысячи лет. Территория, на которой мы работаем, не обжита, она ничейная. В большинстве случаев почвы заболочены, покрыты мангровыми зарослями. Никто здесь не живет, не охотится, только комары. Тут не хватает двух главных условий для жизни: питьевой воды и почвы, удобной для земледелия. Помимо всего прочего, как утверждают папуасы из Ванигелы, эта земля кишит самыми вредными ядовитыми змеями.

О страшных змеях я слышал еще дома перед отъездом на Новую Гвинею, но, поскольку я должен был хорошо подготовиться как геолог, у меня не было времени изучать фауну. Первую заслуживающую внимания змею я увидел в Порт-Морсби. Это был питон метра три длиной; на наше счастье, он лежал раздавленный машиной на краю шоссе. Потом я побывал на Ламингтоне, но там никто и ничего о змеях даже не говорил. Этази, у которого зоркий глаз на всякую живность, не раз внезапно отпрыгивал в сторону и отталкивал меня. Чаще всего это оказывалась маленькая ящерица или какая-нибудь безвредная змейка. Но Этази всегда заверял, что змея была очень опасной и что он однажды убил точно такую же. К сожалению, он неважно знал английский, а я пресмыкающихся, поэтому мы всех змей разделили на две группы: к первой отнесли так называемых травяных змей, то есть живущих в траве, про себя я их считал «нормальными». Они были небольшие, увертливые, обычно темные, одноцветные; ко второй принадлежали все остальные, названные нами опасными змеями. Они были крупнее, менее гибкие и ярче окрашены.

Я не доверял ни той, ни другой группе, но подсознательно вторую боялся больше и потому близко к сердцу принял совет Яна:

— Если тебя куснет какая-нибудь, запомни ее как следует, а лучше поймай и принеси: это очень важно и для первой помощи, и для дальнейшего лечения.

Полностью я потерял веру в нашу классификацию, когда Джек принес убитую им особь, которую можно было отнести сразу к обеим группам. Она была маленькой, толстой, разноцветной. Джек сказал, что это самая опасная змея, а Этази не промолвил ни слова и смущенно заулыбался. Само ее название «дэс эддер», до-

словно «носитель смерти», будто взято из сказки. Ядовитая железа занимает почти половину ее тела. Большинство укушенных ею умирает. Самое веское доказательство ядовитости этой змеи продемонстрировал Джек: он не предложил ее съесть.

4. МЕШКИ С КОФЕ. АНГАУ

Мы покидаем Ванигелу, выполнив все, что наметили: карты были сделаны, наши коллеги на Саклинге работу закончили. Маленький самолетик «дорнье» должен был перебросить экспедицию километров на двадцать восточнее. Основной лагерь расположится в поселке Рабарабара, который немногим больше Ванигелы.

Два рейса из Ванигелы — и экспедиция на новом месте. Вулканические породы в этом районе не встречаются, поэтому я расстаюсь со своими друзьями, дальше буду работать один. В десять утра пилот «дорнье», молодой, стриженный под ежик американец говорит:

— Послушай, доктор, ты не будешь против, если я сделаю еще один рейсик? В Ангау. Часов пять или шесть лету туда и обратно. Это там, где горы. В Порт-Морсби вернемся вечером, и я тебе помогу с образцами.

Я не возражаю, люблю, когда в программу добавляется что-нибудь новое, а тут еще пилот предлагает, чтобы я следил по карте за маршрутом. Где находится Ангау, я не знаю, пилот тоже, он никогда там не был. Судя по карте: это недалеко, километров сорок. Дорог в Ангау нет. Поселок высоко в горах, и туда можно добраться только пешком или самолетом. Мы вынимаем сиденья, и «дорнье» превращается в грузовой самолет. Ян утверждает, что в Ангау (он, оказывается, там работал) плохой аэродром, и показывает на карте нагромождение гор и какой-то перевал.

— Вот тут можете лететь, потом еще кусок за перевалом, только не пропустите Ангау — это дыра, там всего пара домов.

Перелетаем перевал и несколько небольших долин и летим над десятком хижин. Не будь белых продолговатых отметин на дороге, мы бы и не догадались, что это аэродром. Не представляю, как мы будем приземляться. Местность пока очень неровная. Пилот смеется

над моими опасениями. Кружимся над дорогой, которая, как паутиной, покрыта тропинками.

— Вот поэтому, доктор, я и летаю здесь, на Новой Гвинее. На обычных линиях неинтересно. Бетон, автоматика, свет — какой это полет? А здесь всюду встречаю настоящих людей и есть на что посмотреть. А реактивный «повиснет» в воздухе и тут же садится — и пара тысяч километров позади.

Пока мы отвязываем ремни, к нам подбегают, пригибаясь под тяжестью мешков, люди. Укладываем мешки в самолет. Их семь. Содержимое приятно шуршит.

— Понимаешь, доктор, это звонкая монета. В мешках настоящий нежареный папуасский кофе. Переправлять его на самолете — высший класс, дешевле, чем по дороге.

В Рабараве выгружаем мешки. И снова в Ангау. При третьем приземлении к нам подбегают двое местных парней и просят, чтобы мы их отвезли в Рабарабу. Пилот соглашается, а я остаюсь на аэродроме. Самолет разбегается и скрывается сначала за одной, потом за другой горой и, наконец, отрывается от травы. Уже через минуту на аэродроме тишина. Носильщики дремлют у небольшого домика, по-видимому конторы или склада. Два подростка тянут меня за рукав, они посланы ко мне стоящими поодаль ребятами.

— Пойдемте, посмотрим нашу школу. Там есть электричество и водопровод.

Дети одинаково одеты в школьную форму, то есть обмотаны куском одинаковой черно-красной материи. Они показывают свою площадку для игр и ведут по дорожке к зданию миссии, где меня уже ждет ее представитель. Его зовут Норман.

Мы знакомимся.

— У вас такое странное произношение и имя не английское, — говорит он. — Вы, наверное, немец?

— Я из Чехословакии.

— Не может быть! Вам ребята что-нибудь говорили?

Не могу понять, что удивительного в том, что я из Чехословакии, и что такого ребята должны были мне сказать. Отец Норман по-прежнему сомневается, что я чех.

— Пойдемте, я покажу вам школу, орхиден, электростанцию и угощу нашим кофе.

На возвышении стоит церковь, построенная из мест-

ного материала. Но сначала мы идем в школу, ее центр — футбольное поле, вокруг разбросаны хижины, у каждого класса своя, так же как и в миссии Ванигелы. Вместо парт — колода повыше и колода пониже, пишут на дощечках. Мы идем в шестой класс, здесь он самый старший. Отец Норман представляет меня ученикам.

— Этот господин — геолог, зовут его Петр, он из Чехословакии. Дети, знаете ли вы что-нибудь о Чехословакии?

Руки взмывают вверх. Почти все. В первую минуту я не верю глазам своим. Что могут знать о моей стране эти двенадцатилетние сорванцы, когда и хорошо образованные австралийцы полагают, что столица Чехословакии — Белград, а президент — Тито. Деда этих пацанов охотились за головами, а отцы понятия не имели ни о письме, ни о чтении.

Девочка лет двенадцати, худенькая, как рыбка, отвечает:

— Чехословакия небольшая страна в середине Европы, в ней много заводов, люди умеют делать все, и там хорошая музыка.

Потом говорят другие дети и сообщают удивительные подробности о моей стране. Я потрясен.

— А теперь вы расскажите нам о Чехословакии.

Я смотрю на детей, потом на дыру, которая служит окном, на навес, укрывающий класс от дождя, разглядываю на стенах плакаты: Шотландия, Скандинавия, «Яблонэкс», «Мотоков»¹². Висит здесь и карта обоих полушарий, а в центре Европы совсем маленькое пятнышко — Чехословакия. Мне ужасно захотелось домой, туда, где это маленькое пятнышко. Я пытаюсь сосредоточиться и сказать какие-то подходящие к случаю слова. Голос дрожит. Вытираю пот. Отец Норман уводит меня. Снова изумление. Стол в маленьком кабинете завален книгами, среди них все, что было переведено с чешского на английский: Чапек, Гашек, современная проза и поэзия. Пластинки — Дворжак, Сметана, Яначек. Вопросы громоздятся у меня в голове. Но еще орхидеи, возможно, самая большая коллекция на востоке Новой Гвинеи, и динамо-машина. Самолет уже вернулся. Пожимаем руки.

¹² «Яблонэкс», «Мотоков» — названия чехословацких предприятий, первое производит знаменитую бижутерию, второе — скляные и хозяйственные изделия.

— Передайте привет людям в Чехословакии, они мне очень нравятся. В Англии во время войны я познакомился с одним из ваших солдат, и с той поры...

С той поры отец Норман и собирает все о Чехословакии, да и о других странах Европы. Он двадцать лет не был нигде, кроме Ангау. Почту отправляет редко, только когда случайно залетит сюда какой-нибудь самолет. Отец Норман считает свою миссионерскую работу обычным делом. Он учит читать, писать, петь, выращивать кофе. Своей заслугой считает то, что здесь есть аэродром, что вечером горят электрические лампочки и играет радио, что люди здесь не бедствуют. И у меня создается впечатление, что он совсем забыл про религию.

День, полный впечатлений, еще не закончился. Обратный полет в Порт-Морсби не обошелся без приключений. На юг от хребта Оуэн-Стэнли плохая погода. Радиосвязь с Порт-Морсби не налаживается, и пилот злится. Согласно инструкции из Порт-Морсби, мы должны лететь очень высоко и, если погода совсем испортится, нам следует держаться северной стороны Оуэн-Стэнли и приземлиться на аэродроме в Кокоде. После этих инструкций теряем связь полностью. Летим над горами в густых облаках, и пилот высматривает хоть какой-нибудь просвет, чтобы спуститься ниже. Нам удалось только разглядеть, что мы летим между горами и очень низко над землей. В Порт-Морсби наши сигналы не слышат или не обращают внимания на них: таких, как мы, много. Облачность сгущается. Пилот смотрит по карте, как долететь до Кокода. Мы находимся как раз там, где во время второй мировой войны разбился американский военный самолет, примерно в ста километрах от Порт-Морсби. Каждый, кто этой историей интересовался, помнит названия Кокод и Оуэн-Стэнли. Перед моими глазами стоит листок, который несколько недель назад я видел в музее в Порт-Морсби. Это дневник экипажа самолета С-47, который упал на склоны Маунт-Обре. На север от горного хребта тоже туман, и держать курс на Кокод небезопасно. Начинаем нервничать. Если спускаемся ниже, ничего не видно, только капли дождя оставляют волнистые дорожки на переднем стекле. Если поднимаемся выше, солнце светит и линия обзора немилосердно приближается.

В Порт-Морсби мы прилетели на час позже, чем было намечено.

5. ГОСПОДИН, ХОТИТЕ КАМЕННЫЙ ТОПОР? МАУНТ-ХАГЕН.

Порт-Морсби и на этот раз мне показался неприветливым, немного грязным и беспокойным. Правда, я там встретился с многими интересными людьми. Времени у меня было в обрез, я торопился продолжить исследование вулканов Новой Гвинеи. В архиве геологической службы я изучал геологические отчеты, в канцелярии филиала Австралийского национального университета уточнял подробности о получении нами машины и домика в Маунт-Хагене, в полицейском участке я должен был получить водительское удостоверение, а для этого продемонстрировать способность управлять машиной в сложных условиях на узких горных дорогах. Лиде, своей жене, я поручил наемать побольше десятицентовых монет. Она с сыном еще в Канберре решила участвовать в моих дальнейших экспедициях. Этот ее шаг многие считали неразумным. Особенно те, кто никогда на Новой Гвинее не был или же побывал лишь в ее главном городе Порт-Морсби. Они постоянно подчеркивали, как опасно ребенку «среди дикарей и людоедов», и начинали рассказывать о всевозможных болезнях, которые может подцепить ребенок, попав в страну, где считается, что мыться совершенно необязательно. Еще хорошо, что я не объяснял, куда мы направляемся: Новогвинейское нагорье на запад от Маунт-Хагена принадлежит к наименее изученным районам.

А мои друзья-антропологи Эрик и Лейел, так же как и жившие на Новой Гвинее геологи, не сговариваясь твердили обратное:

— Возьми с собой жену и сына — это только поможет твоей работе. За вами будут постоянно наблюдать десятки глаз, но зато с папуасами у тебя не будет никаких затруднений.

О нашей первой встрече на Новогвинейском нагорье еще и сегодня вспоминаю с улыбкой, но тогда она привела в замешательство не только мою жену, но и меня самого, хотя я считал себя стреляным воробьем после путешествий в Кендату и на Виктори. На маленького Петра эта встреча не произвела никакого впечатления, наверное, потому, что еще в Австралии мы его подготовили к разным случайностям, показывая картинки, а

скорее потому, что для детского восприятия все было вполне естественно.

Нас единственных никто не встречал на аэродроме в Маунт-Хагене. Мы сели в микроавтобус компании ТАА, который должен был ехать в город, удаленный от аэродрома километров на пятнадцать. Автобус ритмично подпрыгивал на горбатой дороге, как вдруг водитель затормозил. Вошла полная папуаска. На ней был лишь шнурок с бахромой, повязанный вокруг талии, бахрома закрывала только самое необходимое. И хотя все места были свободны, она села рядом со мной и непринужденно, с нескрываемым интересом стала меня разглядывать. Она потрогала пальцами мою одежду и рюкзак. Разглядев как следует меня, она переключилась на маленького Петра. Несколько раз его погладила, рассмеелась и что-то сказала, мы не поняли что. После этого она поочередно разглядывала Петю, Лиду и меня. На окраине Маунт-Хагена водитель остановил машину, и папуаска вышла. После нее в микроавтобусе остался крепкий запах английской солонины, характерный для жителей нагорья, которые большую часть времени проводят в хижинах без дымоходов у открытого очага.

Почему я описываю эту встречу? Она была первой из сотни подобных. Врожденное дружелюбие, естественность, нечто такое, что нас, взрослых и «воспитанных» людей, сначала удивляет, а потом приводит в восхищение, но что папуасам и маленькому Петру кажется вполне нормальным. Когда пятилетний Петя немного загорел и смог бегать в пояске из свиной кожи, он считал такую одежду единственно возможной. Еще до отъезда на Новую Гвинею, когда Петя разглядывал картинки, на которых папуасы изображены с костью или кольцом в носу, он спрашивал:

— А мы тоже будем носить такие палочки?

На конечной остановке автобуса компании ТАА, наверное, в десятый раз перечитываю телеграмму: «Ваш автомобиль и ключ от дома находятся в гараже Нга Впма. Тэйлор». Показываю телеграмму местному чиновнику, который утверждает, что такого названия никогда не слышал. Свое нежелание помочь нам он выражает тем, что не позволяет воспользоваться ни телефоном, ни справочником. На мне надета клетчатая рубашка и джинсы, и приехал я не на такси и не на нанятом авто-

мобиле, а на автобусе, и это, очевидно, не вызывает у него почтения. С подобным отношением я сталкиваюсь здесь впервые. Чиновник обращается со мной как с несмышленным ребенком, и он явно рад возможности выставить меня за дверь: уходит и запирает канцелярию. На улице идет дождь.

Время близится к пяти вечера, а значит, тот загадочный гараж, в котором стоит мой автомобиль, может закрыться. Я иду один по улицам Маунт-Хагена, что требует немало мужества, особенно в дождь. В городе, наверное, не больше сотни метров асфальта, и сейчас грязь невероятная. Мне уже ясно: в каком направлении я ни пойду, всюду одинаково грязно. Не прошел я и двадцати метров, как у меня появился попутчик.

— Гуд автернун, сэр! Вы только что приехали?

Пареньку, наверное, лет тринадцать, он, по-видимому, местный, но говорит на приличном английском. На нем плащ цвета хаки, выдавшие виды остатки военной формы.

— Не хотите ли купить каменный топор?

— Нет, спасибо, мальчик. Я ищу гараж Нга Влма и господина Тэйлора. Может быть, ты знаешь, где он живет?

Парень вытаскивает красивый топор, вещь, которой, по-моему, место в музее.

— Всего доллар, господин.

Я снова спрашиваю, не знает ли он где гараж.

— Не знаю, господин. Один гараж там, другой за углом. Но у меня для вас есть еще кое-что.

Он тянет меня за рукав, и мне приходится, хочу я того или нет, идти с ним за угол ближайшего дома. Там он быстро распахивает плащ, подкладка и все тело парня покрыто прекрасными перьями.

— Райские, господин. Хотите купить райские перья? Всего десять долларов штука. Нигде больше не достанете. Белые господа всегда покупают...

Такой контраст — сказочная красота перьев и грязное тело парня! И все это обернуто в старый, рваный плащ. Кто-то подстрелил прекрасную птицу ради жалких десяти долларов, мелькает в голове.

— Купите, господин, в другом месте вы можете продать дороже.

Мое молчание парень расценивает как заинтересованность и делает еще одну попытку. Покупка, говорит, очень выгодна: если продать перья в другом месте, мож-

но получить за них раз в сто больше. Я наконец прихожу в себя и говорю:

— Нет, благодарю, я этим не интересуюсь.

Да, парень, не интересуюсь, я приехал на Новую Гвинею собирать камни, а не перья райских птиц. Он явно не понимает, крутит головой, несколько озадачен. Однако уходит не особенно огорченный: знает, что подвернется другой покупатель.

По новогвинейским законам вывозить перья райской птицы за пределы острова категорически запрещено. Но попытки уберечь эту сказочно красивую птицу от полного истребления не очень-то успешны. Соблюдать законы весьма сложно там, где нечего есть, а райские птицы — один из самых лакомых деликатесов на этих островах, тем более что с мясом вообще здесь дело плохо.

Я вспомнил своего друга антрополога Лейела Стидмэна, который купил большую, хорошо иллюстрированную книгу о райских птицах, и однажды вечером, когда мы разглядывали фотографии и рисунки этих замечательных птиц, он показал нам тех из них, которых ел, когда в течение года жил на островах. В числе съеденных были и самые знаменитые: райская птица саксонского короля, большая райская птица и королевская райская птица.

Иду дальше расплзшимися от грязи улицами Маунт-Хагена. Со стороны, наверное, сразу видно, что я фигура в этих местах случайная; вскоре рядом со мной останавливается небольшой вездеход, и на меня обрушивается лавина слов.

— Садитесь. Дождь ведь. Отвезу вас, куда скажете. Вы здесь впервые? Никогда вас раньше не видел. Меня зовут Рой. Я так рад, что встретил нового человека.

Я объясняю, что ищу автосервис Нга Влма и господин Тэйлора. Мой новый знакомый знает, где находится автосервис, но сначала я должен выпить с ним по кружке пива. Он выращивает кофе, у него небольшая плантация. Это типичный австралиец, и не только по манере одеваться, носить, например, шляпу с широкими полями, но и по отношению к людям. Он общителен, доброжелателен, сердечен. Наконец и мне удается вставить слово.

— Я бы прежде всего хотел поговорить с господином Тэйлором, у него для меня ключи от дома, в котором я буду жить.

— Я так и подумал: вы из университетского домика, что недалеко от автосервиса. Там столько уже людей перебивало. Поживут дня два, а потом едут в горы. Хорошие люди, но мало пьют пива. Большею частью европейцы. Вы ведь тоже не австралиец?

— Я тоже хотел бы скорее в горы, лучше всего в окрестности вулканов Хагена, Гилуве и Джалибу. Сначала думаю поехать по шоссе до Тамбула, потом до Менди, а может быть, и до Джалибу.

Господин Рой слегка хмурится.

— Вы давно водите машину? Не боитесь забираться в такие глухие места?

Я отвечаю, что сижу за рулем меньше года, а раньше ездил на мотоцикле. Он неодобрительно качает головой.

Вот мы и у цели, я благодарю господина Роя и недоверчиво разглядываю деревянное строение и тесный дворик, где стоят вездеходы. Но все в порядке, мне вручают ключи от дома и «тойоту». Быстро сажусь в машину.

— Капусту купите, приятель, сходите завтра на базар. Таких овощей, как у нас, уверен, вы никогда не пробовали. У папуасов такое терпение! Они следят за каждым огурцом, пока он поспеет, и срывают как раз вовремя. И не пытайтесь здесь заводить огород. Их не переплюнешь, у нас такого терпения нет.

Только мы перебрались в маленький домик, в дверь кто-то несмело постучал. На пороге стоял здешний мальчишка в коротких штанах и застиранной рубашке. Прежде чем я опомнился, в руках у меня уже был кусок грязной бумаги, и парень горячо объяснял:

— Господин, я хочу быть вашим хаузбоем. Я умею убирать в доме, стирать, работать на огороде, могу ходить за покупками.

«Хаузбой» — это мальчик на все руки, точнее, домашний слуга. Слуга мне был не нужен, да и Лида не хотела, потому что в Порт-Морсби она месяц жила в доме, где были такие слуги, и видела, как ими помыкают.

— Нет, спасибо, парень. Мы в Маунт-Хагене долго не задержимся, скоро уедем в горы, а пока будем уходить на целый день собирать камни.

— Господин, я это тоже могу вместо вас делать. Он ничего не понял. Он не может себе представить белого человека, у которого нет помощника из местных

или слуги. Да, мой приятель Гвидо Чиффали был прав, когда говорил, что чувствует себя обязанным предоставить островитянам возможность хоть немного заработать. Эту обязанность спустя несколько дней взял на себя археолог австралиец Рон Ламперт. Мы поделили с ним домик, и Рон сразу же нанял хаузбоя.

На слугу ложится вся домашняя работа: он стирает, покупает продукты, убирает в доме, моет посуду. В больших городах, например в Порт-Морсби, он и спит в доме белого господина. Точнее, не в доме, а где-нибудь во дворе или на огороде, где он может построить себе маленький домик. Для островитянина быть хаузбоем не просто источник дохода, но и выдающееся общественное положение. И поскольку очень часто он единственный из всей огромной семьи имеет регулярный доход, к нему переселяются другие родственники. Бывает, что в крохотном домишке на огороде живет больше людей, чем в деревне, откуда они пришли. Но это только в том случае, если белый господин проявляет терпимость. Чаще всего хаузбой живет один.

Для белого господина иметь хаузбоя тоже престижно. Без слуги никак нельзя. Поэтому белые женщины, живущие на Новой Гвинее, стали героинями анекдотов, сочиняемых австралийскими и другими журналистами. Они утверждают, что хуже жены, чем белая с Новой Гвинеей, нет: она не может перепеленать ребенка, зато способна выпить столько коктейлей за день, сколько в Европе женщине не одолеть и за месяц. Двадцать долларов в месяц, которые платят обычно хаузбою, — деньги небольшие, но они окупаются сторицей, даже если свою работу он делает не очень умело. Наличие хаузбоя поднимает престиж хозяина в глазах общества. А прогнать его ничего не стоит — достаточно сказать «Раус!» («Вон!»). Пиджин заимствовал это слово из немецкого (*heraus*).

По совету Роя, который вчера довез меня на своей машине до автосервиса, утром отправляюсь на «превосходный овощной базар». У меня всегда было предубеждение против всяких овощей, которые мне подавали в каком-нибудь общепитовском заведении. Возвращенный на обедах в школьных и студенческих столовых, в самых дешевых забегаловках, я высоко ценил домашние воскресные обеды. Однако я так никогда и не научился отличать шницель от котлеты или бифштекс рубленый от шницеля. Когда кто-нибудь дома, в Чехословакии, го-

ворил, что там-то и там-то продавались самые свежие овощи и кочаны капусты килограммов на пять и что за этой капустой женщины специально ходили на базар, несколько часов тратя на дорогу, я не верил. Базары в Маунт-Хагене, в Порт-Морсби и, конечно, в Рабауле дали мне понять, как далеко приходится человеку ездить, чтобы оценить то, что есть у него дома. Ни об одном из новогвинейских базаров не скажешь: «Базар как базар, овощи как овощи».

Иностранец, который идет здесь на базар, должен приготовиться к тому, что его будут терпеть там только в силу необходимости. Базар — стихия островитян, и в отличие от арабских или балканских базаров здесь покупателя просто не замечают. На маунтхагенском базаре никто ничего не выкрикивает, не заывает, не делает ни малейшей попытки продать свой товар. Папуасы сидят, как будто прилипнув друг к другу, перед горками овощей. Или вообще продавцов нет, они беседуют друг с другом в нескольких шагах от своего товара. Главная проблема для покупателя на базаре в Маунт-Хагене — найти, кому принадлежит вещь, чтобы расплатиться за нее.

Товар разложен кучками. Здесь все, что продается, лежит прямо на земле, в Порт-Морсби и в Рабауле тоже лежит на земле, но завернуто в банановые листья или в косички, сплетенные из листьев кокосовой пальмы. Помидоров в кучке обычно двадцать, бананов — десять, кукурузных початков — пять, манго — три, папайя — одна. Цена каждой кучки, что бы в ней ни было, десять центов. Моя попытка заплатить за две кучки одной двадцатицентовой монетой была воспринята владельцем как мошенничество. Наверняка то же самое будет, если предложить две пятицентовые монеты. Просить сдачу или пытаться объяснить, что один двадцатицентовик равен двум десятицентовикам, совершенно бесполезно: даже если объяснение будет выслушано с «пониманием», торговец все равно деньги вернет, и покупатель уйдет ни с чем.

Гордость здешнего базара — капуста. Она и в самом деле превосходна. Маунт-Хаген находится примерно на высоте 1500 метров над уровнем моря, а окрестные горы — еще выше (2000 метров), и, поскольку экватор совсем рядом, растительность на этой высоте почти субтропическая. На базаре помимо капусты много другого: лимоны, апельсины, прекрасный кочанный салат, ку-

куруза, арбузы, дыни, батат, бананы, ананасы. Особый ряд занимали торговцы жареной свининой, которая нам вовсе не показалась лакомством: недожаренная, розоватая, жилистая и жирная. Но здесь это деликатес, такой же, как, скажем, жареные шпекачки, которые продаются на пражских улицах. Огромная толпа, множество мух, грязные руки продавцов и запах сделали невозможным мое более близкое знакомство с этим лакомством. В Порт-Морсби местное фирменное блюдо — копченая летучая мышь. Вместе со свежей рыбой, которую ловят у коралловых рифов, она создает колорит тамошнего базара. А сам базар со всем, что на нем происходит, отражает отношения между людьми, сложившиеся в этих местах за много лет.

Базар в Порт-Морсби (пресловутая Кока) некрасив. Пыльная площадь под кокосовыми пальмами недалеко от бухты с таким же названием. Здесь пахнет гниющими отбросами, в заливишке множество старых лодчонок, обжитых папуасы. Белого на базаре не встретишь, разве что забредет какой-нибудь не знающий местных нравов турист или чехословацкий геолог с женой. С точки зрения «общественного престижа» лучше покупать яблоки и апельсины, привезенные из Австралии, чем местные. К «достопримечательностям» базара в Порт-Морсби принадлежат и папуасы, бессмысленно жующие бетель, и черная пыль, поднимаемая колесами проезжающих грузовиков, и попрошайничающие дети. Должен сказать, что с нищенством на Новой Гвинее, кроме Порт-Морсби, я не встречался нигде: жители этого острова слишком горды, чтобы просить милостыню. Контраст между рынками в Маунт-Хагене и Порт-Морсби огромен. В Маунт-Хагене и белые вели себя скромно, они как будто говорили: «Ты нужен мне, я тебе. Мы понимаем друг друга, так не будем ссориться».

Папуасы в Маунт-Хагене не бросают на белых враждебных, недоброжелательных взглядов. Украсив себя перьями райских птиц, они с любопытством разглядывают как белых, так и принадлежащую им технику. Когда островитянину представляется возможность посмотреть в объектив фотоаппарата, или специальным ножом попробовать открыть консервную банку, или же поковырять пластмассовую ручку геологического молотка, он с радостью это делает. Без малейшего зазрения совести папуас может похитить автомобиль, чтобы как следует рассмотреть его устройство. Однако я ни разу

не встретил в Маунт-Хагене белого, который относился бы к местным жителям настороженно или свысока. Здесь, конечно, замечают их примитивность, но о ней не говорят. И никто не жалуется на воров. Я уходил с базара с добрым чувством. Овощи были великолепны, огурцы в пупырышках, и у меня не осталось ощущения, что кто-то меня ненавидит, как это я чувствовал после базара в Порт-Морсби.

В тот же день я поехал в долину Байэрс-ривер посмотреть на профиль лавового потока и пепел ныне потухшего вулкана Хаген. Эти места также нанесены на геологические карты, подобные тем, что мы делали в окрестностях Виктори. С первого взгляда было ясно: горные породы этой внутренней области отличаются от пород восточной части Новой Гвинеи, хотя их геологические названия схожи. Тем большего я ждал от работы во внутренних областях.

Вернувшись вечером домой, я встретил там гостью, американского антрополога Нэнси Бауэрс. Она только что приехала из района Тамбула, чтобы закупить в Маунт-Хагене все необходимое. Она также была приглашена Австралийским национальным университетом и жила в одном домике с нами. Несколько позже появился археолог Рон Ламперт с двумя гостями из Дании. Для двух комнат нас было больше чем достаточно. Вечером мы устроили праздник — пили пиво, много смеялись.

— Вы хотите поехать в Тамбул и там где-нибудь поблизости снять жилье? — спросила Нэнси. — Это меня устраивает. Я ведь без машины. Вы возьмете меня с собой, а я вам помогу устроиться с жильем в деревеньке Лакобе. Люди там хорошие. Я в этой деревне живу больше года, немного говорю на местном языке и помогу вам на первых порах.

Предложение мне понравилось, я только не сразу понял, почему у Нэнси не было машины и она хотела ехать с нами, ведь я еще не боялся сидеть за рулем.

— Лучше всего выехать в воскресенье утром пораньше. Тогда мы не встретим никаких машин. Один встречный грузовик может испортить все дело. Дорога не из лучших, и уже начался дождь.

Не могу сказать, что слова Нэнси меня успокоили. Я и сам начал догадываться, что здесь за дороги. Я вспомнил курсы вождения в горных условиях и мои скромные успехи; удивление австралийского плантатора

моей смелостью, боязнь энергичной американки садиться за руль...

В воскресенье утром поднялись затемно. Был туман, моросил дождик. Тщательно уложили и привязали багаж. По дороге мы должны были забрать еще трех папуасов, которых Нэнси привезла с собой из Лакопе в Маунт-Хаген.

Едва выехав из города, я начал понимать и выразительную ухмылку господина Роя, и страх моей спутницы. Сидел я, прилепившись лицом к ветровому стеклу. Узкая-преузкая дорога извивается серпантинном вокруг холма, пересекает броды и мосты. Я не поставил бы и десяти центов, что наша выдавшая виды «тойота» выдержит такие переходы. К счастью, из-за тумана я не видел, что у меня справа, а что слева, лишь шестым чувством догадывался: по обе стороны дороги гигантские обрывы. Действительно, было бы неприятно повстречать здесь машину. Забегая вперед, скажу, что обратный путь из Лакопе был намного тяжелее, поскольку стояла ясная погода и весь этот скальный танкодром хорошо просматривался, даже можно было разглядеть остатки машин, ржавевших на дне обрыва.

Сотню километров от Маунт-Хагена до Лакопе с небольшими остановками мы одолели к полудню. Нэнси это оценила как профессиональное достижение.

Когда мы остановились возле «общинного дома», жители Лакопе устроили «своей Нэнси» такую встречу, что и описать невозможно. А заодно и нам, и маленькому Пете. Сбежалось человек пятьдесят и начали как-то по-особому, очень нежно напевать, повторяя ее имя. Нэнси представила нас самым уважаемым людям деревни. Потом женщины и дети обступили Петю, мужчины собрались вокруг машины, и все ждали, кому и что Нэнси привезла. Самые крупные дары — маленький деревянный сундук и обыкновенное солдатское одеяло — получил один древний старик, державшийся с большим достоинством. Трудно описать его поведение — он радовался как безумный.

Мы с Лидой опасались за нашего пятилетнего сына. Старые, почти нагие женщины трогали мальчика огрубевшими от работы, отнюдь не чистыми руками и издавали какие-то странные звуки. Мы боялись, что Петя испугается, убежит и потом не захочет выходить из дома. Как мы тогда объясним людям такое поведение сына? Они уже привыкли к белым чиновникам, миссионе-

рам, а белых детей видели редко. Пока мы разгружали машину и в отведенном нам домике раскладывали плетеные циновки, с улицы донесся рев толпы, сопровождаемый смехом. Петя стоял в машине и, то поднимая, то опуская брезент, нависавший над задними колесами, разыгрывал перед папуасами какую-то пантомиму. Это была удача — мы завоевали деревню. В тот же вечер нас пригласили в несколько домов отведать разных местных блюд. А Петя получил новое имя на пиджин-инглиш — «манки билонг уайт пела» (досл. «обезьянка, принадлежащая белому человеку», если хотите более литературный перевод — «белое дитя»).

С того дня Петя все свое время проводил в компании местных ребят. В первый же вечер он прибежал с криком:

— Папа, у меня есть катайога, и я съем ее.

Как выяснилось, «катайога» в племенных преданиях наших друзей — страшилище, или «страшное австралийское пресмыкающееся».

Петя залез в карман курточки и вытащил мохнатую гусеницу величиной с ящерицу. Раньше у него не хватало смелости даже дотронуться до гусеницы. Откуда он взял, что ее можно есть? Ведь он играл с мальчишками, которые не знали английского. Но эту гусеницу здесь действительно считали лакомством. Кто-то взял ее у Пети и бросил в горячий пепел у костра. Она свернулась в несколько колечек, а когда обгорели волоски, папуас разломил ее пополам, вынул белую, свившуюся в спираль мякоть и предложил каждому из нас по кусочку. Вкусно, напоминает свежезажаренные шкварки с хорошим рубленным мясом. Жалел я только об одном: мало было гусениц.

На следующий день нас ждало новое угощение: некое похожее на крысу сумчатое и птичка не больше нашего воробья. Рецепт приготовления жаркого несложен, каждая хозяйка сумеет это сделать.

Невыпотрошенного и неосвежеванного убитого зверька надо сначала пригладить ладонями так, чтобы шерсть легла в одну сторону. Потом разжечь костер и, дождавшись того момента, когда в помещении (в данном случае в нашей хижине) будет нечем дышать от дыма, бросить в огонь. После того как шерсть обгорит и кожа потемнеет, вытащить угощение из огня и помахать им немного в воздухе, чтобы остыло. Блюдо готово, его предлагают почетному гостю, который уже сам

по вкусу его посолит и приправит разными кореньями. Если гость особо почитаем, ему предлагают две обгорелые тушки.

Рецепт показывает, как несложно приготовление. Зато съесть этот деликатес для меня оказалось делом непростым. Признаюсь, что особо почетным гостем в тот раз был именно я. Повар Теддим, помощник Нэнси, подал жаркое мне первому. Он ничего не говорил, только вежливо и внимательно смотрел. В хижине было человек двадцать папуасов, и все они, почти не дыша, не сводили с меня слезящихся от дыма глаз. Я решил начать, выбрал самую мягкую часть, лизнул ее, макнул в соль и откусил. Деликатес есть деликатес, а перед праздничным угощением Нэнси меня просветила, чтобы я был добрым и всем делился с женой, поэтому я передал ей эстафету гурманов с великим удовольствием. Она тоже откусила кусочек.

6. АМБО КОНАНА, ИЛИ УДИВИТЕЛЬНОЕ СВАТОВСТВО. ТАМБУЛ

Тяжелая дорога из Маунт-Хагена через Тамбул в деревеньку Лакопе отбила у меня всякую охоту ездить на автомобиле. Пешие походы на склоны Гилуве принесли пестрый урожай образцов и дали прекрасную возможность наблюдать выходы горных пород. Уже первые наблюдения показали, что тут речь идет о совсем ином геологическом соотношении, чем на хребте Оуэн-Стэнли. Здесь преобладали породы базальтового типа с небольшим количеством андезитовых¹³ вкраплений, тогда как в Восточном Папуа было наоборот. Лабораторные исследования показали еще более значительные различия в химическом составе, чем те, которые мы наблюдали на месте.

Среди особенностей Гилуве можно назвать наличие следов обледенения. Конечно, не в нашу эпоху, в рецепте, как говорят геологи, а в последнюю ледниковую эпоху. И поскольку Гилуве лежит в шести градусах южнее

¹³ Андезит — эффузивная средняя горная порода. Вместе с базальтом образует главную массу излившихся пород древнего и современного вулканизма.

экватора, она обязательно должна была быть под ледником в период своей активности или вскоре после нее. На вершине есть следы не только ледника, но и вулканической активности. Округлые формы, площадки, сглаженные ледником, долины в виде буквы V — все это типичные следы деятельности ледника. В долинах местами встречаются похожие на сучья выходы горных пород, так называемые нунатаки, которые, наверное, так же торчали здесь еще в ледниковую эпоху. Нечто подобное можно наблюдать и на Хагене, и на Джалибу. Их склоны теперь поросли травой, верхняя часть напоминает альпийские луга со свойственной им флорой. Гилуве, Джалибу и Хаген когда-то, очевидно, прошли такой период, в каком сейчас находится Килиманджаро — вулкан под снегом.

Когда мне снова пришлось вести машину по дороге к Джалибу и Менди, я радовался тому, что мало ездил. Это был очень хороший в смысле экономии бензина маневр. Машина в тех условиях постоянно испытывала жажду. После нескольких дней езды бензина у нас почти совсем не осталось. Нужно было решать: или ходить пешком, или съездить за бензином в ближайшую миссию. Пришлось выбрать второе. После получаса вежливых фраз (он немец, я чех), замечаний о погоде я наконец осмелился попросить немного горючего.

— Да, конечно, я ведь еще и торговец, и, хотя вы совершенно незапланированный заказчик, могу вам продать бензин. Только поймите, цены здесь совсем другие, чем в городе.

Я это хорошо понял: бензин продавал христианин, но отнюдь не по-христиански. Я рад был, что смог заплатить ему сполна. Обе стороны остались довольны сделкой, и меня пригласили в дом. Там были гости, еще один миссионер с супругой. Хозяева — католики, гости — лютеране играли в карты. И что бы, узнав об этом, местные жители ни говорили, для их пастырей различия в вере не имели значения. Уписывая вкуснейший рулет, испеченный кухаркой, я разглядывал перья райской птицы, украшавшие стены. Ни хозяева, ни гости не замечали моих негодующих взглядов. А я, получив на дорогу внушительный кусок рулета, забыл и о цене бензина, и об убитой райской птице, и о ее перьях.

Только в нашей деревеньке я понял, сколько можно натворить зла, пользуясь доверчивостью таких людей, как папуасы. Одна из основных проблем Новой Гви-

ней — Папуа¹⁴ — это многоязычие. Более двух миллионов человек говорит примерно на семистах языках. Нет, это не ошибка, именно семьсот разных языков. В таком многоязычии повинны долгая изоляция от остального мира, разные этнические корни, труднодоступность деревень, вражда между соседними племенами и суровые природные условия. Вообразите себе, что к семистам разным племенам приходят миссионеры с различным вероисповеданием: католики, протестанты, лютеране, методисты, адвентисты седьмого дня, представители англиканской и бог знает еще какой церкви. И каждое из этих семисот племен теперь еще разделено по вере. Жителей деревни обращали в ту веру, которую исповедовал первый пришедший в нее миссионер. Одни племена делятся только на две группы, другие на три, а иные на столько, сколько ветвей в христианстве. А папуасы относятся к религии серьезнее, чем миссионеры. По размещению миссий можно проследить и шаги религиозной колонизации отдельных горных долин. В нижнюю часть долины пришел один миссионер со своей верой, в верхнюю явился другой — со своей.

Миссионеры, как я заметил, покупая бензин, мирно общаются между собой, местные жители — лютеране и протестанты — деревушки Лакопе почти не разговаривают друг с другом. Одни носят белую одежду и каждое утро собираются в деревенской церквушке на богослужение, а другие не носят ничего и в церковь ходят только по воскресеньям:

Было бы неправильно отнимать у миссионеров их заслуги в развитии этой части Океании. Благодаря их усилиям цивилизация здесь продвигалась быстрее. Были среди них и такие, кто делал попытки к объединению Новой Гвинеи с Меланезией. Прежде всего они старались ввести общий язык. В основу этого искусственного языка лег пиджин-инглиш. Целые области часто называют Неомеланезией, а язык — неомеланезийским¹⁵. (Любопытно, что среди творцов нового языка — а ему примерно лет сто, — в особенности среди тех, кто составлял неомеланезийские словари, доминируют славянские имена. Так, словарь неомеланезийского языка составил Францис Михалич на основе более ранней работы Я. Шебесты. Михалич в предисловии к своей работе

¹⁴ Имеется в виду Папуа-Новая Гвинея (см. Послесловие).

¹⁵ Неомеланезийский язык — непривившееся название языка ток-писин (см. Послесловие).

благодарит Джона Колникова и Антонима Крайцу. Не менее известен создатель и специалист по неомеланезийскому языку профессор Лузбетак из Иллинойского университета в США.)

Неомеланезийский язык имеет свои правила, особые синтаксис и фонетику. Основной словарный запас довольно скромный, зато имеется огромное количество многосложных слов, заимствованных из разных европейских языков.

Способность создавать слова или просто складывать их из слов другого языка для обозначения сложных понятий приводит в изумление. Например, «колени» по-неомеланезийски «скру билонг лег» — досл. «шуроп, принадлежащий ноге»; «пишущая машинка» — «масин билонг райт» — «инструмент, на котором надо писать»; «лихорадка, жар» — «скин из хот» — «горячая кожа»; «пижама» — «клос билонг слип» — «ткань, в которой спят». Некоторые слова вызывают смех, если знаешь их английский значение. Так, понятие крупный рогатый скот возникло от соединения слов «у быка есть корова» — «булхэзкау». Бык по-неомеланезийски «булхэзкаумэн» — «бык-мужчина», корова же будет «булхэзкаумэри» — «бык-женщина». Главный врач, конечно же, «докта намбер ван» («доктор номер один»). А «смол докта» («маленький доктор») вовсе не значит, что речь идет о человеке небольшого роста, а о местном фельдшере.

Немецкая колонизация Новой Гвинеи¹⁶ оставила в неомеланезийском языке свои следы: например, «тэпих» («ковер»).

Когда я осваивал пиджин-инглиш, я вспоминал своего пражского приятеля. Как-то в Праге он дал мне рукопись научной работы, написанной по-английски, к которой была приколоты записка: «Пожалуйста, дай кому-нибудь, кто может перевести с этого пиджин на английский». Но то не был пиджин, то был просто несовершенный английский и с пиджин не имел ничего общего, точно так же как и неомеланезийский.

Я с интересом наблюдал, как пиджин влияет на английский язык белого населения Новой Гвинеи. Среди белых редко встретишь человека, который бы сказал «давай поедим», все говорят «давай возьмем кай-кай» («кай-кай» — «продукты, еда»). Крокодилов все не за-

¹⁶ В 1884 г. северо-восточная часть о-ва Новая Гвинея была захвачена Германией.

думываясь называют «пук-пук», а о чем-то хорошем говорят «намбер ван» («номер один»).

Любой рассказ на пиджин-инглиш даже для непонимающего слушателя весьма забавен. Когда рассказчик хочет что-то подчеркнуть, он несколько раз повторяет одно и то же слово. Так, если кто-то сильно пьян, о нем скажут: «Лонг, лонг, лонг виски».

Именно в горной части Новой Гвинеи произошла моя первая долгая беседа на пиджин. До тех пор я слушал, угадывая смысл слов, сам пытался отвечать, коверкая английский. Здесь же состоялся необычный, с самого начала весьма таинственный разговор, а через пару минут я уже чувствовал себя участником какого-то заговора.

Ко мне пришел Теддим, местный помощник Нэнси.

— Господин,— сказал он,— у вас есть автомобиль, и потому, что у вас есть автомобиль, вы можете видеть много интересных вещей, которые многие другие белые люди не видели. Вам это очень понравится. Вы не должны бояться, это в самом деле очень интересно.

Я ничего не понял. Теддим взял меня за рукав и повел на окраину деревеньки, по дороге поясняя:

— Вы возьмете в автомобиль несколько наших парней и отвезете их в соседнюю деревню. Это совсем недалеко. А там это увидите.

И он показал рукой в другой конец долины.

— А как вы думаете, Теддим, можно мне взять с собой жену?

— Да, конечно, у нас там тоже будут женщины.

— Но ведь у вас, Теддим, нет жены. Как же будете вы?

— Я должен вперед отправить гонца, чтобы там знали, что мы вечером приедем и чтобы женщины ждали нас. Там будет такое собрание, там будет очень много людей, и только вы один белый. А когда вы скажете, так все кончится, и мы с вами поедем назад, в Лакопе. Так как, господин? Поедете? Скажите «да», и я могу отправлять посла!

Из-за тому, как Теддим был возбужден, я мог догадаться, что будет интересно, но о чем идет речь, не имел ни малейшего представления. Теддим говорил и говорил, не подозревая, что, чем больше он говорит, тем загадочнее для меня предстоящий вечер.

— Такие собрания, господин, устраивают только здесь. Я знаю, потому что работал на кокосовых план-

таких на побережье, там про это ничего не знают. Ни капельки не бойтесь, даже когда парни будут немного возбуждены, все время будем вместе. А как приедем в тот дом, вы сядете со своей женой возле входа, это самое лучшее место.

Таинственность в поведении Теддима и мое любопытство возрастали с каждой минутой. Я уже давно решил ехать и только не знал, как моя жена и Нэнси воспримут известие, что нынешнюю ночь мы проведем не в Лакопе.

Нам предстояло увидеть обряд или нечто такое, что там называется «амбо конана».

Как только Теддим ушел, я сейчас же побежал к Нэнси и все ей рассказал.

— «Амбо конана» в переводе на пиджин «турним хэд» (поворот головы). Ничего загадочного, это местная церемония, очень интересная. Удивляюсь только, почему он вас позвал, наверное, неохота идти так далеко пешком. Больше ничего не скажу, но это в самом деле очень интересно.

Вечер. Теддим выглядит довольным. Вертится возле машины, заглядывает внутрь и смотрит на меня, как бы говоря: «Машина могла быть и больше». Гонец уже давно в соседней деревне. Теддим спрашивает, можно ли будет парням, которые поедут в машине, петь. Вопрос меня немного удивляет, но петь я, разумеется, разрешаю.

Едва темнеет, с ближних холмов доносится необычное пение. Оно напоминает альпийские йодли¹⁷, только более быстрое и экзотичное. Оно продолжается недолго, и наша хижина, которая на то время, что мы жили в Лакопе, служила самым популярным в деревне клубом, заполняется людьми. Молодыми мужчинами. Кроме участников церемонии (их восемь) набралось еще человек двадцать. Двадцать воинов. У одних разукрашены лица, на других красивые нагрудные щиты с морскими раковинами, у иных через перегородку носа протернута кость. И нагрудные щиты, и раскрашенные лица — все подготовлено специально к празднику. Лица

¹⁷ Йодли — напевы альпийских горцев, отличаются руладами, большими интервалами, переходами от грудного, низкого регистра голоса к высокому, фальцетному.

торжественны. Под широкие пояса из свиной кожи или коры деревьев засунуты свежие зеленые листья. Смазанные жиром тела блестят; традиционная, а в большинстве случаев и единственная деталь мужского туалета в этих местах — топор.

Я теряю всякую надежду выяснить, кто поедет, а кто пойдет пешком. Объясняю, что за оставшимися вернусь, что могу съездить два раза — ничего не помогает. Все говорят одновременно и в страшной толкотне вываливаются на улицу. Машина обвешана людьми; кому удалось прицепиться, тот и едет. Те, кто хотел ехать, конечно же, все в машине. Наконец трогаемся, мотор начинает ровно гудеть, и тут мне в уши ударяет нечто, сравнимое только с фортиссимо органа, сопровождаемым раскатами грома. Так вот что здесь называют пением, потому-то заранее и спрашивали разрешения. А может быть, это был какой-то сигнал? Думаю, что такое пение услышали бы и за двадцать километров в той деревеньке, куда мы направляемся. Мелодия протяжная и, если бы не была такой громкоголосой, могла бы быть приятной. В конце каждой строки поющие меняют окраску голоса.

Деревню видно издалека. Нас ждет группа человек из десяти, дальше надо идти пешком. В руках у наших хозяев горящие лучины и подожженные связки травы. Не выпускаю из виду Теддима, хотя это и трудно. Скользящая и неровная тропинка ведет через крохотные поля с бататом. Поле — это тщательно ухоженный, полуметровый холмик глины. Иногда идем среди высокой травы. Неровный свет лучин, плывущие по земле тени папуасов, их блестящие тела и разрисованные лица — все это создает соответствующее настроение. Маленький Петя, которого я нес на плечах, говорит: «Видишь, папа, я совсем не боюсь».

Наконец мы на месте. Стоим перед типичным строением жителей Новой Гвинеи — деревянной, близкой к прямоугольной конструкцией, крытой листьями. Крыша начинается примерно на уровне пояса, внутрь можно войти через небольшое отверстие только на четвереньках. Посреди дома, длина которого метров десять, горят в ряд три костра. Поскольку в хижине нет окон и, следовательно, никакой вентиляции, дышать нечем. Крыша, которая не должна пропускать ни капли дождя, не имеет и самого главного — трубы. Стены голые, черные, местами блестят. Ничего вокруг себя не могу раз-

глядеть, кто-то протискивается ко мне и сует циновку, сплетенную из травы.

— Господин, возьмите эту подстилку и садитесь на нее здесь, у входа. Я вам буду объяснять, что происходит.

Долго смотрю на лицо этого паренька. Откуда я его знаю? А, вспомнил, это Патрик из деревни Локопе. Посол, которого отправили вперед предупредить о нашем приезде. К моему удивлению, он говорит на правильном английском. На шее у него цепочка с крестиком. От двери дует, а от огня пышет жаром, глаза слезятся, но понемногу я привыкаю к дыму.

Первое, что бросается в глаза,— освещенная огнем полуголая блондинка, вырезанная из журнала «Плейбой» и привезенная, наверное, с маунтхагенского базара как самый ценный сувенир. Это — единственный признак двадцатого века, кроме нас троих, трех белых. В углу за перегородками хихикают женщины и дети, лица их трудно рассмотреть. Женщины нянчат младенцев и поросят по очереди. Одной грудью кормит ребенка, другой — поросенка, оба создания в этих местах имеют одинаковую ценность. Дети и поросята, оторванные от груди, пронзительно кричат.

Двадцатый век? Огонь здесь разводят, ударяя камнем об нечто напоминающее мотыгу, с которой работают на полях: столетия ее совсем не изменили. Только стальной топор с надписью «Мейд ин Свиден» («Сделано в Швеции») и портрет блондинки на закопченной балке возвращают меня в современность.

Заполняются места возле горящего посередине огня. Мужчины садятся один от другого поодаль, скрестив под собой ноги. Они все в хорошем настроении, добродушно болтают. Мы рады, что сидим у самого входа, и не только потому, что воздух здесь чище, но и потому, что, кроме соседей, нас никто не видит. Все остальные как будто забыли о нашем присутствии. Чтобы не мешать веселью, говорим с Патриком только шепотом.

— Ждут девушек, они готовятся в другой хижине. Когда они придут и сядут среди мужчин, начнутся танцы. Вон тот мужчина в углу, с бамбуком в руке, музыкант. Потом все будут петь.

Девушки заставляют себя ждать. Наконец приходят, посмеиваясь, робко входят в полукруг и садятся среди мужчин. Некоторые очень смущаются, другие, как и у нас, хихикают, закрывая лицо руками. Насколько могу

судить, все они не старше пятнадцати-восемнадцати лет.

— Нам пришлось ехать так далеко в эту деревню потому, что в амбо конана не имеют право участвовать парни и девушки из одной деревни. Там все братья и сестры.

Шум стихает, и с минуту все молчат. Потом заводят беседу о нас, о маленьком Пете, и все сразу же поворачиваются в нашу сторону. Как объясняет Патрик, говорят о том, что мы не из Австралии. К счастью, это продолжается недолго. Кто-то потихоньку затягивает ритмичную песню, музыкант подыгрывает на своей бамбуковой флейте.

Сидящие вокруг огня мужчины начинают раскачиваться в такт песне. Вертят головой — вверх, вниз, налево, направо. Девушки в нерешительности. Чуть подождав, повторяют за мужчинами движения головой. Тело остается неподвижным. Партнеры разглядывают друг друга, мне неясно, кто кого выбирает: девушка парня или парень девушку. Выбор не очень велик: сосед слева или сосед справа. Но через несколько минут партнеры выбраны, и с этого момента они смотрят только друг на друга, потом сближаются, пока не коснутся лицами. В ритме песни парень и девушка поочередно касаются друг друга щекой, носом, виском. Прикосновения очень мягкие и нежные. В некоторых, отличных по ритму частях песни пары быстро наклоняются, пока волосы не коснутся земли. Потом снова все сначала: щека, нос, висок, щека, нос, висок. Движения все быстрее и быстрее, иногда кажется, что они судорожны и лихорадочны, взгляд некоторых почти безумен. Музыкант резко обрывает мелодию в момент наивысшего напряжения. Поющие устали, девушки пересаживаются.

Сцена повторяется. Девушки толкаются, хотят сесть к «своему» партнеру. Проходит третий, четвертый час этого новогвинейского праздника, который заменяет наши танцы в ресторанах и на танцплощадках. Мне неприятно напоминать Теддиму, что пора ехать. Патрик и маленький Петр давно спят, свернувшись клубочком и прижавшись друг к другу. Прощаемся. Бесконечное «бухо» — слово на прощание; напевное «хо» долго разносится над полуночной темной долиной, девичьи голоса, выпевающие «бухо», сопровождают машину.

Пять градусов южнее экватора, и мы залезаем в теплые чешские куртки, трясемся от холода и немного от обилия впечатлений. Термометр показывает пять гра-

дусов выше нуля. Долго не можем уснуть, в ушах раздается громоподобное пение, перед глазами стоят образы подунагих разрисованных мужчин и молодых женщин в передниках из тапы. Закрываю глаза, и передо мной встает женщина, которая кормит грудью поросенка. В двадцатом столетии. С улицы тянет запахом горелой резины от шин и гарью от перегретого мотора.

7. СМЕШЕНИЕ ЯЗЫКОВ. ФИЛОСОФ ДЖАКО. ЛАКОПЕ

В деревнях горных районов Новой Гвинеи кроме церкви, представляющей собой хижину больше обычной с плетеным крестом, есть еще одно заслуживающее упоминания архитектурное сооружение. Это дом, который тянется в длину на пятьдесят и даже сто метров, и ему не мешают ни взгорки, ни другие неровности. Если падается дерево, высота вертикальной части стены — с человека, стоящего на четвереньках. Ни в одной деревне мы не видели такой дом открытым, не замечали ни одной ведущей к нему тропинки, ни намек на то, что его как-то используют. Литература по Новой Гвинее и собственный опыт дали нам основания полагать, что, возможно, это ритуальные строения или хранилища останков предков, а также предметов, которые не должны видеть чужие. Соответствующим образом мы и вели себя — подобные места для нас табу.

Это была грубая ошибка. Загадочное архитектурное сооружение не что иное, как подобие большого зала в деревенском трактире где-нибудь в Чехословакии. Им тоже пользуются один-два раза в году, а бывает и раз в два года в дни местных праздников — народных гуляний. По этому случаю сюда собираются все взрослые из ближних, а то и дальних деревень. Местные жители и их гости, естественно, в это время не работают, и длится такое веселье обычно неделю. Главное в этом празднике — пиршество. К торжественным дням выкармливаются поросята. Приготовление деликатесов несложно: в глубокую яму бросают раскаленные камни, на них большие листья, свинью делают пополам и кладут на камни, сверху прикрывают листьями и яму засыпают землей. Несколько часов томления в таком «котле

под гнетом» — и мясо можно подавать. Я видел свинину, приготовленную таким способом, и должен признаться, что хорошо пропеченная крыса или маленькое белое пернатое, размером с нашего воробья, на вид кажутся аппетитнее.

Когда мясо готово, пиршество перемещается в длинный дом, где все наконец отдаются развлечениям. Высота здания вынуждает пирующих стоять на четвереньках, выпрямиться можно только в центральной части, но там все время горит огонь.

Свиньи занимают важное место в жизни населения Новой Гвинеи, и не только потому, что это основная пища, но и потому, что они используются как валюта. Они бегают где придется и кормятся отбросами. Но в то же время к ним относятся с большим почтением, чем к собакам. Поросят водят на поводке, и они выкармливаются женщинами, что нам кажется весьма странным. На дорогах мы нередко встречали папуасов, тащивших за собой на лиане или на куске коры одного, двух и даже трех поросят. Они ведут себя на поводке менее достойно, чем собаки. У собаки редко бывает столь изменчивое настроение, как у маленького черного поросенка. Может быть, он ведет себя так потому, что привязан за заднюю ногу? Короче говоря, другая земля — другие нравы. Здесь на капризы поросят отвечают терпением и терпимостью. Три поросенка — это приличная невеста, а невесты здесь в некотором смысле дефицит; еще два поросенка и связка морских раковин — невеста высший класс, в полном цвету.

Живя в Лакопе, мы каждый день наблюдали, как женщины и некоторые мужчины выходили на поля лишь под нажимом миссионеров. Остальные мужчины собирались где-нибудь в тени под навесом и долгие часы проводили за разговорами. Они решали споры об имуществе, разбирали семейные конфликты, судили и рассуживали всю деревенскую жизнь. К тому же у каждого были свои обязанности. Самые счастливые, хотя, может быть, на первый взгляд, помогали нашей американской коллеге строить хижину. Там кроме большой «комнаты» должна была быть еще маленькая, по мысли Нэнси, интимный уголок для нее одной. Деньги, которые получали ее помощники, означали для них не только какие-то покупки, но и рост в общественном мнении.

Одного мужчину во всей деревне я не знал, к какой группе определить. Звали его Джакко. Он не ходил на

огород и в поле, не участвовал в беседах в тени под навесом. Он внезапно появлялся и так же неожиданно исчезал, с готовностью садился в машину, даже если в это время под навесом шла горячая дискуссия. Он с обожанием смотрел на руль и на водителя. Завидя меня, гримасничал, правой рукой отдавая честь. Не знаю, у кого он перенял этот европейский жест, но, очевидно, считал (совершенно ошибочно), будто такое воинское приветствие будет мне льстить. По его поведению я понял, что он хочет со мной поговорить. Ясно было: мы его очень интересовали. Он попадался мне повсюду. Но в отличие от многих, более цивилизованных, был весьма деликатен и неназойлив. Выглядел он намного старше меня. Морщинистое лицо, сгорбленная спина и сильно потрескавшиеся руки, хотя я его никогда не видел за работой. Однажды в присутствии Нэнси, которая могла немного переводить, я задал Джакко не слишком тактичный вопрос:

— Сколько тебе лет?

— А сколько тебе? У тебя это написано в книгах, у вас, у белых, есть книги,— бойко отвечал он.

— Двадцать восемь.

— Так и мне тоже двадцать восемь.

Я не отважился возражать и сказал, что именно так он и выглядит. Про себя же очень удивился. Потом Джакко повторил еще несколько раз, что ему двадцать восемь, столько же, сколько и мне. Если бы я сказал, что мне сто шестьдесят три, то Джакко было бы столько же. Он не умел считать, никогда не ходил в школу и не мог измерять время. Зато мыслил он вполне логично.

Он отыскал в толпе детей, которые нас непрерывно окружали, девочку, такую же, как наш пятилетний Петр. Привел Петра и поставил его возле девочки.

— Это твой первый ребенок?

— Да, это мой первый ребенок и единственный, других пока нет.

— А это мой первый ребенок и единственный, других у меня тоже нет. Они одного возраста, потому и мы с тобой одного возраста.

В честь такого совпадения нам ничего другого не оставалось, как открыть пиво. Вряд ли кто-нибудь в стране пива поверит мне, что папуасское пиво более чем сносное и что его вообще можно пить. «Саус Пасифик ладжер» — так называется местное пиво, в меру горькое и, если его удастся подержать в холоде, что в го-

рах не составляет труда, вполне вкусное. После ужина, состоящего из куска какого-нибудь сумчатого и гусениц с капустой или с томатом из консервной банки, бутылочка папуасского пива — напиток напитков. Ящика, конечно, хватает ненадолго. Если у геолога есть, скажем, пять добровольных помощников, так только потому, что они хотят покататься на машине или надеются вечером к ужину получить пиво и пачку табаку. Хотя бутылки и убывают, зато пиво развязывает языки.

— Теддим, почему у вас есть дома для мужчин?

— Вот почему, мистер. Когда парень вырастает, он не может оставаться вместе с женщинами. Он должен научиться быть мужчиной, узнать разные тамбу.

Это не типографская ошибка, здесь «тамбу» означает то же самое, что и полинезийское «табу».

— Когда же парень созреет, станет мужчиной, он выбирает себе жену и живет вместе с ней в одной хижине. А когда пойдут дети, в хижине начинается шум, суета. Поэтому мужу приходится переезжать в дом для мужчин. В доме, где есть женщины, ни о чем невозможно говорить.

Женщинам ничего не остается, как мириться с традиционной приверженностью мужчин к разговорам. О продовольствии в основном заботятся женщины, каждое утро, взяв с собой детей, а часто и поросят, они идут в поле. Вечером, вернувшись домой, варят ужин, кормят детей и проголодавшегося за разговорами мужа.

Путешествовать на машине по дорогам, проложенным с помощью лишь очень примитивных орудий, — по меньшей мере безрассудство. Я в этом не раз убеждался, когда ездил по горным районам Новой Гвинеи, главным образом между Тамбулом и Джалибу. Там на пятидесяти ухабистых километрах мы заметили на сотню человек не более одного трактора и десятка лопат. У дороги нам то и дело попадались большие компании мужчин, которых иначе, чем симулянтами, не назовешь. Они мирно сидели в канавах, а завидя или заслыша приближение автомобиля, вставали, поднимали корытца или деревянные носилки, высыпали их содержимое на дорогу, потом опять шли к канаве, нагружали носилки камнями и т. д. Машина проезжала, и работники возвращались на свои места. Глядя на них, я вспоминал, как на уроках физики объясняли образование вол-

ны: поток частиц в поступательном движении вверх и вниз создает волну. Скорость движения каждой людской волны зависела от того, как часто проезжали автомобили, а поскольку они проезжали редко, то и скорость подневольной работы дорожников была ничтожной.

Сначала я не понимал, почему эти люди создают видимость работы. Но вскоре все стало ясно. Синий цвет нашей машины был точно таким, как у машин австралийской дорожной службы, несущей функцию полиции.

Здесь, вдоль дороги, работали не за деньги. Это был способ собирания с местных жителей налогов, которых они не могли уплатить. В этой стране граждане таким образом отработывают свои обязанности перед государством. Раз в неделю жители выходят на строительство дорог, потом по этим дорогам в их жизнь проникают орудия труда, продовольствие, одежда, лекарства, информация. По этим дорогам приходят миссионеры, солдаты и другие, более горькие плоды цивилизации. Широким фронтом за дорогой, связывающей Лаэ, город на побережье, с Горокой и Маунт-Хагеном идут венерические заболевания. Дорога была построена пять лет назад. Теперь на очереди Тамбул — Менди — Джалибу, там ее сейчас как раз заканчивают.

Синий цвет нашей машины часто пугал папуасов. Я очень жалел, что, увидев нас, они, всполошившись, быстро исчезали в укрытиях у дороги. Я это понял не сразу. Однажды, остановив машину, чтобы разглядеть и отобрать куски горной породы, я оказался окруженным папуасами. Появились они внезапно, за минуту до этого я и не подозревал об их присутствии. У женщин на голове были сети, закрепленные вокруг лба и ниспадающие до бедер, в них, прикрытые зелеными листьями капусты, нарезанными кусками, пищали дети. Мужчины — с немыслимыми топорами в набедренных повязках из свиной кожи, украшенных листьями, по цвету которых можно определить время дня, даже если солнце затянато облаками. Утром листья свежие, зеленые, в полдень начинают привядать, а вечером от яркой утренней зелени не остается и следа.

Таких встреч потом у меня было немало. Первые минуты стоит гробовая тишина. Никто не знает, как будут развиваться события. Если в машине сидел мощный или просто пассажир из местных, то выяснять

обстановку было его заботой. Когда же я ехал один, то, прежде чем начать собирать образцы минералов, я протягивал островитянам руку. Такой жест папуасы видели у европейцев и всегда безошибочно понимают его как выражение дружбы. Если и потом сохранялось тягостное молчание, то оставалось только уехать или открыть багажник и избавиться от части сухарей, табака и заменявших здесь папиросную бумагу газет. Тогда я мог спокойно приступать к своей работе, но при этом не спускать глаз с багажника и сумки. Мы никогда не могли договориться, зато реакция встретившихся была забавна для обеих сторон. Представлялось много поводов для веселья. В десять утра у меня не оставалось ни кусочка мела и меньше бумажных мешочков для образцов, чем мне требовалось для работы. Дни заканчивались урчанием в голодном желудке, потому что я не обедал, а все консервы раздавал.

При отборе ориентированных образцов надо знать географические положение местности, поэтому на каждый образец я наносил значок по геологическому компасу. Я начинал что-то рисовать мелом на обломке скалы — это вызывало смех. Веселье нарастало, когда я принимался колотить молотком по обломку скалы. Когда же я раскладывал образцы по бумажным или матерчатым мешочкам либо просто клал их в карман, веселье сменялось удивлением. Самые искушенные обычно выдыхали слово «голд» — «золото» и вопросительно смотрели на меня. Я отрицательно качал головой и пытался объяснить, что это не золото, а обыкновенные камни.

Особенно много смеха вызывал выбор образцов для химического анализа. На таком образце (весом не менее двух килограммов) не должно быть ни одного выветренного места. Я долго оббивал некоторые камни, чтобы устранить выветренные участки, и в конце концов, недовольный тем, что получалось, выбрасывал их.

Сцена сбора образцов кончалась всегда одним и тем же. Все мужчины хотели сесть в машину, причем им было совершенно все равно, в какую сторону ехать, хотя я им и пытался объяснить, что назад они пойдут пешком. Это их не пугало. Главным для них было ехать на машине. Часто я высаживал их только возле Лакопе.

Наш приезд в деревню постепенно изменил ее общественную жизнь. Уже поздно, около полуночи. Боль-

шинство наших гостей разошлось по домам. Лишь несколько точек сверкает у входа в нашу хижину. Это блестят глаза самых поздних посетителей. Теддим, который провел с нами целый день, и два его приятеля сидят возле огня и о чем-то рассуждают. Насколько могу судить, ни о чем особо важном, но чувствую — речь идет о нас. Немного спустя Теддим от имени всех обращается ко мне на пиджин:

— Вы, господин, говорите с госпожой и мальчиком на каком-то чудном английском.

— Это не английский, Теддим, мы говорим на своем языке. Чехи — не австралийцы.

— А, так вы американцы.

— Нет, Теддим, мы чехи, мы из Чехословакии, это страна в Европе.

— Так, значит, вы немцы или англичане.

— В Европе живет много народов, не немцев и не англичан. Мы один из этих народов, чехи, и у нас свой язык.

Даже для весьма интеллигентного Теддима это было непонятно. Не австралийцы, не немцы, не англичане и не американцы. Он назвал всех, кто хоть каким-то образом участвовал в истории Новой Гвинеи — или во время оккупации, или в послевоенное время. А мы не принадлежали ни к кому из них. Теддим смущен, его два приятеля еще больше.

— Смотри, Теддим, если бы ты был в Гороке и говорил там на языке, на котором говоришь здесь, в Лакопе, люди бы тебя не поняли. И в Джалибу тоже не понимают здешний язык.

— Но ведь в Гороке живут чимбу, а они — другие.

Объясняю Теддиму, что именно это я и имел в виду. У нас, в Европе, тоже много разных племен, говорю, и разные языки, как и у племен на Новой Гвинее. Образ Европы, Америки и Австралии сливается у него в одно крохотное целое, которое находится где-то в ужасном далеке.

Теддим, наконец, доволен, а его два друга только качают головами. Минут десять Теддим им что-то объясняет, и по их лицам видно: они не верят, что могут быть белые, и притом не австралийцы, не немцы, не англичане, не американцы.

И так считают те, кто знает, что стоит им перейти гребень гор и две долины, и там их язык не поймут. В тех местах живет другое племя, у которого совсем

иной язык. Знают также, что через гребень и две долины они не пойдут, пока не проложат дорогу. Иначе им не вернуться живыми и здоровыми.

Утром весть об этом невероятном событии облетела всю деревню, и те, кто хоть немного понимает пиджин, приходят к нам расспросить обо всем еще раз. Не верят. Мы для них и так достаточно экзотичны. А вечером вместо обычных двадцати пар глаз нас разглядывают, наверное, пар тридцать. Приносят охапки овощей и не берут вознаграждения.

До нашего отъезда оставалось два дня, а машина была уже набита. Одни хотели ехать в Маунт-Хаген, и, если бы я сказал, что оттуда собираюсь в Чехословакию, все бы захотели и туда. Обратная дорога была хуже: стояла прекрасная погода, я отчетливо видел все опасные места, где можно было сорваться вниз. На боковой жиже, перемешанной с камнями, колеса буксовали и скользили. Теперь я наконец понял, почему по пути в Лакопе Нэнси постоянно твердила: «держись этой стороны», «туда нельзя», «переезжай на другую сторону». Машина все время шла юзом над глубокими обрывами. Нам встретился только один указатель на перевале под вулканом на высоте три тысячи метров над уровнем моря. Дорога здесь разветвляется — на Маунт-Хаген и на Менди.

В Маунт-Хагене мы оценили, что значит выспаться всласть на нормальных постелях. Еще нам удалось отдохнуть пару дней в Байэрс-ривер, в райском уголке. Это местная достопримечательность — главная приманка для семейных туристов. Строительство заповедника финансировал шведский любитель природы, миллионер Хальстрем, не рассчитывавший на выручку от этого предприятия. За вход в заповедник берут пятьдесят центов, и те три-четыре посетителя, которые здесь бывают каждый день, с удовольствием вносят плату.

Путешествие в заповедник в пятнадцати километрах от Маунт-Хагена вылилось в геологическую экскурсию, и мы в тот день до Байэрс-ривер так и не доехали. В выходах горных пород вдоль реки я встретил образцы, о которых мечтал всю жизнь, — андезиты, содержащие минерал амфибол. Мою радость по поводу этих образцов разделила и жена. Сама она не геолог, но хорошо знала, как я этот амфибол «варил» в лабораторных ус-

ловиях под давлением от десяти до двадцати тысяч атмосфер, при температуре выше тысячи градусов по Цельсию. Здесь же амфиболические горные породы были результатом деятельности ныне потухшего вулкана Хаген. Я забыл о времени, о рае, о своих возможностях и нагрузил машину образцами. Через пару дней с болью в сердце я должен был оставить только десятую часть всего богатства. Я не мог себе позволить переправлять в Австралию самолетом такой багаж. Вместе с другими камнями теперь он весил ровно два центнера.

8. МОЖНО МЕЧТАТЬ И О ВЫНУЖДЕННОЙ ПОСАДКЕ. ВАБАГ

Если верить проспектам бюро путешествий и расписанию самолетов, вылететь из Манут-Хагена можно без труда в любой пункт на карте. В действительности же это требует терпения, сообразительности и наглости. До города Рабаула в северо-восточной части острова Новая Британия можно добраться несколькими способами. Самолетом через Лаэ или через Маданг, острова Адмиралтейства и Новую Ирландию. Билеты на самолет как в первом, так и во втором случае одинаково дороги, но в пользу пути через острова Адмиралтейства решило то обстоятельство, что мы должны были лететь над северным побережьем Новой Гвинеи, над вулканическими островами Манам и Каркар. Кроме того, Маданг очень интересный город, и я уже представил вынужденную посадку на несколько дней: можно будет осмотреть город.

Еще привлекательнее выглядел путь по суше из Маунт-Хагена в Гороку и Лаэ, а оттуда пароходом в Рабаул. Этот маршрут часто называют пробным камнем путешествия по Новой Гвинее, и кто его не прошел, как говорят, не видел самого прекрасного, что есть на острове. Но мы, к сожалению, вынуждены были отказаться от него. Единственным утешением для меня оставалась надежда на приключения.

Предполагалось, что из Маунт-Хагена мы вылетим в полдень, через пятнадцать минут приземлимся в горном поселке Вабаг и затем после часового перелета прибудем в Маданг. Однако настало время отлета, а никакого самолета не было. И никто из служащих авиаком-

пании ТАА не имел ни малейшего представления, где он находится, а если кто и знал, не считал нужным сообщать об этом пассажирам. Нам сказали, что самолет опаздывает, но узнать, полетит ли он сегодня, было невозможно. На все вопросы нам отвечали: «Самолет еще не прилетел». Большинство пассажиров постепенно переместилось в небольшое кафе неподалеку от аэродрома и там коротало время, потягивая кока-колу с ромом и местное пиво. Прождав два часа, мы отправились на экскурсию по кофейной плантации, которая начиналась прямо от кафе. Там нас через несколько минут обнаружили местные мальчишки. На наши приветливые поклонны и улыбки они отреагировали весьма своеобразно: через пару минут вся терраса кафе была заставлена различными сувенирами для туристов. Копья и стрелы мальчишки определили как «настоящие, для охоты, а не для туристов». Мы принялись испытывать их качество, и выяснилось, что испорченные цивилизацией ребята не умели даже бросать копья. Стрелы тоже попадали в цель не так метко, как того хотелось бы юным торговцам. Торговля получилась неудачной, ребята быстро собрали свой товар и расстроенные ушли. А пассажиры продолжали ждать, теряя терпение.

После трехчасового ожидания нас в спешке подвезли к «дакоте» и разместили там. Наконец мы вылетели из Маунт-Хагена. Быстро убегали под нами травяные лужайки и небольшие плантации в окрестностях города. Мы пролетели над самым седлом вулкана Хаген, и я успел сфотографировать типично вулканическую вершину горы и соседние вершины, «обработанные» ледником в последнюю ледниковую эпоху. В самый разгар фотографирования вспыхнула надпись: «Пристегните привязные ремни». Я моментально послушался приказа, фотоаппарат остался лежать на полу, я совсем забыл про него. Мы летели посредине глубокой долины, а по обе стороны ее окаймляли поросшие растительностью, грозные скалистые стены. Все быстро мелькало перед глазами. Я ждал удара о скалы. Неожиданно перед нами открылась огромная поперечная ложбина. Я почувствовал, как шасси ткнулись во что-то твердое, самолет немедленно наклонившейся скалистой стеной, в которую упиралась ложбина. Наконец я мог спокойно вздохнуть. Спокойствие длилось недолго. Вид стюардессы, которая подходила к каждому пассажиру и что-то говорила,

укрепил мою уверенность в том, что наши приключения еще не кончились.

— Извините, пожалуйста, я должна вам объяснить... Вы понимаете по-английски? Мы сели в Вабаге и сегодня не получим разрешения на вылет в Маданг. Уже поздно, а наш экипаж налетал более восьми часов. Ночевать мы будем здесь, в Вабаге.

Вабаг можно найти на большинстве карт Новой Гвинеи, но в нем всего-навсего пятнадцать строений. К самому большому, но отнюдь не самому привлекательно-му комплексу построек принадлежит деревня. Она стоит на краю аэродрома, к ней ведет скверная дорога. На другом его краю — больница. Сбоку возвышается уродливое одноэтажное деревянное здание, похожее на постройки из американских фильмов о диком Западе. В нем находится полицейский участок. Есть еще помещения для аэродромной службы, местный магазинчик с традиционным ассортиментом товаров — от китайских свиных консервов до журнала «Плейбой», несколько жилых домиков и чуть дальше школа.

Свободные граждане Вабага с обеих сторон облепили здание аэродромной службы. Заключенные повисли на заборе из колючей проволоки. Тюрьма расположена немного ниже летного поля, и я бы, наверное, ее не заметил, если бы мое внимание не привлекла тюремная одежда. Это не полосатые куртки, в каких мы привыкли представлять себе заключенных. Здесь — кричащий кусок ярко-красной ткани, обмотанной вокруг пояса и ниспадающей до колен.

При выходе из самолета стюардесса испытующе осматривала каждого, направляя в разные стороны: направо — темнокожих, то есть местных жителей, налево — белых. Я хотел бы подчеркнуть, что у всех летевших первым классом пассажиров были одинаковые билеты, они заплатили за них одну и ту же цену. На Новой Гвинее в большинстве самолетов, так же как в нашей старенькой «дакоте», нет туристского класса. В салоне обычные автобусные сиденья, причем только вдоль одной стороны фюзеляжа, зато эти самолеты берут самый разнообразный багаж.

Итак, черные — в одну сторону, белые — в другую: кто-то справляется, есть ли здесь гостиница, другой спрашивает, откидываются ли сиденья в самолете, и сам

хохочет: видно, его вопрос кажется ему остроумной шуткой. А я мечтаю о сухом травянистом местечке где-нибудь в углу летного поля, чтобы можно было разжечь костер и выспаться. Но у нас белая кожа, и нам не о чем заботиться. Авиакомпания выполнила свои обязательства перед черными гражданами Новой Гвинеи, отделив их от остальных пассажиров. Белый экипаж самолета и белые пассажиры приглашены в дома жителей Вабага. Нашими хозяевами оказались супруги Джонс, которые жили на юго-западной стороне летного поля. Нам не придется ночевать под открытым небом, после долгого перерыва мы вновь будем спать под душистыми белоснежными простынями.

Супруги Джонс — австралийцы, служащие сельскохозяйственного учреждения. Господин Джонс учит острорытняк чинить тракторы и сельскохозяйственные орудия; госпожа Джонс воспитывает ребенка и в свободное время учит местных жителей ухаживать за кофейными деревьями. Они очень рады, что самолет на ночь остался в Вабаге: теперь они смогут поговорить с новыми людьми и даже пригласить их в клуб на вечер.

Клуб в Вабаге — небольшая деревянная постройка с прогнувшимся полом и расшатанными столами. Стулья при попытке сесть на них ходят ходуном. Все белые жители Вабага, а здесь их несколько семей, пассажиры и экипаж самолета собираются в этом убогом помещении. Черные в клубе — только официанты. По количеству выпитого виски, рома и пива можно сказать, что эта вечеринка — большое событие в общественной жизни Вабага: самолет сюда прилетает раз в неделю, а пассажиры остаются ночевать и того реже. Для дружелюбных, не отягощенных социальными предрассудками австралийцев столько новых лиц — прекрасный повод для праздника.

Рассказ следует за рассказом, число выпитых бутылок растет, мы сидим в обществе пилотов. Это крепкие парни в форменных бриджах. Они то и дело повторяют, что мы вылетим ровно в семь. Пожелав нам спокойной ночи, пилоты опять напоминают: «Вылетаем в семь, не забудьте!»

Просыпаюсь и, еще окончательно не придя в себя, чувствую: что-то случилось. С аэродрома, который метрах в ста от нашего домика, доносится рев мотора. Смотрю на часы: еще нет шести, только начинает светать. И поскольку на аэродроме нет другого самолета,

кроме нашего, ясно, что режут именно его моторы. Не забыли ли они про нас? Отвечать на этот вопрос нет времени, натягиваю брюки прямо на пижаму; рубашку не передеваю, ботинки и все остальное засовываю в рюкзак. На бегу кричу жене, чтобы поспешила, а я пытаюсь задержать самолет. наших хозяев, супругов Джонс, я уже не тревожу и мчусь прямо на аэродром. Из ближайшего домика выскакивает один из попучиков, на нем одежды еще меньше, чем на мне, под мышкой открытый чемодан. Перспектива ждать в Вабаге следующего самолета в Маданг целую неделю сделала нас рекордсменами — сто метров за неполных двенадцать секунд.

Стюардессы встречают нас дружным хохотом, с их лиц исчезла натренированная коммерческая улыбка, которая, очевидно, входит в стоимость билета. Я не обиделся на них за это искреннее веселье: я прибежал первым и поэтому могу вместе с ними веселиться, наблюдая спринтерский бег остальных пассажиров. В результате вылетаем из Вабага на полчаса раньше, чем предполагали. Командир экипажа просит у пассажиров прощения за эту канадскую шутку, охотно прощаем — ведь самолет уже в воздухе. Пока он говорит, стюардессы предлагают завтрак. На этот раз крохотный стаканчик бежевого кофе и несколько галет. Сидящий впереди нас австралиец в шоке. Он привык съедать за завтраком хороший бифштекс или баранью отбивную. Завтрак — фундамент на весь день, им нельзя пренебрегать. Уверен, что ему хочется крикнуть: «Самолетом этой компании, да еще первым классом, в жизни больше не полечу!» — но он молчит. Потому что знает: полетит, и еще не раз. Выбора нет, и он будет рад, если попадет из своего высокогорного поселка или из болотистого местечка у подножия гор туда, где растут кокосовые пальмы, где мутные воды Сепика впадают в лазурно-голубое море. Наш путь лежит в Маданг, он для нас транзитный пункт по дороге на Новую Британию.

Вынужденный ночлег в Вабаге оказался даже полезным: нам теперь не надо искать пристанища в Маданге. И как хорошо лететь рано утром, когда над высокогорными долинами рассеивается туман!

Утопающий в тропической зелени Маданг с самолета показался нам очень аккуратным и по сравнению с новогвинейскими городами, которые мы раньше видели, хорошо спланированным. Такие города, как Маунт-Ха-

ген, Порт-Морсби и другие, претерпели влияние австралийской колонизации, Маданг — немецкой, и это особенно заметно сверху. Не знаю, сказалось ли раннее пробуждение, или скудный завтрак, или же сознание того, что у экипажа, как и у нас, в крови много алкоголя, но аккуратность Маданга и вид аэродромных ангаров возбудили во мне безотчетный страх. Интересно, что то же самое испытывали и австралийцы. Разговор в канцелярии авиакомпании «Ансетт-АНА» способствовал укреплению чувства неуверенности.

— Места для вас, господин, к сожалению, не забронированы. Вы должны были еще вчера или даже раньше сообщить, что подтверждаете свой заказ на билет. Вам придется искать другую возможность лететь, или мы устроим вам место до Вевака. Тогда, если вам повезет, вы уже завтра будете на Новой Британии.

Никакие аргументы не помогают. Отбросив дипломатию, говорю, что вчера был в Вабаге и не мог оттуда вылететь не по своей вине.

— Но ведь вы летели самолетом другой компании. Сожалею, но ничем помочь не могу. Возьмите билет до Вевака. Там подождете. Может быть, освободится место. Или переночуете и завтра полетите следующим рейсом.

Я соглашаюсь, выбора нет. Из Маунт-Хагена я послал телеграмму своему другу, который работал в вулканологической обсерватории в Рабауле, что прилечу сегодня. Мы решили рискнуть, если придется провести ночь в Веваке, но в глубине души я был уверен, что еще сегодня будем в Рабауле.

У нас только два часа на осмотр Маданга. Первое и самое сильное впечатление (в любом другом месте земного шара я бы посмотрел на это с улыбкой и тут же забыл): в центральном парке на красивой травяной лужайке отрабатывают шаг папуасские полицейские подразделения. Голубые рубашки, такие же бриджи, темно-синие береты и синие гольфы, крепко подвязанные под коленом красной ленточкой. Все это как-то не вяжется с окружающей по-весеннему зеленой травой английской лужайки. Духовой оркестр, состоящий из множества барабанов и всевозможных дудочек, сопровождает упражнение австралийской песней «Матильда», которую когда-то хотели сделать национальным гимном. Выглядит это весьма комично: темп песни вдвое медленнее темпа

обычного походного марша, и движения полицейских напоминают кадры замедленной съемки. Коричневые лица залиты потом, но они выражают целеустремленность, что должно свидетельствовать об абсолютной дисциплине. Возраст марширующих сразу определить трудно, похоже, им намного больше двадцати. Ротозен серьезно и с завистью наблюдают за всем происходящим на лужайке, они почти с обожанием следят за каждым движением разнаряженного капельмейстера с длинной золотой палочкой в руках, заставляющей всю колонну двигаться в слоновьем темпе. Картина вообще-то трагикомическая. Кто знает, может быть, среди марширующих тот самый будущий полковник, который однажды, когда Новая Гвинея получит независимость, совершит военный переворот. Что ждет эту молодую страну со старым наследством, эти сотни племен с их языками и традициями, с наслоениями современности — религиозными различиями и множеством политических партий? Тот факт, что полицейские учения проходят в разных районах города под наблюдением десятков пар завистливых глаз, должен и психологически повлиять на тех, кто приедет, прилетит или приплывет в Маданг лишь затем, чтобы посмотреть на город.

Недалеко от упомянутой лужайки находится другая достопримечательность Маданга — магазин художественных изделий, выполненных руками знаменитых резчиков из долины реки Сепик. Белые продавцы и их помощники-папуасы раскладывают товар по местам, чистят и полируют вещи. Их окружают целые горы масок, фигурок, плетеных корзин, традиционных крокодилов, вырезанных из дерева.

Крокодил здесь стоит пятьдесят центов, мастер получит в лучшем случае половину этой суммы, а где-нибудь в Сан-Франциско коллекционер редкостей заплатит за него десятки долларов.

Изделия, представляющие художественную ценность, старинные и оригинальные, без специального разрешения вывозить с Новой Гвинеи нельзя. Мы подсчитываем свои финансы, выясняем, что не можем позволить себе купить ничего, но уйти с пустыми руками нельзя — все наши покупки легко умещаются сверху в туго набитом рюкзаке.

Осмотр Маданга закончился у городского отеля, где мы долго стоим перед огромными «рождественскими» деревьями, которые могли бы присниться разве что ал-

коголику. Голые ветви увешаны бутылками, и не каких-нибудь дешевых вин, а, судя по виду, самых лучших сортов. На полузасохшем дереве этих бутылок было, наверное, штук двести, и они мирно покачивались от свежего морского ветерка. Сначала я подумал было, что какой-то сумасброд развлекается, но, во-первых, до рождества было еще далеко, а во-вторых, бутылки были развешаны весьма странным способом. Вдруг одна из них вытянулась, как будто поменяла свою емкость, перелетела на другую ветвь и там приняла прежний вид. Лишь несколько соседних бутылок нервно затрепетали.

— Смотри, папа, флаинг фоксес,— закричал наконец маленький Петя.

Дословно «летающие лисы» — так в разговорном английском называют летучих мышей. Их стая разместилась на деревьях возле отеля для дневного сна, наверное, потому, что здесь никто не голоден и не стреляет в этих симпатичных зверьков, как это делают в любой деревне и в более бедных кварталах Маданга.

Мы поспешили на аэродром. И успели как раз вовремя. Меня немного огорчило, что в самолете наши места были слева: я надеялся увидеть вулканы Манам и Каркар, а они находились справа по курсу. Вместо них я мог любоваться плантациями кокосовых пальм, которые сопровождали самолет, пока не кончилось побережье Новой Гвинеи. Сверху кокосовые пальмы не казались такими красивыми, как снизу. Их угловатый, геометрический контур среди окружающих джунглей как-то нарушал общую гармонию. Дальше мы полетели над устьем мутного Сепика. Тумаи не дал мне возможности согласиться с утверждением, что в Сепике масса крокодилов и что их красные глаза видны даже с самолета. Эту книжную фантазию позднее рассеял один профессиональный ловец крокодилов, вернувшийся с безуспешной охоты. Он утверждал, что в наши дни крокодил — это диковинка. Редко удается его увидеть, еще реже подстрелить и уж в исключительных случаях — втащить подстреленного крокодила в лодку, или на катер, или еще куда-нибудь, где с него можно снять кожу.

Сфотографировать вулканы, о которых я так мечтал, не пришлось. Сидевший справа у окна господин на мою просьбу поменяться местами откликнулся очень неохотно, а когда пришло время фотографировать, он крепко спал.

Наконец Вевак. Мы выходим из самолета и, как все

остальные пассажиры, багаж с собой не берем. Решили пока ничего не добиваться. Войдем в самолет последними, будут места — полетим дальше по маршруту Манус (острова Адмиралтейства) — Кавиенг (Новая Ирландия) — Рабаул (Новая Британия).

В самолете наши прежние места не заняты. В проходе стоит только один новый пассажир, папуас в форме полицейского. Весь его багаж — классическая керосиновая лампа, такая лежит и у нас в корзинке. Стюардесса спешит, она уводит новенького в кабину пилота, и самолет отрывается от поля аэродрома в Веваке. Приземляемся на острове Манус, полицейский выходит из кабины пилота с таким счастливым лицом, что ему завидует не только наш маленький Петя, но и некоторые взрослые, в том числе и я. Далее через Кавиенг мы летим в Рабаул.

9. НАБЛЮДАТЬ ЗА ВУЛКАНАМИ СОВСЕМ НЕЛЕГКО. РАБАУЛ

Рабаул лежит на северной оконечности Новой Британии, одного из больших меланезийских островов. Это бывший главный город Новой Гвинеи¹⁸, где в свое время похозяйничали колонизаторы — англичане, немцы, японцы и австралийцы. Так или иначе чувствуется их влияние. И не на архитектурных памятниках (здания здесь большей частью деревянные, легкие, тропические, которые могут выдержать десятки землетрясений), а на общей атмосфере города. С одной стороны, чувствуется веселость, беззаботность, а с другой — какая-то напряженность. Толпа — пестрая, космополитичная: здесь и меланезийцы, и китайцы, и белые со всех концов земного шара. Рабаул расположен в самом неудачном месте — на краю огромной круглой впадины, или котловины, — кальдеры¹⁹, окаймленной дремлющими вулканами. Потому, возможно, и ощущается эта напряженность. Кальдера красивое, но отнюдь не безопасное природное

¹⁸ Город Рабаул был административным центром бывшей немецкой колонии Германская Новая Гвинея, а затем австралийской подмандатной Территории Новая Гвинея на северо-восточной части о-ва Новая Гвинея и архипелаге Бисмарка.

¹⁹ К а л ь д е р а — обширная овальная котловина вулканического происхождения с крутыми, часто ступенчатыми склонами.

образование. Такая впадина возникает в результате многолетней вулканической деятельности. После многочисленных выбросов лавы из одного или нескольких вулканов в тесной близости к разлому земля начинает проседать и образуется закрытый бассейн; постепенно на краях такого образования лава и пепел вулканических извержений создают вулканические конусы. Рабаульская впадина (или котловина) имеет в диаметре более пяти километров, и на ее окружности много малых и больших вулканов. Некоторые из них покрылись растительностью, и время изменило их первоначальный вид, у других сохранились еще острые грани, ясно виден кратер, на его склонах растут только споровые. Последний из вулканов возник в 1941 году едва ли не в полукилometре от рабаульского аэродрома. В течение нескольких дней здесь вырос конус из вулканического пепла высотой метров двести с основанием в диаметре полкилометра. Во время извержения весь город был покрыт слоем пепла толщиной около полуметра. После землетрясения, которое предшествовало извержению, островок, находившийся посередине котловины в рабаульском заливе, целиком погрузился в воду. Вместе с ним исчез и десяток маломощных вулканов. Сейчас в центре голубого залива торчит острый скальный выступ, напоминая о катаклизме. С тех пор в Рабауле относительно спокойно, если иметь в виду вулканическую активность. Как долго продлится покой, никто не отваживается предсказать. Зато Рабаул и недалекий «медный» остров Бугенвиль сотрясают события общественного характера. И эти толчки так же трудно предвидеть, как и вулканическую активность.

Когда последний автобус отъехал от рабаульского аэродрома и мы оказались единственными в аэропорту пассажирами, стало ясно: что-то случилось. Мой приятель Боб Хеминг, англичанин, геолог, работающий в вулканической обсерватории, на аэродром не приехал. Телефон в его квартире не отвечал, а в обсерватории сухо сообщили, что он выехал из города, и повесили трубку.

В отель я вошел без всякой надежды устроиться: мой костюм, да и содержимое кошелька исключали эту возможность. Вопрос, «есть ли свободная комната и сколько она стоит», был чисто формальным: все номера заняты, и цена такая, что не подступиться.

Перед отелем остановился автомобиль, и вышедший из него господин, похожий на всех здешних служащих, обратился ко мне. Я удивился, как прекрасно он информирован о том, кто мы такие. Он предложил нам помощь: мы можем у него умыться и переночевать. Зашел разговор о нашем друге. Оказывается, любезный господин лично с Хемингом незнаком, но слышал о нем, более того, знал, что Боб заказал для нас места в небольшом пансионате. Господин обещал подумать, где бы мы могли найти Хеминга. Мы приняли предложение господина и согласились, чтобы он довез нас до пансионата с небольшой остановкой: выпить немного виски за знакомство. (И в Рабауле есть свои стражи общественной и частной жизни, хотя они не всегда носят форму.)

Ни снаружи, ни внутри пансионат не назовешь уютным, но места для нас есть — две постели и крыша над головой, о чем еще можно мечтать? Правда, там водилась кое-какая живность и изрядно кусалась. Но в наше время придумали средства против этих тварей: достаточно купить за два цента порошок.

Я звоню госпоже Хеминг. Она провела целый день на аэродроме: утром провожала мужа, а потом встречала каждый самолет, ожидая нас. Она не могла себе даже представить, что мы прилетим с островов Адмиралтейства. Боб вернется через пару дней. Как рассказывает госпожа Хеминг, было объявлено о нескольких землетрясениях, а местные жители говорят, что видели дым, поэтому все вулканологи выехали на места, куда-то в район Сепика, где вообще-то вулканов нет, а вдруг... Боб там должен поставить небольшой сейсмограф, который будет регистрировать сотрясения почвы и обследовать места, где жители видели дым. Скорее всего ничего нового он не узнает. Именно с этого обычно начинается работа вулканолога: с проверки сообщений, поступивших от коренных жителей, миссионеров, австралийских чиновников. Островитяне до сих пор не забыли вулкан Ламингтон, хотя со дня катастрофы прошло более двадцати лет.

Госпожа Хеминг сообщает также, что Боб приготовил для меня карты и нанял автомобиль, чтобы я мог объехать доступные места вокруг Рабаула.

Первый день нашего пребывания в этом городе не был богат находками. Я подобрал только один образец типичной андезитовой лавы в центре города, недалеко от базара. Собрать камни для химического анализа не

удалось. Большинство вулканов, окружающих рабаульскую котловину, извергали не столько лаву, сколько сыпучие, пеплообразные породы, среди них твердые компактные образования составляют исключение. А именно такие были мне нужны для лабораторного исследования. За разочарование, которое принесла геология, я был по-царски вознагражден: после обеда купался в заливе. Пляж небольшой, и песок на нем не белый, а скорее темный и нестерпимо горячий. Зато вода чистая и теплая, как раз такая, о какой мечтают мерзлячки вроде моей жены. Песок образован отчасти темными обломками вулканического стекла, отчасти зернышками магнетита, минерала, который попадает в вулканических породах. Пляж окружают кокосовые пальмы. Это неисчерпаемый запас приятного питья и вкусной, нежной мякоти молодых орехов. Те твердые орехи, которые иногда завозят в Европу, аборигены считают непригодными для еды, здесь их используют лишь для получения копры.

С радостью принимаю предложение вулканологов провести с ними один рабочий день. Мы должны будем измерять температуру выходящего вулканического газа и источников на склонах вулкана Матупи, недалеко от города. Вулканологи выезжают два раза в неделю в одни и те же места, чтобы измеряемую температуру занести в многолетние таблицы. Наблюдение за температурой вулканических выбросов — один из методов предсказания активности вулканов. Полагают, что перед извержением или перед выходом лавы температура должна повышаться. Метод этот дешев, не сложен, но и не очень надежен. Последние двадцать лет в Рабауле ничего не происходило, а два наблюдателя уже больше десяти лет постоянно два раза в неделю карабкаются по раскаленным склонам. Вершина вулкана почти голая, ни одной травинки, ни одного кустика, под которым было бы хоть немного тени. Вид кратера для наблюдателей — будничное дело, зато мы не могли оторвать от него глаз. Пятидесятиметровые стены кратера напоминали кувшин с продырявленными во многих местах бочками — это места выхода горячего газа; кое-где видны желтые пятна — сера. Стены кратера горизонтально слоисты, каждый слой имеет свой цвет — от многочисленных оттенков серого до черного и коричневого. Каждый слой состоит из материала, образованного зернами разной величины, и представляет собой разовый выброс

вулкана. Во время его активности подобный слой из выбросов пепла образуется, возможно, в течение часа, а скорость роста вулкана в такой период может достигать и нескольких метров в час.

В лучах полуденного солнца вода рабаульского залива далеко под нами красиво блестит. Здесь, на стене кратера сухо и жарко, надо торопиться со сбором образцов. Не проходит и двух часов, как мы спускаемся к подножию вулкана, где стоит на якоре наша лодка, и прямо в одежде кидаемся в воду, но, увы, вода слишком нагрелась на солнце. Ее температура повышается также и благодаря горячим источникам.

Вулканологу работа в обсерватории представляется очень заманчивой: бесплатные билеты для полетов над всей Меланезией, почти всегда в распоряжении служебный самолет, никакого нормированного рабочего дня — просто свободное путешествие по «крайским островам». Но за этой роскошной жизнью скрывается огромная ответственность рабаульского коллектива за тысячи человеческих жизней. Его примерный средний возраст немного меньше тридцати. Островитяне живут у подножия и на склонах вулканов, собирают урожай с земли, покрытой плодородным вулканическим пеплом, и нисколько не заботятся о том, когда и какую беду им принесут эти дьявольские горы. Часто случается, что в результате предупреждений вулканологов местных жителей эвакуируют за десятки километров от их родных деревушек. Им приходится бросать дома и уходить с мешками на спине. А предсказанное извержение не происходит. Так бывает раз, другой, третий. На четвертый они отказываются покинуть дома, и вулкан засыпает все вокруг мертвым слоем обжигающего пепла. Поэтому вулканологам здесь никто не верит.

Предсказать вулканическую активность и при этом ни на день не ошибиться до сих пор еще никому не удавалось. Обязанностей у вулканолога здесь и впрямь очень много, поэтому сотрудники часто меняются: мало кто выдерживает более пяти лет.

Еще совсем недавно наши возможности предсказывать вулканическую активность находились примерно на том же уровне, что и тысячу лет назад. Все предполагали, что между вулканической активностью и землетрясениями имеется определенная зависимость, но какая, никто не мог сказать.

В шестидесятые годы была установлена зависимость

между строением горных пород и глубиной очага землетрясения под вулканами. (Эти взаимоотношения были, в частности, предметом моего изучения.) Зная такую зависимость, можно надеяться предсказать вулканическую активность, если известны глубина очага землетрясения и его место. Горячая текущая магма, которая образуется на глубине в несколько десятков километров под поверхностью земли, на своем пути к поверхности посылает предупредительные сигналы в виде землетрясений, собираясь в магматических очагах — подповерхностных резервуарах расплавленных горных пород. Скорость движения магмы значительно колеблется: от нескольких сот метров до двух километров за день. Для того чтобы предсказывать вулканическую активность на основе знания глубины центра землетрясения, необходима сеть современных наблюдательных станций с чуткими сейсмографами и прекрасно обученным персоналом, с приемственной регистрацией всех поступающих сведений. Точное местонахождение и глубину очага землетрясения можно определить лишь в том случае, если есть сведения одновременно с трех сейсмографов, установленных на стольких же наблюдательных станциях, расположенных треугольником; следующая задача — абсолютная синхронность сведений, поступающих с сейсмических станций, — чисто техническая проблема.

К сожалению, встречаются и вулканы, и магматические очаги, которые никаких предупредительных сигналов вообще не посылают. Распознать эти вулканические образования в природе раньше, чем конусообразные горы вырастут на поверхности, нелегко. Например, совсем недавно геологи обнаружили небольшой вулканический кратер в каких-нибудь семи километрах от центра Хониары, главного города Соломоновых островов, в месте, которое считалось спокойным с точки зрения вулканической активности. Это произошло в то время, когда праздновалось двадцатилетие основания геологической службы на Соломоновых островах. Тогда уже существовали подробные геологические карты окрестностей Хониары.

Возвращение Боба Хеминга в Рабаул для меня было большой радостью. Тревога оказалась ложной. Я посвятил Боба в свои планы и предложил обработать в лаборатории образцы собранных в окрестностях Рабаула пород. Мой план был принят, и спустя несколько дней меня завалили таким количеством образцов, которых

хватило бы для специального исследования. Впоследствии Боб год работал в Австралийском национальном университете в Канберре, а через два года начал изучение этих образцов в американском университете в Беркли.

Во время работы в окрестностях Рабаула меня всегда сопровождал геолог, которого местные жители хорошо знали. Мы каждый вечер возвращались в город, и с нами никогда ничего не приключалось. Многие места, где мы собирали образцы, были доступны прямо с дороги или находились посередине плантаций кокосовых пальм. Кругом были видны следы войны²⁰, в частности обгорелые остовы самолетов, которые совсем не гармонировали с чистыми домиками миссий и ровными рядами стройных кокосовых пальм.

В Рабауле произошла очередная история с билетами на самолет. Он должен был лететь на остров Бугенвиль, оттуда на небольшой остров Бука, севернее Бугенвиля, и затем снова на Соломоновы острова. Полет был оплачен, требовалось «только» забронировать место и выписать билет. День за днем я проводил в конторе аэродрома, и недоразумения сыпались как из рога изобилия: то в отсеке самолета, где находилось мое место, что-то произошло, то мой билет выписали не на тот день... Наконец я созрел для того, чтобы задать служащему конторы хорошую взбучку. Но контора оказалась закрытой. Билет, исчерканный вдоль и поперек, я получил в день вылета прямо на аэродроме. Спустя десять дней я благодарил судьбу за то, что в тот день контора была закрыта. Симпатичный служащий, встретивший нас у трапа самолета с улыбкой и извинениями за билетную волокиту, спас нас от голода.

Атмосферу города — веселую, жизнерадостную — создает прекрасный базар. Здесь раскрываются особые отношения жителей полуострова Газель к белым и людям китайского происхождения. Толаи принадлежат к нетипичным меланезийцам: они немного светлее, чем меланезийцы, и чуть смуглее, чем полинезийцы, и очень восприимчивы к европейской культуре. Толаи были первыми, с кем столкнулась австралийская администрация.

²⁰ Новая Гвинея была театром военных действий на Тихом океане во время второй мировой войны.

Они заявили о своих правах на землю, пошли против воли властей и ... выиграли.

Толаи — прекрасные рыбаки и превосходные земледельцы. Подтверждение тому можно ежедневно видеть на рабаульском базаре. Фантастических размеров и поразительного вкуса бананы, прекрасные ананасы, помидоры, манго, папайя, батат. Все дышит чистотой, свежестью, вызывает аппетит. Здесь, так же как и везде на Новой Гвинее, товар разложен на кучки ценою в десять центов, и расплатиться за покупку можно только десятицентовой монетой. Кроме овощей и фруктов здесь можно купить всевозможные раковины, орехи арековой пальмы и, конечно, «лайм» — негашеную известь, «приправу» к бетелю.

Деньги, полученные торговцами за овощи и фрукты, долго у них не залеживаются. Напротив рынка тянется улочка китайских лавок, кофеен и других заведений, которые быстро лишают островитян их богатства. Полученные десятицентовики там обмениваются на стаканчик виски, бокал пива, в лучшем случае на какие-нибудь консервы или пеструю тряпицу.

Шофер-абориген, возивший меня в Рабауле, описал положение так:

— Если и случится в Рабауле драка, господин, так она будет между нами и торговцами. У них много денег, хотя они и не работают. Мы много работаем, а денег у нас нет.

Возможно, он и прав относительно денег, но в предсказании ошибся. Споры о земле на полуострове Газель переросли в острый конфликт между администрацией (белыми) и местными собственниками. Без потерь из этого конфликта вышли китайские торговцы. Они живут, торгуют, спят, едят в своих лавчонках, открытых большую часть дня и ночи.

В Рабауле около трехсот китайских магазинчиков, и продается в них все, что душе угодно: японские магнитофоны и стереосистемы высшего класса, разные мелочи, вплоть до чешских маринованных огурцов и грибов, а также чешских зеленых резиновых сапог, которые называют «джангл бутс». В них ходят все геологи, работающие на Новой Гвинее, кроме меня — я хожу в горных ботинках.

10. «МЕДНЫЙ ОСТРОВ» БУГЕНВИЛЬ

Когда внимание мировой общественности обращается к какому-нибудь острову или атоллу в Тихом океане, то это не сулит их обитателям ничего доброго. Испытания ядерного оружия — лучшее тому доказательство. На острове Бугенвиль, правда, хотя мир и вспомнил о его существовании, никто не собирался испытывать водородную бомбу, зато им заинтересовались торговые и политические круги. Цена акций на сиднейской и лондонской биржах весьма точно сигнализировала обо всем происходящем на Бугенвиле.

Началось это в 1962 году, когда приступили к геологическому изучению острова и составлению карт. Появилось геологическое обоснование целесообразности использования залежей медных руд на Бугенвиле. Первые образцы довольно бедных медью руд были переданы для лабораторных исследований, и началась свистопляска. Спрос на медь на мировом рынке всегда был и еще долго будет большим, поскольку ее на земле немного. Поэтому тщательное обследование острова продолжалось. Было установлено, что тело субвулканических пород с содержанием россыпных медных руд протянулось примерно на пять квадратных километров. Вскоре стало ясно, что речь идет о таком типе месторождений, которые в других частях мира известны под названием медно-порфировых. В них руда рассыпана в породе в небольшом количестве, но площадь залегания и количество породы обычно велики. Это относится и к Бугенвилю. Технология разработок этих руд знакома по опыту добычи их в других частях земли. Так появилось одно из крупнейших месторождений меди в мире — Кне-та на острове Бугенвиль.

Значительную часть найденных залежей прибрала к рукам англо-американская компания «Козинц — Рио Тинто». На остров завезли буровую технику, тяжелые машины, бульдозеры, скреперы. А чтобы не появились новые охотники за большими деньгами, поспешили с началом добычи. Акции компании резко подскочили. В ту пору австралийские лейбористы пообещали Новой Гвинее (в случае, если придут к власти) «дать» независимость... а кто знает, что станет с вложенными капиталами, если на острове появится суверенное правительство.

О самом важном в операции «Киета» — коренном населении — полностью забыли или сделали вид, что забыли. Конечно, «забывчивостью» страдали не геологи. Но именно у геологов и землемеров, которые жили и работали на Бугенвиле, отношения с островитянами за несколько месяцев сильно обострились. А те, кто был повинен в конфликте, находились далеко от острова.

Компания решила выкупить у местных жителей землю под открытые разработки, под дорогу для транспортировки руды, под административные здания, расширить аэродром, построить на нем склады и т. п. Возможно, из-за своего облика население Бугенвиля не считалось самым миролюбивым среди меланезийцев. У него очень темная, с металлическим блеском кожа и типично меланезийский тип лица. Островитянам в приказном порядке сообщили, что они должны оставить свои поля и охотничьи угодья в джунглях вокруг Киеты, а компания выплатит деньги. Заплатили им по два доллара за акр. По сравнению со средним доходом островитян в этой части Океании, который не превышает десяти-пятнадцати долларов в год, два доллара за акр — цена высокая. Поэтому представители компании решили, что они заплатили хорошие деньги. (Хотя один австралийский журналист подсчитал, что с каждого акра болотистых джунглей Киеты компания, добывая медь, получает по два миллиона долларов.) Островитяне с благодарностью приняли врученные им представителями компании деньги, быстро растратили их, но понять, почему они должны бросить свои поля, так и не смогли. Они твердили, что это их поля, потому что они расчистили землю от джунглей, здесь жили и вели хозяйство их деды и прадеды. Компания, в свою очередь, их аргументы не принимала и внимания на них не обращала. Тогда островитяне стали искать выход из положения. С луками, копьями и мачете они выступили против бульдозеров, но это делу не помогло. Тогда они решили прогнать тех, с кого начались все беды, кто пришел сюда первыми, а следовательно, геологов. Они напали на их лагерь и загнали в джунгли, даже не дав им возможности одеться.

Белые колонизаторы разрешили конфликт к выгоде добывающей компании и вышли из него, не замарав рук. Для улаживания беспорядков были присланы части полиции, укомплектованные аборигенами, но среди них не было ни одного представителя племен, живущих

на Бугенвиле. Подобная тактика не раз приносила успех колонизаторам. Позднее таким же путем расправились с волнениями на полуострове Газель. Администрация использовала старую вражду между племенами, ведь и прежде племена встречались только с одной целью: воевать.

Обо всем происходящем на Бугенвиле я ничего не знал. Пока я работал на востоке Новой Гвинеи, газеты не попадали мне в руки. Кое-что я услышал в Маунт-Хагене, а подробности узнал только в Рабауле перед вылетом на Бугенвиль. К тому времени положение серьезно обострилось. Но отказаться от поездки на Бугенвиль я не мог: я тогда не собрал бы образцов горных пород в этой интереснейшей для геолога области и моя коллекция была бы неполной.

Геологически и географически Бугенвиль — часть длинной, прямолинейной цепочки Соломоновых островов. Административно он принадлежит к Новой Гвинее. В центре острова находятся три вулканических массива высотой более двух тысяч метров над уровнем моря: Балби, Нума-нума и Багана. Именно Балби, как сообщил мне геолог, работавший здесь год назад над составлением карт, был относительно легко доступен и интересен своими андезитовыми породами. Там удалось собрать лучшие образцы андезита, а Вакунай, небольшое поселение на побережье в тридцати километрах от Киеты, был самым удобным пунктом для восхождения.

Грузовая «дакота» остановилась на зеленом поле у здания аэродрома с надписью «Вакунай». Стены постройки с дырами вместо окон были сплетены из расщепленных стволов бамбука. Недалеко от нее среди бугенвиллей, кустов с красными цветами, стоял еще один дом с такими же плетеными стенами — какая-то контора. На аэродроме стоял «лендровер» — вездеход, и возле него топтались два аборигена и один белый. Пыльная тропинка вела к взлетной полосе. Нигде, сколько хватает глаз, никаких признаков цивилизации. Гора Балби высилась в белом тумане, ни одного из ее семи кратеров не было видно.

Из самолета в Вакунае вышли только мы, остальные пассажиры остались в салоне. Я задумался, в какую сторону нам идти, как вдруг сзади раздался голос:

— Хеллоу, хау ар ю, янг мэн!

Как известно, эту фразу можно перевести по-разному, и на английском она имеет разный смысл, в зави-

симости от того, с какой интонацией и в каком контексте она сказана. Еще не оборачиваясь, я понял, что тон был дружеский, и фраза эта звучала примерно так: «Дружище, не делай глупостей. Зачем в такую жару тащить на спине этот гигантский рюкзак и заставлять жену с ребенком шлепать пешком?»

Я обернулся и увидел, что наш багаж летит в кузов вездехода. Человек, который меня приветствовал, на нас внимания больше не обращал, а занялся погрузкой хлеба в машину. Я представился так, как представлялся всюду в Австралии: «Питер Джейкс», поскольку никто не знал, что буква *j* может читаться иначе, чем «дж».

Мужчина, не отрывая взгляда от коробок с яйцами, сказал:

— Я знаю, ты геолог из Чехословакии и работаешь в Австралийском национальном университете.— А потом, обернувшись ко мне и немножко подрачивая, добавил: — Ты пробудешь здесь неделю, и тебя не интересуют ни медь, ни жители этого острова. Тебя интересуют только вулканы и их проклятые камни.

Я открыл было рот, но он продолжал:

— Не удивляйся, эта информация идет от тебя самого, ты о своих намерениях писал еще в Канберре. То письмо, которое ты писал, теперь у меня. Я Боб Дьюэрелл, начальник этого района.

Мне все стало ясно, и я невольно смял письмо, которое мне дал для этого человека мой друг Боб Хеминг в Рабауле.

— У меня для вас приготовлен домик, это временка, недостроенный дом для местного учителя, но там можно устроиться. Не забудь, что вечером ты должен зайти ко мне, мы договоримся, что ты тут будешь делать,— продолжал тем временем Боб.

У меня все было приготовлено и расписано. Карты, аэрофотоснимки, геологические планы с раскрашенными тропинками, именами островитян и названиями здешних деревушек, через которые надо было пройти, чтобы попасть на гребень хребта. Семь кратеров, расположенных в поясе «альпийской растительности», выглядели на аэрофотоснимках весьма привлекательно, на них были отмечены места, сулящие прекрасный урожай образцов. Я все благодарен Бобу, что он нанял нам домик. Я все распланировал: Лида с Петей останутся в Вакунае, а я вернусь через неделю. Два дня подъем, два дня на вул-

кане, столько же спуск. Таков был мой план, и я поделился им с «начальником района». И тут рухнули мои надежды вместе с планами работы на Балби.

— Все это прекрасно,— сказал Боб,— но, ты сам знаешь, одному идти в горы нельзя.

Я и сам понимал, что идти одному было бы глупо. Я рассчитывал на трех-четырех проводников, и у меня уже были приготовлены для них мелкие монеты, табак, газеты, спички, консервы и т. п.

— Организовать для геолога носильщиков и проводников после того, что произошло в Киете, очень рискованно. Этого от меня ты требовать не можешь,— сказал Боб.— Лучше, если мы пойдем вдвоем. Люди меня тут знают.

Я промолчал.

— Мне было бы неприятно, если бы ты заблудился в джунглях из-за того, что туземцы тебе отказали в помощи. А они обязательно откажут, когда увидят, что ты собираешь камни. Ты им не сможешь объяснить, что медь тебя не интересует. Понимаешь? Так что забудь про Балби! Каждый вечер ты должен возвращаться домой и ночевать здесь, в деревне. Это говорю тебе я, начальник района.

Я был сражен и чувствовал себя подавленным. Так долго я мечтал, как поднимусь на Балби, осмотрю все семь кратеров, погляжу на запад, на Соломоново и Коралловое моря, потом на восток — на Тихий океан... Я не мог ничего изменить, переубедить Боба Дьюэрелла невозможно, по-своему он прав. Мне оставалось только ползти по восточному склону Балби, обследовать лавовые потоки и, может быть, отыскать хоть какие-нибудь образцы горных пород.

Всюду на острове Бугенвиль нас сопровождали лягушки и жабы. Впоследствии из рассказов Пети о Бугенвиле выяснилось, что в его детских воспоминаниях остались лишь жабы. Действительно, они были повсюду, больше всего им нравилось греться в траве под навесом, который украшал одноэтажное здание полицейского участка в Вакунае. Первый этаж был высоко поднят, чтобы жабы не могли туда забраться. Домик, в котором мы поселились, стоял на высоких сваях и по новогвинейским меркам был сверхроскошным жилищем. Правда, оно было недостроено, окна недоделаны. Из трех комнат мы использовали только одну, затянув оконное отверстие противомоскитной сеткой и устроив

на полу постели. Две другие комнаты служили складом.

Особенно активными жабы были под вечер; к нам в открытые окна проникало их страстное «пение». «Пение» жаб, шорох ползающих по крыше ящериц, высокие голоса цикад, ритмические налеты морских волн создавали приятный тропический звуковой фон. В один из таких идиллических вечеров мы отправились на прогулку, но уже через несколько шагов пришлось вернуться: жаб оказалось столько, что буквально некуда было ступить ногой.

Для геолога собирать образцы в ручейках, вместо того чтобы выбивать их из лавовых потоков, выкапывать на тропинках, протоптанных островитянами у подножия гор, а не искать их в жерле кратеров просто оскорбительно. До ближайших скал и выходов горных пород не меньше дня пути. Я тешу себя тем, что собираю образцы, представляющие типы горных пород восточного склона Балби. Наконец образцов набирается столько, что возникают трудности с их отправкой, а пояснительную часть к ним приходится приводить в порядок на месте, до отлета. Времени у меня много, и к образцам горных пород добавилась коллекция улиток и моллюсков, которых мы насобирали на побережье. Наш самый большой, а значит, и самый красивый экспонат — тридакна, полуметровую гигантскую раковину, весившую около двадцати килограммов, — мы, пронеся несколько километров, бросили на пляже. Она все равно не влезла бы ни в один рюкзак.

Когда мы несли нашу гигантскую раковину, продираясь сквозь мангровые заросли вдоль побережья, мы набрали на небольшую хижину. В ней жил рыбак с семьей. Они были озадачены неожиданной встречей не меньше нашего. Дети, увидев нас, убежали. Объясниться мы не могли: не знали ни одного местного слова. С минуту мы молча смотрели друг на друга, а потом протянули руки для пожатия. Глянув на раковину, рыбак жестом показал, чтобы мы подождали, и вышел. Спустя несколько минут он вернулся с прекрасными раковинами жемчужницы и тритонки. Рыбак взял одну раковину тритонки и затрубил в нее, а другую протянул мне. Потом он подарил нам обе. Я пытался дать ему денег. Он взял лишь две десятицентовые монеты, показав, что одну — за раковину тритонки, а другую — за жемчужницу.

Нам очень хотелось поговорить с рыбаком, но мы не знали его языка, а он нашего. Я понял по его жестам, что такие раковины, какие он нам подарил, собирать, пока жив моллюск, опасно. Но об этом я знал и раньше. Среди коллекционеров они ценятся очень высоко, особенно если створки не повреждены, а чтобы не повредить их, раковины надо собирать вместе с моллюском. Имея дело с ними, приходится быть очень осторожным. Потрявоженный моллюск выбрасывает из ротового отверстия струю ядовитой слюны. Если эта слюна попадает на кожу человека, то может начаться паралич.

На острове Бугенвиль после долгого перерыва я вновь решил порыбачить. Прежде рыбацкое счастье меня не баловало, на мою долю больше выпадало комических происшествий, чем улова. В Австралии однажды я поймал рыбину, всю усеянную колючками. Когда я ее вытащил из воды, она сильно раздулась и стала похожа на огромный колючий мяч. В другой раз недалеко от Брисбена я вытащил из моря рыбку длиной сантиметров двадцать и тоже с колючками. Когда она еще висела на крючке над водой, какой-то незнакомый человек на молу начал изо всех сил гудеть из своей машины. Я отложил удилище и удивленно на него посмотрел.

— Не прикасайтесь к рыбе,— кричал он,— ее колючки ядовиты, мне вовсе не улыбается везти вас в больницу.

Здесь, на вакунайском молу, невезение мое продолжалось. С деревянного мола кристально чистая вода просматривалась на десятиметровую глубину. Там резвились рыбы самых разных оттенков и форм и никакого внимания не обращали на мой крючок. И вот наконец! Я вытащил красиво окрашенную прозрачную рыбку. Еще бы штук пять — и к ужину вполне достаточно. Желанное разнообразие в нашем меню!

Я снова забросил наживку и на всякий случай спросил островитянина, который ждал чего-то у конторы плантации, как бы он приготовил такую рыбу.

— Видите ли, господин, я бы такую рыбу вообще есть не стал, я вижу ее первый раз в жизни.

Я не рискнул принести рыбину домой. Пришлось бросить ее в море. Иди гуляй.

Начальник района Боб и в самом деле заботился о нас. В компенсацию за запрет подняться к кратерам

Балби он решил устроить экскурсию вдоль восточного побережья на север от Вакуная. В качестве транспортного средства решили использовать трактор, который, на счастье, вчера вернулся в поселок. Его водитель получил от Боба приказ останавливаться всюду, где я попрошу.

Это была не только компенсация, но и наказание за мою нескромность. Для трактора неважно, есть дорога, нет дороги, он преодолевает огромные камни, продирается сквозь нехоженые джунгли... Вместе с группой островитян я сидел на платформе, прицепленной к трактору, и задача у меня была одна — не откусить язык. Пока мы ехали, я успевал отмечать места, где мы остановимся на обратном пути, чтобы собрать образцы. Верный правилу в любых трудных обстоятельствах делать то же, что и местные жители, я, как и они, всю дорогу жевал сахарный тростник, чтобы не укачало. Через пару часов у меня начались страшные неприятности с желудком. Трудно сказать, что было тому виной: постоянная тряска, сахарный тростник или вонь, исходившая от воды в ручье. По пути мои провожатые надеялись пострелять голубей. Трактор несколько раз останавливался, мужчины с ликованием соскакивали с платформы и исчезали в джунглях. Раздавались выстрелы, и они возвращались с пустыми руками. Никаких голубей я вокруг не видел, но островитяне утверждали, что голуби есть. Один улетел прежде, чем они успели выстрелить, другого подстрелили, но не нашли в густых зарослях. И так продолжалось бесконечное число раз, но меня уже это не забавляло. Вечером по пути домой в одной деревушке мы увидели нечто, достойное внимания: кожу огромной змеи, наверное питона, растянутую на колышках. Островитяне сказали, что по дороге нам попадалось много змей, я же не видел ни одной.

На следующий день Боб пригласил нас на вечер, устраиваемый на плантации Нума-Нума. Собрались все белые из Вакуная и с соседних плантаций — человек десять. Две дамы были даже в длинных платьях. Не знаю, что выглядело комичнее: мои шорты и выцветшая майка или их длинные платья. Я чувствовал себя не в своей тарелке. Мы посмотрели фильм, потом немного выпили. И вдруг Боб объявил, что у него что-то припасено для нас. Он достал небольшие коробочки с любительским фильмом. Так я, наконец, попал на гребень Балби с экс-

педицией вулканологов из Рабаула. Среди участников кроме Боба был и мой приятель Хеминг.

Энтузиазм, с которым Боб комментировал фильм, явно свидетельствовал о том, что этот начальник района в душе вовсе не полицейский, а натуралист, любитель приключений в самом лучшем смысле этого слова, человек, чуткий к природе и к здешним жителям.

В день, когда мы улетали из Вакуная, Боб летел вместе с нами в спортивном самолете, который вез нас на остров Бука, а его — в город Киету. Перевели его туда против воли, ему очень не хотелось покидать Вакунай.

11. СЛЕДЫ ВОЙНЫ НА КАЖДОМ ШАГУ. ГУАДАЛКАНАЛ

— Не знаю, не знаю, может, и взлетит. Я не думал, что с вами ребенок и такой огромный багаж.

С помощью нашего попутчика уговариваем молодого пилота-миссионера взять нас на маленький спортивный самолет. Это единственная возможность улететь из Вакуная. Наконец мы размещаемся, все в порядке, только как мы приземлимся? Под нами узкая полоска в джунглях, мы где-то на полпути между Вакунаем и расположенным севернее островком Бука. Все окно закрывает гигантский рюкзак, мне осталось только крохотное пятнышко, через которое я могу смотреть вниз. Посадочная полоса выглядит угрожающе, она вся в горбах. Внизу мигает огонек, и мы идем на посадку. Кто-то открывает дверь и с досадой спрашивает у пилота:

— Куда мне это положить?

— Вон на ту коробку, а рюкзак чуть в сторону. Вполне еще войдет.

Следующая фраза обращена ко мне:

— Не могли бы вы взять эту коробку?

У нас с Лидой на коленях по пирамиде разного багажа, между нами, под этой пирамидой, сидит Петя. Рюкзак, на нем ящик с образцами, а сверху коробки с яйцами. Моя рука, поддерживающая пирамиду, высоко у меня над головой. Здесь, в глухих джунглях, кто-то держит птицеферму и продает яйца, свою продукцию он вынужден отправлять самолетом. Нам это кажется удивительным.

Спустя полчаса опять приземляемся. Руки совсем одеревенели, кто-то нам помогает выйти, человек этот удивлен, обнаружив между нами и багажом ребенка.

Островок Бука, поросший лесом атолл, лежит у северного выступа Бугенвиля, от которого отделен узким проливом. Нам здесь предстоит переночевать. Устраиваемся вполне прилично. Китайский ресторанчик на главной и единственной улице служит одновременно и отелем, и магазином, и бюро путешествий.

Длинная комната с когда-то побеленными, а сейчас, за давностью побелки, ставшими серыми стенами, три больничные койки, которые тоже когда-то были белыми. Над кроватями москитные сетки, покрытые толстым слоем пыли, под потолком проржавевший вентилятор. Открываем дверь к неудовольствию целого полчища тараканов. Неделями они жили здесь в полном покое и теперь просто не знали, где им спрятаться. Наш «номер» стоит дороже, чем «Хилтон»²¹ на Гавайях. И грязный дворик, и вход выглядят так неприглядно, что мы отказываемся от ужина, который хозяйин гостиницы предлагает нам за соответствующую доплату. Мы ложимся спать на голодный желудок, как и рекомендуют диетологи. Мелкие и очень сладкие бананы, называемые здесь дамскими пальчиками, вряд ли способны заменить ужин.

Самолет регулярной линии Рабаул — Бука — Нью-Джорджия — Гуадалканал летает лишь раз в четырнадцать дней. Он приземляется на несколько минут, и мы единственные пассажиры, которые садятся в Буке. Самолет набрал высоту, и нам открылись коралловые рифы, о которые с силой ударялись волны. Чиновник авиакомпании, на этот раз в роли стюардессы, приносит холодные бараньи отбивные, и мы с жадностью накидываемся на них.

Сильный запах дезинфицирующих средств, запотевшие очки, невообразимая жара и влажность и в довершение всего падение с трапа — таковы мои первые впечатления от Соломоновых островов, бывшего протектората Великобритании. Мы вышли из самолета на аэродроме в Мунде на острове Нью-Джорджия. Аэродром был на удивление безлюден, только в тени кокосовых пальм чернокожие мальчишки играли в настоящий футбол, в какой играют у нас, в Европе, и о котором в

²¹ «Хилтон» — международная компания, имеющая фешенебельные отели во всех странах капиталистического мира.

Австралии и на Новой Гвинее имеют весьма смутное представление (футболом в тех местах называют непонятную игру, когда мяч можно не только бить ногами, но и брать руками).

К самолету подошел похожий на пожарника служащий. Если бы я сам его не видел, ни за что не поверил бы, что человек, одетый в темный костюм из толстой грубой шерсти, да еще в металлической каске на голове, способен выдержать такую жару.

Настоящий футбол, выраженный пожарник, портрет английской королевы на стене конторы аэродрома, построенной из гофрированной жести, — первые яркие приметы британского правления. Таможенная и паспортная проверка проходила на траве у входа в аэропорт. Подошел какой-то господин и спросил, в порядке ли наши документы. И поскольку в одном слове «йез» трудно уловить чешский акцент, на данный момент наши документы были действительно в порядке.

Каждому пассажиру вручили карточки с предупреждением: если в последующие три недели он почувствует недомогание, то обязан оповестить об этом медицинскую службу. Иначе... далее следовал перечень наказаний.

О Соломоновых островах рассказывают немало печальных историй, связанных с разными болезнями, главная из которых малярия. Тысячи лет изоляции от всего остального мира сделали полинезийцев и меланезийцев беззащитными перед инфекциями. Особенно тяжело они переносят вирусные гриппы, корь и различные воспаления. И поэтому главная цель строгих медицинских предписаний — оградить местных жителей от эпидемий.

По той же причине для европейцев на островах имеется много закрытых зон. Одна из них — Реннелл, самый южный остров архипелага. Доктор Грувер, первый геолог, побывавший в 1956 году на этом острове, в своем отчете, в частности, писал: «Мне кажется, что после моего пребывания на острове Реннелл среди туземцев были открыты новые болезни, хотя предварительно врачи меня тщательно проверили, и я был абсолютно здоров. Один из нанятых мною рабочих вскоре заболел корью, он был сразу же изолирован. На пляже мы быстро построили небольшую хижину и поместили его туда. К хижине мы вынуждены были поставить вооруженную охрану. Все его родные и близкие сбежались к этой хижине, чтобы вместе с ним поплакать и тем выразить ему свою симпатию и сочувствие. Случилось так, что не-

сколько дней спустя, после того как я прошел через деревни западного Реннелла, я получил сообщение, что туда мы занесли тяжелый грипп».

Короткий отдых на аэродроме приятно дополнял те незабываемые впечатления, которые мы получили от коралловых рифов, от цветных пятен моря и лагун со всеми оттенками синего и голубого, напоминающими полотна Шпала²². После недолгого полета мы оказываемся над знаменитой ровианской лагуной, воспетой в популярных песнях жителей Соломоновых островов, а также известной как место, где жили «людоеды». Сверху деревеньки на побережье выглядят очень миролюбиво. Рассказ о том, что здесь еще в 1925 году существовали рынки, где торговали человеческим мясом, нельзя считать достоверными, так же как и историю об убийстве островитянами миссионера, происшедшую якобы несколько лет назад. Вновь и вновь я смотрю на рифы, на разбивающиеся о них узкие белые гребешки волн, на зеленые и голубые пятна воды в червонно-коралловой кайме. Миновав остров Расселл, мы начали приближаться к цели нашего путешествия — знаменитому Гуадалканалу.

Его открыл испанец Алваро Менданья де Нейра в 1568 году и дал ему такое романтическое имя. Но мне на память скорее приходят события новейшей истории острова. Я вспоминаю одноименный фильм, который видел еще мальчишкой: высокие пальмы, песчаные пляжи, корабли, японцы, американцы, подбитые самолеты, взрывы.

Самолет заходит на посадку и пролетает над почти полукруглыми серебристыми крышами ангаров. Это уже не кадры из фильма, под нами главный город Соломоновых островов — Хониара. Минуем один аэродром, потом другой. Два аэродрома для города с населением не более шести тысяч мне кажутся ненужной роскошью. Аэродромы, как, впрочем, и все в Хониаре, остались от второй мировой войны. Самолет делает еще один небольшой круг над городом. Главное шоссе тянется вдоль побережья, и с обеих сторон его окружают ангары, которые теперь заняты под магазины. Ровная прибрежная полоса метров треста шириной плавно переходит в не-

²² Вацлав Шпала — чехословацкий художник (1885—1946).

высокие холмы, где живет меньшая часть жителей Хониары. Эти холмы — старые коралловые рифы, свидетельство того, что остров, так же как и часть Новой Гвинеи, постепенно выступает из моря. Возле заболоченной речки, впадающей недалеко от пристани в море, в беспорядке разбросаны домики. Это китайский квартал. Немного дальше современное здание — единственная на всех островах средняя школа.

Проверка паспортов на острове Нью-Джорджия была лишь краткой предюдией. Правило, по которому мы с нашими чехословацкими паспортами всегда бывали изолированы от остальных пассажиров, ни разу не нарушалось. Здесь тоже.

— Плиз, сэр, можете мне показать ваши билеты на обратный путь?

Стараюсь отвечать солидно и без страха, потому что никаких обратных билетов, естественно, у меня нет и показать нечего.

— Я собираюсь плыть на корабле «Тулаги» и билет на корабль должен получить здесь, в Хониаре. К сожалению, у меня нет ничего, кроме квитанции, что компания «Бернс энд Филп» получила от меня двести пятьдесят долларов.

— Я не могу вас допустить на землю британского протектората Соломоновых острова, если вы не докажете, что имеете достаточно финансовых средств для пребывания здесь.

Я показываю три оставшихся чека, но чиновник все равно не удовлетворен. Он подозрительно листает наши паспорта, там есть виза для пребывания на Соломоновых островах, он не может ее не видеть. Следует серия вопросов: что собираемся здесь делать, как долго намерены задержаться и т. п. Чиновник имеет весьма смутное представление о работе геолога, поэтому мои ответы только осложняют положение. Мы для него личности подозрительные. Он пытается куда-то позвонить. Но сейчас суббота, время послеобеденное, и ни один телефон не отвечает. Недалеко на площадке одетые во все белое джентльмены играют в гольф. Подходит шофер и раздраженно спрашивает, собираемся ли мы ехать в город. Все остальные пассажиры, мокрые от пота, уже сидят на своих местах, стекла автобуса накалились. Разговор между шофером и чиновником идет на местном

языке. Чиновник наконец решительно машет рукой, берет печать: «Въезд разрешен».

В Хониаре вторая мировая война напоминает о себе на каждом шагу. Сам город построен буквально на американских и японских окопах. Множество табличек и надписей, сообщающих, какой батальон и насколько продвинулся вперед и как долго шли бои за новые позиции, напоминает редким туристам о жестокости войны. И туристы здесь, посреди Тихого океана, вспоминают о ней. Бывают и пожилые американцы, возможно, они разыскивают поле боя, где погибли их сыновья. Не думаю, чтобы сюда возвращались те, кто здесь воевал.

У побежденных было четырнадцать тысяч убитых на площади в несколько квадратных километров, еще девять тысяч умерли от инфекционных заболеваний. Подбито шестьсот самолетов, потоплены десятки американских, японских и австралийских кораблей. Они устилают дно между Гуадалканалом и островком Саво. Побережье Гуадалканала до сих пор окаймлено выступающими из воды обломками. От крейсеров и торпедных катеров осталась только гигантская масса проржавевшего металла, от сверкающих белым металлом американских самолетов — одни алюминиевые фюзеляжи. В нескольких километрах от Хониары хижины коренных жителей крыты жестью от самолетных крыльев, а дождевую воду собирают в цистерны, где раньше хранился бензин. Дороги, пристань и город — все осталось от войны. Не было бы войны, не быть сегодня Хониаре главным городом, а оставался бы им Тулаги на острове Нггела, к востоку от Гуадалканала.

Кроме тысяч погибших война принесла сюда и много других бед. О них мог бы рассказать любой чиновник с Соломоновых островов, да и с Новой Гвинеи. Война обострила и социальные проблемы, которые колониальные власти никак не могли разрешить, пока не началось открытое сопротивление британскому и австралийскому правлению. Родилось движение, его называли «культ карго»²³, что приблизительно можно перевести как «культ товаров и вещей», на разных островах оно имело различные варианты и названия.

²³ О культе карго подробнее см. в кн.: П. Уорсли. Когда вострубит труба. М., 1963; Л. М. Минц. Последний из каменного века. М., 1981.

О влиянии огромного количества товаров и вещей, принесенных на острова войной, написаны тысячи страниц. И несмотря на это, создается впечатление, что живущие на островах европейцы до конца так и не поняли ни причин движения, ни его целей. Не исключено, что и местные руководители движения не имели ясной цели. Они поняли только одно: при хорошей организованности можно командовать большими массами людей и владеть множеством вещей. Они создали какое-то подобие самоуправления по образцу военных трудовых лагерей, с которым познакомились в американских и японских воинских соединениях. Они не знали лишь одного: кто все эти товары и вещи производит. По-видимому, они полагали, что придет большой корабль и привезет все, что нужно, как это было во время войны, вещи они поделят между собой так, как это делали другие у них на глазах в военных лагерях. Они верили, что послевоенный отъезд американцев — дело временное, и ждали их скорого возвращения. О наивности их представлений свидетельствует случай, описанный австралийским журналистом Кейтом. Дело было на острове Новая Ирландия в австралийской части Новой Гвинеи — Папуа. Тогда американским президентом был Л. Б. Джонсон. Островитяне под предводительством своего старейшины Кубалека договорились, что они проведут общее собрание и попросят президента Джонсона купить остров и владеть им, надеясь на то, что, когда тот придет, чтобы править островом, он привезет с собой множество даров для тех, кто предложил ему такую выгодную покупку. Этот случай произошел в конце 60-х годов, когда годовой доход семьи на острове Новая Ирландия составлял двадцать-тридцать долларов. Они посчитали, что их остров может стоить пятьсот долларов, сумма для них фантастическая. Попытка кончилась тем, что организаторов собрания заключили в тюрьму. Самым интересным в этой истории было то, что Кубалек предсказал день, когда к берегам острова подойдет американский корабль. И действительно, точно в назначенный день к острову должен был подойти американский навигационный корабль, который держал курс на Австралию. Связь между Новой Гвинеей, Австралией и командованием американских военно-морских сил, на счастье, была исправна, и навигационный корабль, к большой радости австралийских чиновников, быстро изменил курс.

Годом позже в Канберре я еще раз вспомнил о Гуа-

далканале и второй мировой войне. Один из капитанов британского торгового пароходства приехал меня навестить. Я с ним познакомился на Соломоновых островах и на его корабле плавал по Коралловому морю. Мой гость предложил мне отказаться хотя бы на время от моих научных занятий и возглавить экспедицию. На дне пролива у Гуадалканала (его называют «проливом с железным дном») на потопленных кораблях много не только железа, но и цветных металлов, а главное — латуни. За килограмм латуни платят больше доллара. Мне в этом деле отводилась роль специалиста, который соответствующим прибором будет находить цветные металлы, а мой гость со своей командой вытаскивать их из воды.

12. РАСКАЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ. САВО

Первый рабочий день на Гуадалканале начался для меня неплохо. Пока я собирался пойти в местную канцелярию геологической службы, посыльный из гостиницы попросил меня спуститься вниз. У входа возле машины стоял плотный невысокий человек в белом.

— Брайан Хэкман, геолог, — представился он.

Я уже знал его заочно. Мы с ним обменялись несколькими письмами; я читал его статьи о геологии островов Санта-Исабель и Малаита. Он весьма четко обрисовал мне, чем занимается геологическая служба Соломоновых островов и чем могу быть полезен я у них в лаборатории. Без ненужных формальностей он познакомил меня со своим планом.

— Думаю, самое разумное первый день вам провести здесь, в Хониаре. У нас в институте вы можете изучить все материалы, в том числе и неопубликованные, посмотреть коллекции образцов и документацию. Я в вашем распоряжении всю неделю. Если вы что-нибудь выберете среди вулканических пород — они ваши, но, конечно, больше всего нам бы хотелось познакомиться с результатами ваших исследований.

Предложение было неожиданно щедрым. Теперь я без труда смогу получить образцы пород с большинства вулканов архипелага. Очень удобно и экономит время: все равно я не в состоянии облазить все вулканы на островах.

Коллекции пород в образцовом порядке. С неопубликованными материалами тоже никаких затруднений: если потребуется что-нибудь перерисовать — всегда под рукой художник-островитянин.

Аппетит приходит во время еды. Здесь передо мной были образцы пород с большинства вулканов архипелага, а мне хотелось еще знать, в какой мере отличается лава в разных местах этого вулканического центра. Выяснить это лучше всего на каком-нибудь одном небольшом вулканическом островке: либо Нггеле, либо Саво возле Гуадалканала. Я делюсь своими соображениями с Брайаном Хэкманом. Говорю, что мне хотелось бы детально изучить один из действующих вулканов, я мог бы сделать его геолого-вулканическое описание и для этой цели больше всего подходит остров Саво.

Брайан улыбается:

— Саво — это прекрасно, вот только одна проблема: там совершенно нет питьевой воды.

Брайан к тому же не знает, как нас примет коренное население, оно никогда не ведет себя враждебно, но и никогда не проявляет гостеприимства. С другой стороны, Саво действительно лучше других для этой цели, потому что в ближайшее время кто-то из геологов там должен измерять температуру фумарол²⁴. Такое измерение делается раз в полгода.

— Если поедете, дам вам помощника,— говорит Брайан.— Зовут его Соло, расторопный парень, на Саво сможет договориться и по-английски немного умеет. Он вам поможет при встречах с островитянами. Есть ли у вас палатка, спальные мешки, москитная сетка?

Это все есть — и для Пети, и для Лиды, и для меня самого,— остается только взять напрокат на складе геологического института канистры для питьевой воды.

Неделя в Хониаре пробежала быстро. О корабле, на котором мы должны плыть в Австралию, нет никаких известий; он был где-то между Сиднеем и островами Фиджи. Днем сижу в геологическом институте, а по вечерам вместе с женой хожу к приятелю-геологу. Слушаем

²⁴ Фумаролы — отверстия и трещинки в местах вулканической активности, по которым из недр земли поднимаются струи горячих вулканических газов и пары воды, перешедшие в жидкое состояние.

и записываем местную музыку. В первый день, когда Лида прослушивала наши записи, сделанные на Бугенвиле, паренек, убиравший в «отеле», предложил привести к нам своих товарищей.

— Они умеют делать хорошую музыку,— сказал он.

В тот же вечер наша комната наполнилась местными музыкантами с гитарами. Типичный хониарский струнный ансамбль.

Самым зрелым и современным вариантом ансамбля с гитарами можно считать бамбубит, то есть бамбуковый бит. В нашей узкой комнате он уместиться не мог, и мы его слушали в другом месте. Инструмент, дополняющий гитары,— полый бамбуковый ствол диаметром десять-двадцать сантиметров. Один конец его открыт, и там натянуты струны, нарезанные из шин от грузовых автомобилей, все они настроены на разные тона. Инструмент издает глухие, басовые звуки, напоминающие десятки разных ударных.

Мы записали песни, в которых сохранились полинезийские корни, но исполнялись они в стиле «кантри». Это одно из последствий войны, когда на островах появились современные музыкальные инструменты. Особый характер песням придает соединение полинезийской народной напевности и ритмичности с меланезийской задушевностью. Они очень красивы, но нас интересовали традиционные меланезийские напевы.

— Если вы хотите, можете прийти к нам в общежитие,— предложил наш приятель,— и там вам сыграют все, что угодно. Островитяне с Малаиты и Санта-Исабели как раз сейчас собираются вместе, потому что должен приехать новый епископ, и они готовят для него приветствие.

Мы слушали часами песни острова Малаита, восхищались их ни на что не похожим ритмом и сложной гармонией. Этими песнями был очарован и Брайан, многие мелодии он слышал впервые. Музыканты дули в полые стволы бамбука неодинаковой длины и одновременно стучали ногтем по стволу в разных местах, и все это создавало таинственный и волнующий аккомпанемент.

Я сразу заметил, что хоровые песни менее оригинальны. Слов их мы не поняли, но мелодии явно завезены миссионерами. Нам объяснили, что в них рассказывается о приключениях на рыбной ловле или о том, например, как выращивать овощи.

Брайан настаивал, чтобы мы обязательно побывали

в той части Хониары, где живут чистокровные полинезийцы, привезенные сюда после войны с некоторых островов Полинезии. О посещении надо договариваться с чиновником местного отделения компании «Бернс энд Филп». Это высокий, статный, теперь уже тучный мужчина, настоящий полинезец, доброжелательный и любезный. По собственной инициативе он предложил нам посмотреть танцы и попробовать типичное полинезийское угощение, разумеется за вполне приемлемую плату. Мы признались, что ограничены в средствах, и он пообещал устроить для нас все подешевле. Для этого лучше всего подождать до субботы, когда здесь будет группа американских туристов и мы сможем присоединиться к ним.

В субботу все идет по плану. Туристы приехали после обеда, и вечером мы все вместе едем на праздник в квартал Уайт Ривер. Небольшая бетонированная площадка по этому случаю покрыта банановыми листьями. Посередине лежит приготовленная двухметровая рыба, «королевская» разновидность тунца. Пиршество начинается. Рыбу берут руками и запивают кокосовым молоком. Полинезийцы справляются с едой быстрее, чем туристы, самые большие порции исчезают за их спинами, их берут дети и куда-то уносят. Здесь же слоняются полуживые собаки, «владельцы» безжалостно отпихивают их ногами. Наконец начинаются песни и танцы. Несмотря на явно коммерческий характер всего мероприятия, нам здесь нравится. Певцы поют с большим удовольствием; любовь к музыке у них врожденная, они подпрыгивают, выкрикивают какие-то слова и отбивают ритм по всему, что попадет под руку. Поющие полинезийские женщины оставляют далеко позади фантазию художников, создающих рекламные плакаты и проспекты. Несмотря на свою полноту, они танцуют с таким пылом, что мы не замечаем, как ушли американские туристы: им надо рано вставать, чтобы успеть побывать и на других островах. Мы уходим последними, маленький Петя заснул на руках. Пение и танцы продолжают, завтра воскресенье, не надо идти на работу. Уже и сюда пришло это достижение цивилизации: ранний подъем по звонку будильника.

Праздник наглядно иллюстрирует разницу между полинезийским и меланезийским мировосприятием: полинезийцы способны лучше приспособляться к новым

условиям. Многие из них занимают довольно высокое общественное положение, несмотря на то что они переселенцы. На других островах Соломонова архипелага, например Реннелле, тоже есть полинезийцы.

За ту неделю, что мы провели в Хониаре, нам все же удалось организовать экспедицию на Саво. С островом не существует никакого регулярного сообщения, поэтому первая проблема — как переправиться. Кроме местных каное и обычных весельных лодок, другого транспорта нет. И хотя от Гуадалканала до острова всего-навсего пятьдесят километров, он считается труднодоступным. Наконец нас взяла моторная лодка службы здравоохранения, которая шла на остров Расселл со средством от комаров. Мы договорились, что лодка подойдет как можно ближе к берегу и в тот момент, когда упрется в камни, мы выпрыгнем в воду. Волны довольно высоки. Подняв багаж над головой, нам удается переправить его на берег. Таким же образом переправляем Петю и канистры с питьевой водой. Все это складываем на каменистом пляже. Неподалеку уже сгрудились жители деревни Сесеппи, возле которой мы высадились. Какое-то чувство подсказывает мне, что не надо пока выходить из воды. Наш помощник Соло объясняется с жителями деревни, они живо жестикулируют и настороженно показывают на нас пальцами. Моторная лодка отходит, а мы все еще стоим в прибое. Вспомнился рассказ Брайана, как месяц назад он подплыл к острову Малаита, который мало изучен геологами, и островитяне не позволили ему выйти из лодки — так и пришлось отплыть. Испробовал обходный маневр. Высадился на другом месте, разбил лагерь, очень скоро к лагерю подошли люди. На этот раз они его окружили и стали сторожить всю ночь и до полудня, пока он не загрузил лодку и не скрылся из виду в море. Так геологическая карта Малаиты и не была сделана.

Воспоминания о Соломоновых островах геологов, особенно тех, кто постарше, не из самых лучших. Поучительны и ставшие уже хрестоматийными приключения австрийской естественнонаучной экспедиции на корабле «Альбатрос». Ею руководил известный тогда геолог Гельмут фон Норбеек. Корабль пристал у северного побережья Гуадалканала, и экспедиция отправилась в глубь острова. Норбеек предполагал, что пик Татуве высотой более двух тысяч метров лежит в центре острова. Австрийцы добрались до деревни Валоло у подножия

горы. Местные жители отнеслись к ним дружелюбно, но, как только узнали, что те собираются подняться на Татуве, сказали: «На вершину святой горы ни один человек ступить не может». Они верили, как верят и теперь, что, если вершину Татуве осквернит нога белого человека, все жители не только Валоло, но и всех Соломоновых островов сейчас же погибнут. Однако Норбеек после предупреждения от своего замысла подняться на вершину не отказался, поскольку в местные поверья не верил. Островитяне пришли в отчаяние и решили по-своему. Наутро они бесшумно окружили лагерь. Австрийцы в то время как раз завтракали, а что произошло потом, много лет спустя рассказал один из участников события:

— Нам было очень жаль, что белым людям надо умереть. Мы им дали возможность сражаться на сытый желудок. Мы подумали, пусть они поедят как следует.

Потом началось побоище. В живых осталось несколько человек, которым удалось добраться до побережья. Имена остальных выбиты на камне памятника. Среди них есть и чех — моряк Густав Халоупка.

Такие мысли роятся у меня в голове, пока мы стоим в прибое. Вдруг из группы островитян отделяется человек и весьма небрежно хватает один из наших рюкзаков. Потом так же поступают и все остальные. Мы убегаем на берег, но никто на нас не обращает внимания. Остановливаемся метров через двести-триста в центре деревни на поросшей травой площадке, море совсем рядом, кругом кокосовые пальмы. Смотрим, как островитяне рубят траву. Соло договаривается сначала со мной, а потом с островитянами о плате за постройку для нас жилья — значит, сами мы ничего строить не будем. Соло объясняет: мы находимся на колониальной территории, и от нас ждут, что мы будем вести себя как колонизаторы. В строительстве Соло понимает гораздо больше меня, для него это не впервой. Геологи уже много лет нанимают его в помощники, кроме того, он самостоятельно овладел всеми здешними «строительными профессиями» и теперь делает только ту работу, которая требует самой высокой квалификации, например связывает бревна корой деревьев или лианами. Постройка идет так быстро, что мы не успеваем даже следить за ней. Под огромным пологом уже появились три постели.

— А где будете спать вы, Соло? Почему вы не делаете четвертую постель под крышей?

Вопрос, по-видимому, глупый. Соло удивленно глядит на меня. Он будет спать вместе с жителями деревни, в их хижинах. Где же еще? Никто и никогда вместе с белыми не спал. Так же и с едой. Однажды Лида сварила батат, Соло есть отказался — с белыми не ест. Его порция осталась нетронутой. Он будет есть то же самое, но только вместе со своими.

Кров для нас готов, недалеко от него и очаг. Стен нет, от пристального внимания островитян мы можем спастись лишь под москитной сеткой. Должен еще добавить, что новый «дом» стоит на площади, по которой проходит единственная тропинка на острове. Каждый может войти в наш «дом» и взять все, что у нас имеется. Это нетрудно сделать прямо с тропинки, достаточно протянуть руку. А вещи всякие — и такие заманчивые для островитян, как ножи, приборы, лампы, табак (который здесь служит валютой), мачете, спички, рыболовные снасти, и совершенно бесполезные — высотомер, фотоаппараты, планшетки с картами, аэрофотоснимки. И тем не менее за десять дней пребывания на острове, когда в наше отсутствие «дом» посетило более двухсот любопытных, у нас не пропали ни один винтик, ни один рыболовный крючок. При этом надо учитывать, что для жителей острова нож, крючок или электробатарейка — это огромная ценность. В Порт-Морсби, городе современных автомобилей, холодильников и настоящих отелей, на пляже достаточно на минуту отойти от своих вещей, как кошелек, солнцезащитные очки тут же исчезают. И в Порт-Морсби, и на Саво живут меланезийцы. Нетрудно сообразить, от кого они научились воровать.

Островок Саво — вершина вулканического кратера, которая выступает на пятьсот метров над поверхностью моря. Снимки острова с самолета не особенно интересны: несколько деревень на побережье, соединенных узкой тропинкой, склоны, изборожденные руслами высохших ручьев, которые служат желобами для стока дождевой воды, в северной части — голые скальные выходы, скалы и на самой вершине. Белые пятна на карте острова означают места, лишенные растительности, интенсивной тепловой деятельности вулкана и выходов горячих газов.

В первый же вечер у нас много гостей. Сидят возле нашего «дома» и с любопытством провожают каждое

наше движение, изучают каждый сантиметр нашего багажа. Живущие поблизости женщины принесли нам урожай со своих огородов: таро, ямс, помидоры и сочные ананасы. Мы попробовали ямс: напоминает батат. Кто-то угостил нас яйцами, похожими на гусиные, но мне, откровенно говоря, не хотелось их пробовать.

На следующий день мы обедали вместе с островитянами высоко на склоне вулкана среди их маленьких полей и огородов. Способ приготовления блюд здесь очень прост. Яйца, бананы и помидоры заворачиваются в листья банана или саговой пальмы и помещаются в отверстия в скале, где выходит горячий газ, отверстие закрывается камнем и замазывается глиной. Через некоторое время готовую еду из этого волшебного горшочка можно подавать на стол. У бананов вкус яблочного компота с корицей, но здешние яйца для неприспособленного желудка — тяжелое испытание. В некоторых из них белок и желток соединились, в других уже были зародыши, но под внимательным взглядом островитян мы проглотили все, кажется, даже крохотного цыпленка.

Однажды во время обхода острова мы набрали и на местную «ферму», которая производит эти яйца. Ее устройство весьма несложное. Обыкновенный песчаный пляж, как оспинами, усеян ямками, в некоторые из них воткнуты палки. Никаких заборов, курятников и кур. Кое-где бродят странные птицы, их называют здесь лесная индейка, или мегапод. Эта удивительная птица размером с нашу индейку использует горячий песок пляжа в качестве природного инкубатора. Она не высидывает яйца, а ее потомством распоряжаются местные жители: большую часть отложенных птицами яиц они выгребают и съедают.

Во время ориентировочных обходов побережья я решил подняться на вершину кратера, пройдя островок поперек. Вышли мы с Соло засветло, быстро прошли русло высохшей речки, осмотрели несколько мест с интенсивной тепловой активностью. Дорога через джунгли была непроходима, поэтому мы выбрали другой путь — по совершенно голой местности. У самой вершины кратера склоны отвесны и очень сыпучи, кое-где видна растительность цвета запекшейся крови. Сделав шаг вверх, я часто скатывался вниз метра на два в отличие от Соло, который всегда удерживался там, куда ему удалось забраться. Я немного отдыхал и опять карабкался вверх. Соло же без отдыха упрямо прокладывал дорогу. Мои

руки покрылись кровавыми мозолями от мачете. Мы одолели еще один голый участок. Над нами поднимался дымок — значит, недалеко граница кратера.

Абсолютное безветрие, солнце прямо в зените. Подъем по голой скале напоминает акробатические упражнения. Земля под ногами буквально горит, пот каплет градом. То и дело приходится протирать запотевшие очки. Обувь нестерпимо жжет ноги. Переходим на рысь, если так можно назвать карабкание по крутому склону местами на всех четырех конечностях. Тогда горят и ладони. На склоне перед следующим голым участком мы валимся без сил немного передохнуть. Соло первый поднимается, вытирает соль с потного лба, протирает глаза и вдруг радостно кричит: он увидел небольшую рощу кокосовых пальм. Мне показалось это невероятным, но там действительно кокосовые пальмы. На большой высоте и далеко от побережья. Соло не мог устоять на месте и предложил мне скорей идти дальше. Когда мы добираемся до рощи, Соло вмиг, как будто и нет усталости, взбирается на вершину и с криком сбрасывает вниз орехи. Моя задача подбирать и складывать их, чтобы не скатились вниз. Соло мастерски владеет мачете, разделявая орех. Сначала он отрубает небольшой продолговатый кусочек с мягкой волокнистой поверхности, который потом использует как ложечку. Затем, сделав три-пять надрезов, снимает волокнистую оболочку с ореха (мне, чтобы снять ее, требовалось не менее пятнадцати минут), в твердой скорлупе он делает два отверстия примерно по два сантиметра в диаметре, и молоко можно пить. Я выпил содержимое пяти орехов, Соло — семи. Потом один орех он делит пополам, и мы наслаждаемся жирной мякотью.

После пира под сенью кокосовых пальм нас свалил сон, никакая мошкара не могла нам помешать. Отдохнув, мы легко добираемся до кратера. Сам кратер малоинтересен. Внутри он весь зарос растительностью — значит, там нет никакой тепловой активности. Образцы пород сильно обветрены и рассыпаются в руках в желтый и беловатый песок. В центре кратера — полностью заросший небольшой «собор» с куполом, характерным для вулканов пелейского типа.

В деревню мы вернулись усталые до смерти. Утром рано появился Соло и сокрушенно заявил:

— Ни один белый господин не ходит так много, как вы, мистер. Я очень устал и хотел бы отдохнуть в де-

ревне. Я нашел вам помощника вместо себя. Сегодня можете мне ничего не платить, дайте деньги тому, кто пойдет с вами.

Меня это несколько огорчило, поскольку я собирался продолжить исследование острова. Посоветовавшись с Лидой, я спросил у него:

— А вы не согласились бы присмотреть за Петей? Главное, чтобы он не пошел купаться.

Соло соглашается, и мы с Лидой, а также с проводником отправляемся в путь. Обходим весь остров вокруг. Все идет прекрасно, только песок на тропинке беспощадно жжет ноги. Небольшие кокосовые плантации, аккуратные деревеньки на побережье, на другом конце острова — миссия; великолепные пляжи и теплое море придают Саво курортный вид. Только свежую воду для питья или хоть какую-нибудь воду мы здесь так и не нашли. Чем ближе к «дому», вернее, к нашему навесу в деревне Сесеппи, тем сильнее страх за Петю. Ведь мы здесь единственные белые среди нескольких тысяч островитян. Последний километр мы уже почти бежим.

Дома все в порядке. Петю находим в компании местных ребятишек; они курят трубки с подслащенным табаком. Разумеется, Петя тоже курит. На вопрос, как он провел день, он небрежно отвечает: «Очень хорошо» — больше не обращает на нас никакого внимания. Еще нам удалось узнать, что он ел пирожное. Местное пирожное мы смогли попробовать днем позже. Готовят его из крахмала батата и множества разных орешков. Его не пекут, а варят, завернув в листья, на горячих фумаролах. Петя также пробовал жевать бетель, но он ему, естественно, не понравился. Соло, на чье попечение мы оставили сына, доволен: ему совсем не пришлось заботиться о мальчишке, потому что еще утром Петя ушел с женщинами и детьми на их поля и огороды на склоне горы.

Один из постоянных гостей нашего «дома» — Леонардо Сотеве, весьма стеснительный парень, — с радостью помогает нам в разных мелких делах. Его жена Пиарина, не вынимая изо рта каменной трубки, приносит нам свежие овощи со своего огорода. Леонардо в огороде почти не работает, иногда выходит в море половить рыбу. Я набираюсь смелости и прошу его взять меня с собой на рыбалку. Соло переводит, и Леонардо сразу же соглашается.

Узкое, как стрела, каноэ, выдолбленное из одного

ствола дерева, прикрытое циновкой, лежит под навесом возле его дома. Несмотря на то что оно укрыто от палящих лучей солнца, дерево растрескалось, и, когда мы садимся в каноэ, оно сразу же наполняется водой. Плавание в такой лодчонке не сулит ничего хорошего. В отличие от других островов Тихого океана на Саво не пользуются балансиrom.

Сначала ловим мелкую рыбешку. Насадкой служит рак-отшельник, который водится на влажных отмелях. Растет наш улов — прибавляется и воды в каноэ. Леонардо показывает знаками: отвезем, мол, мелкую рыбу и пойдем за крупной подальше от берега. Мы уже метрах в трехстах от пляжа, когда Леонардо дает мне половину скорлупы кокосового ореха — вычерпывать воду. Нам нужно повернуть, чтобы причалить носом к берегу. Поворот неудачен, каноэ переворачивается, рыболовные снасти и вся рыбешка идут ко дну. Леонардо отчаянно выкрикивает единственное слово, которое он знает по-английски: «Шарк!» («Акула!») Я не сразу понял, что это просто предупреждение об опасности, а тут акул нет и в помине, но страху я натерпелся. Акула — один из основных персонажей мифов на Саво. Во всех рассказах здесь присутствуют акулы, это альфа и омега жизни островитян, от акулы возникает жизнь, к акулам уходят мертвые, которых не хоронят, а увозят на каноэ в открытое море и там опускают в воду. Несмотря на строжайший запрет властей, в дар акулам ежегодно бросают в море молодых девушек. Короче говоря, акулы — часть жизни населения Саво.

Наконец мы доплываем до берега и выталкиваем каноэ. Собравшиеся на берегу весело потешаются над нами. Кажется, Леонардо на меня не сердится, а я рад, что акулы нас не почуяли. На радостях я отдаю Леонардо все свои рыболовные снасти. Его два крючка, искусно вырезанные из кости, с красивым рисунком, остались на дне моря, и, думаю, стальные крючки утешат его.

Каноэ мы оттаскиваем под навес. Рыбы к ужину не будет. Жена Леонардо спокойно готовит ужин возле хижины, по-видимому, она на рыбу и не рассчитывала.

Прошло десять дней, время прощаться с Саво. Карта подготовлена для перерисовки, у меня опять несколько десятков килограммов образцов. Недалеко от берега

бросает якорь моторная лодка, которая должна нас забрать. Она принадлежит местному капитану, одному из самых удивительных людей, с которыми я здесь познакомился. Волосы выкрашены в почти белый цвет, вокруг шеи пиратский платок, и, как истинный пират, он одноглаз. Цена билета для всех четырех один доллар. Катер движется со скоростью улитки и всякий раз, как появляется стая тунцов, меняет направление; преследование тунцов занимает часа два.

Вечером мы в Хониаре.

13. ПЕРВЫМ КЛАССОМ НА ГРУЗОВОМ СУДНЕ «ТУЛАГИ»

Нетерпеливое ожидание в Хониаре закончилось, когда у пристани пришвартовалось «Тулаги», судно, плавающее под британским флагом. По его внешнему виду было ясно, что ходит оно в Тихом океане не первый год. Раскачивающиеся трапы, прикрепленные соевшими веревками, и резкий запах копры, распространившийся вокруг корабля,— все было в подном противоречии с проспектом, выданным нам судоходной компанией. Мы пробрались сквозь горы разных сгруженных с корабля на хониарский мол товаров, видели проржавевший корпус судна, на котором нам предстояло плыть, и пришли в ужас. Но пассажирский отсек корабля, экипаж и сами пассажиры рассеяли первое неприятное впечатление. Да, действительно, мы путешествуем первым классом: все до пунктика совпадает с представлением о колониальном стиле минувшего столетия. Белоснежные стены тщательно покрыты блестящей эмалевой краской, латунь на ручках дверей и круглых иллюминаторах ежедневно надраивается так, что сверкает как солнце, стены столовой на двадцать человек обиты зеленым бархатом, кругом пушистые ковры. Все это были несомненные признаки высокого класса. В столовой сидело несколько офицеров в безукоризненно выглаженных белых костюмах с яркими желтыми петличками и в белых штиблетах. По лестницам и коридорам неслышно двигались официанты-китайцы в форме для слуг — белых застиранных костюмах.

Наше появление на корабле выглядело весьма комично, но полное собственного достоинства светское общество первого класса и офицеры даже бровью не по-

вели. На палубе возникли гигантские, ободренные рюкзаки, а под ними двое путешественников с пятилетним, загорелым до черноты привеском. Наши рубашки с серыми, неотстирывающимися пятнами от кокосовых орехов, следами плесени и дырами, застиранные, потрепанные шорты, заклеенные пластырем ноги красноречиво свидетельствовали о долгом пребывании в джунглях. Нам отвели две каюты с огромными латунными кроватями. Не успел я отдышаться и достать самые необходимые вещи, как жена начала торопить:

— Петр, в таком виде здесь нельзя ходить. Быстро беги, купи хоть две белые рубашки, прежде чем мы отплывем.

У женщин в таких ситуациях хорошее чутье, поэтому я не спорю и бегу в город за рубашками. Нам на корабле придется не раз появляться в столовой, а хороший тон предписывает для таких случаев белую рубашку с длинными рукавами. Я купил рубашки в китайском магазинчике — там дешевле — и вернулся на корабль весьма довольный собой: какую выгодную покупку я сделал! С видом победителя кладу рубашки на постель. Лида разворачивает одну — и приходит в ужас, а маленький Петя визжит от радости. На рубашке вышит зайчик — знак клуба «Плейбой»²⁵. У зайчика симпатичная мордочка. Когда была развернута вторая рубашка, в комнате воцарилась гробовая тишина: на груди и на спине было написано: «Посетите Соломоновы острова». Молчание продолжалось недолго — мы начали смеяться. Пусть все так и будет, придется капитану и господам пассажирам смириться — не бежать же снова в город за следующей порцией рубашек.

Отходим от Хониары и вскоре уже видим Лунгу, где судно будет загружаться копррой. Мы бросаем якорь в открытом море, на небольших понтонах подвозят огромные мешки, корабль выбрасывает трап, и мешки исчезают в трюмах. Пассажирам предлагают совершить прогулку на моторном катерке. Мы очарованы «Тулаги», суетой вокруг погрузки и предпочитаем отдых на палубе. Местные грузчики работают не спеша, как, впрочем, и корабельные. Малайцы, нанятые в Сингапуре, явно не проявляют энтузиазма в работе. В тропической жаре и

²⁵ Клубы «Плейбой» созданы американским миллионером Хоффером во многих городах мира для богатых мужчин, желающих провести время весело и не заботясь о нравственности. Зайчик — «бани» — символ девушек, развлекающих членов клуба.

влажности это можно понять. Единственный, кто не разделяет такого настроения, — молодой офицер с корабля. Из-за небрежности местных грузчиков одна из лодок с копррой перевернулась, и весь груз оказался в воде. Грузчики быстро перескочили в другую лодку и начали от души забавляться, наблюдая, как офицер полез в воду, сначала по колено, потом по пояс, наконец, по грудь и при этом ухитрялся привязывать к тросу подъемного крана мешки. Отношение островитян к собственности, в данном случае к мешкам с копррой, было совершенно иным.

Маршрут от Хониары на Соломоновых островах до Австралии наш корабль обычно проходит за четырнадцать-шестнадцать дней в зависимости от скорости загрузки и выгрузки перевозимых товаров и от погоды. С заходом на Новые Гебриды плавание длится шесть или семь недель. Это самая регулярная линия между юго-западной частью Тихого океана и Австралией. Только в Хониаре, Гизо и Яндине есть причальная стенка, на других стоянках корабль вынужден бросать якорь в открытом море.

Наша следующая остановка — Яндина на острове Расселл. Из Лунги мы отходим рано утром, а вечером уже стали на якорь: плавание ночью среди коралловых рифов полно опасностей.

Яндина в Соломоновом архипелаге выглядит не совсем обычно. Почти всюду кокосовые пальмы, в их тени деревца какао. Кроме нескольких белых семейств здесь живут островитяне, работающие на плантациях. Они рвут, колют и сушат кокосовые орехи, получая за свой труд плату, чем и существуют. Здесь есть аэродром — остался после второй мировой войны, — который принимает даже реактивные лайнеры, и хорошая пристань для больших кораблей. Так что есть все предпосылки для выгодной торговли.

Всюду приход «Тулаги» — великое событие. Офицеров встречают как добрых знакомых, которые после долгого отсутствия возвращаются к белым поселенцам одиноких островов. В Яндине по случаю прибытия нам предложили посмотреть фильм, и Лида после многих дней культурного поста отправилась смотреть английскую картину о «сладкой жизни», а мы с Петей и корабельным инженером, тоже Петром, идем на рыбалку.

Я уверен, что лов здесь отменный, глубокая вода так и кишит рыбой. Но сначала надо попросить у повара-

китайца кусок мяса для наживки. Повар достает из холодильника мясо и отрезает кусок, которым можно было бы накормить семью из десяти человек. Я хотел было сказать, что этого слишком много, но повар настаивает, и я забираю кусок. Инженер Петр ждет меня в лодке вместе с моим сыном Петром. Он мрачно замечает, что этот жадина повар дал мяса с гулькин нос.

Темень. Останавливаемся, и Петя, одетый в спасательный жилет, закидывает удочку — семисантиметровый крючок и силоновую леску толщиной в целый миллиметр. Мы сматываем леску с большой катушки и постепенно отпускаем ее в воду. Пока готовим следующие удочки, Петя говорит:

— Папа, клюет!

Леска натянулась как струна, инженер считает, что надо тащить, хотя на крючке скорее всего ничего не будет. Но не оказалось не только рыбы, но и самого крючка. Я немного ошеломлен: какая же это должна быть рыба, чтобы так, запросто, перекусить миллиметровую леску? Все удочки у нас уже в воде.

— Взяла! — кричит инженер. Он надевает кожаные рукавицы, и начинается борьба. Какая-то рыбина на крючке то сильно тянет, и тогда лодка ходит ходуном, то отдыхает.

— Проклятая акула, — говорит инженер, — вам обоим лучше влезть на крышу кабины. С ней придется повозиться.

Над поверхностью появляется что-то темное, блестящее и очень гибкое, издающее звуки, похожие на негромкое рычание собаки. Инженер манипулирует леской на почтительном расстоянии.

— От этой зверюги можно всего ожидать, она и издавая может укусить. Посмотрите, как хватанула насадку, в ней, наверное, метра полтора.

Наконец инженер решает перерезать леску, и акула уходит в воду с куском лески во рту. Мы продолжаем рыбалку, и я мечтаю только о том, чтобы попалась какая-нибудь небольшая рыбка. Вытягиваем «маленькую», красивую, серебристо-зеленую, сантиметров семьдесят длиной, похожую на тунца. Здесь ее называют «спаниш макрэл» (испанская макрель — скумбрия). На следующий день наш улов приятно разнообразит завтрак, все очень довольны, и наша репутация в глазах пассажиров первого класса несколько укрепляется. А после того как мы отдаем одну из своих кают молодому джентль-

мену с мальчиком, который едет в Австралию лечиться, у нас появляются и знакомые.

Следующая наша стоянка на острове Нью-Джорджия. Теперь мы выходим в море с членами экипажа. Они одалживают нам ласты, маски и трубки, чтобы мы могли плавать под водой среди коралловых рифов. Фотоаппарат для подводной съемки у меня есть. С первых же минут мы очарованы картиной подводного мира. Даже маленький Петя, который едва держится на воде, целый час проплавал вместе с нами, хотя на большую глубину нырять не решался. Собираем морские звезды, наблюдаем за жизнью обитателей коралловых рифов. Тысячи небесно-голубых мелких рыбок стаями кружатся вокруг нас. Краски под водой такие чистые и контуры такие четкие, что мне в голову приходят названия, которые я так не любил зазубривать во время экзаменов по палеонтологии.

Наши друзья из команды выделяют нам также большие сети для ловли рыбы и сетку-мешок с якорем на тонком тресе, чтобы было куда складывать улов. Мы забираемся на коралловый риф. Когда пришла пора возвращаться на корабль, у нас в сетке были такие рыбки, которых раньше мы видели только в самых редких аквариумах или на почтовых марках. Рыбки волшебных расцветок и удивительные по форме отправляются вместе с нами на «Тулаги». Там на нижней палубе уже приготовлены огромные бочки, постоянно пополняемые свежей теплой морской водой, куда мы и выпускаем весь наш улов. Позже узнаем, что рыбки всегда таким способом доставляются в Сидней, где их продают в частные аквариумы, а также в большие аквариумы крупнейших зоологических садов мира. Наверное, те, кто будет любоваться этими рыбами сквозь стекло аквариума, никогда не поверят, что ловят их любители без всякого труда и умения в коралловом раю. Рыбы коралловых рифов — выгодная статья торговли, поэтому так охотно моряки одолжили нам снаряжение для подводного лова.

Дни на «Тулаги» идут по расписанию и, наверное, поэтому пролетают очень быстро. В половине седьмого утра в каюту неслышно входит стюард-китаец и ставит на стол чайник, молоко и две твердые как камень галеты. Чай цветом и вкусом напоминает воду после мытья посуды, мы уже привыкли к такому, когда плыли из Европы в Австралию. Часом позже вновь появляется

китаец и ударами в небольшой ксилофон оповещает, что пора завтракать. Завтрак начинается точно в тот самый момент, когда все пассажиры и офицеры соберутся за столом. Длится он долго, и обычно главная тема беседы за столом — обсуждение меню обеда и ужина.

Однажды зашел разговор о национальной кухне. Мы рассказали о нашей, чешской, и кто-то предложил, чтобы мы, конечно главным образом Лида с помощью повара-китайца, приготовили какое-нибудь наше национальное кушанье.

Мы не подумав согласились, только потом я понял, что приготовить обед на двадцать человек — дело отнюдь не простое. Рассказы о наших блюдах пробудили аппетит у нас самих, нам захотелось приготовить что-нибудь особенно вкусное, тем более что в тропической жаре аппетит — большая редкость. В корабельных холодильниках была только говядина. И вот на столе корабля, плавающего под британским флагом, с австралийскими офицерами, матросами-малайцами и поваром-китайцем, однажды появились такие чешские блюда: говяжий бульон с домашней лапшой, «испанский жаворонок» (говядина, нашпигованная морковью и чесноком) с кнедликами и яблочный рулет. Возможно, вам это не покажется бог весть каким деликатесом, но для нас это был настоящий праздник. Признаюсь, что у меня текли слюнки, когда я наблюдал, как режут лук, шпигуют мясо, вытаскивают нитки из «испанского жаворонка» перед подачей на стол. Если я прямо-таки мечтал о кнедликах, то у маленького Пети о них сохранилось весьма смутное воспоминание. На тарелках наших сотрапезников не осталось ничего. Согласитесь, что, если англичане съели за ужином сорок кнедличков, это что-нибудь да значит. Мне кажется, я бы согласился варить обеды до конца нашего путешествия на корабле.

Еще были стоянки у островов Шуазель и Санта-Исабель, позади осталось одно из самых красивых мест у подножия вулкана Коломбангара... И вдруг у нас резко упало настроение: все закончилось, впереди только плавание в открытом море, Австралия, долгая дорога из Брисбена в Канберру, а потом работа с собранным материалом. Что экспедиция подошла к концу, видно было по нашим вещам: все порвалось, пришло в негодность. Кошельки наши опустели, а в Канберре нас жда-

ли только долги. Напоследок мы еще раз пристали к Яндине, забрали последних пассажиров и среди ночи покинули Соломоновы острова с горьким чувством, что ни здесь, ни на Новой Гвинее мы уже больше никогда не побываем.

14. ЛАВА И ОСТАНКИ ЛЮДЕЙ. ДОБУ

Я хорошо понимал, что в лаборатории у меня не будет ни одной свободной минуты. Меня подгоняло не только любопытство, но и нетерпение моих учителей и коллег, которые занимались теми же проблемами.

Собранные образцы я должен был рассмотреть под микроскопом, раздробить, некоторые превратить в порошкообразное состояние, из иных выделить отдельные включения минералов как самостоятельные объекты изучения. Необходимо было также подготовить образцы к химическому исследованию, провести анализ на содержание не только основных элементов, к которым относятся кремний, алюминий, кальций, магний, железо, калий, натрий, марганец, титан и фосфор, но и некоторых дополнительных элементов, которые присутствуют в образцах в десятых, а то и в тысячных долях процента (рубидий, стронций, барий, торий, уран, хром, медь, ванадий, никель). В этих дополнительных элементах следовало еще установить соотношение некоторых изотопов. Мне предстояло пользоваться самыми разными приборами, такими, как рентгеноспектрометр, самыми разными спектрографами, аналитическими весами, пробирками, колбами, платиновой и тифлоновой химической посудой.

В то время в научной литературе уже начали появляться статьи, в которых высказывалось предположение, что существует зависимость между строением вулканических пород и глубиной очагов землетрясений под этими вулканами. Собранный на Новой Гвинее и на Соломоновых островах материал, над которым я работал в лаборатории, мог это предположение опровергнуть или подтвердить. Один из моих коллег работал над этой же проблемой на островах Фиджи, другой собирался заняться ею на Новых Гебридах.

Мы спешили. Собирались в лаборатории утром, часов около девяти, и работали до вечера, а после ужина

опять приходили в лабораторию. И, как в пору учебы в университете, мы больше всего работали по субботам и воскресеньям.

Не прошло и года после нашего возвращения с Соломоновых островов, а первое исследование уже было напечатано. Оно называлось «Структура островов Меланезии и ее соотношение с расположением вулканических типов». Это исследование подтверждало предположение о взаимной зависимости между глубиной очагов землетрясений и строением вулканических пород. Там, где происходят мелкие землетрясения (глубина очага 60—100 километров), породы бедны калием. Где вулканы расположены над очагом землетрясения, лежащим на большой глубине (свыше 150 километров), содержание калия значительно выше. Позднее мы установили, что такая зависимость распространяется и на другие элементы, такие, как рубидий и барий, уран и торий. Результаты исследований, опубликованные в научном журнале, получили широкий отклик среди геологической общественности. Мой друг Ян Смит, с которым я был на Ламингтоне, решил детально изучить вулканы в северо-восточной части Папуа, в районе островов Нормандби, Гуденаф и Фергессон. Австралийский национальный университет охотно согласился финансировать эти исследования. Мой научный руководитель и друг Алан Уайт и я получили приглашение прочитать по этой проблеме лекции сначала в Западной Австралии, а потом на заседании Австралийско-новозеландского общества прогресса науки. Это заседание должно было состояться в 1970 году в Порт-Морсби. Пришли приглашения прочитать лекции на эту же тему на заседании геохимического общества Японии и цикл лекций в японских университетах. В Западную Австралию мы с Аланом выехали вместе. Поскольку моя работа в Австралии была уже завершена, я принял приглашение поехать в Японию.

Я собирался в дорогу, когда ко мне пришел Ян Смит.

— Послушай, поедем вместе. Мне нужен напарник, а моя жена ехать не может. Разумеется, на Новую Гвинею!

Я с радостью согласился, договорившись о том, что Лида будет участвовать в экспедиции. Удалось добиться и поддержки университета: во время этой новой экспедиции мне будут выплачивать стипендию.

Все идет как по маслу, остается только получить разрешение министерства, ведающего территориями, лежа-

щими за пределами Австралийского континента, которое контролирует Новую Гвинею — Папуа. В министерство мы идем вместе с американским профессором Бернхэмом, тоже геологом. Как это часто бывает, говорим мы не только о геологии, но и о демократии, свободе, дискриминации. Я ему предлагаю пари на пару бутылок пива. В Австралии мы оба иностранцы, и оба хотим поехать на Новую Гвинею. Я утверждаю, что профессор выйдет из министерства с разрешением в руках, что касается меня, то либо я получу отказ, либо меня заставят ждать. Профессор считает, что я не прав и мы оба получим разрешение работать на Новой Гвинее. Меньше чем через полчаса профессор получил зеленую бумагу, позволяющую ему отправиться на этот остров. Мне было предложено ждать. Ждать мне пришлось всего день — этот факт должен быть записан в историю: в прошлый раз я дождался разрешения шесть недель.

Сложности нас подстерегают на каждом шагу. Например, каким образом мы сможем переехать из Новой Гвинеи в Японию? Выбор не так уж велик: один самолет летит через Гонконг, другой через Филиппины. Гонконг сразу отказывает нам в визах, разумеется. Филиппины не отказывают категорически, но с ответом тянут так долго, что мы покидаем Австралию с чистыми паспортами, без всяких виз. Вернуться из Новой Гвинеи в Австралию, а оттуда уже лететь в Японию для нас невозможно: наши финансы такой нагрузки не выдержат. Японцы с визой тоже не спешат и успокаивают, обещая, послать нам телеграмму на Новую Гвинею. Мы надеемся, что за те два месяца, которые мы предполагаем провести в экспедиции, ситуация прояснится. Желание еще раз побывать на Новой Гвинее сильнее всех других доводов, хотя бы и более разумных.

Самым сложным при организации всей экспедиции было найти приличное судно, пригодное для плавания в открытом море, достаточно большое, чтобы на нем уместилась вся наша группа, запас мороженых продуктов и небольшой катерок с мотором для плавания среди коралловых рифов. Плюс ко всем этим требованиям наша посудина должна была быть максимально дешевой. Шхуна «Нэнси Е» отвечала всем нашим желаниям. Мы условились, что она будет ждать нас в Порт-Морсби, куда мы прибудем из Рокгемптона.

В назначенный день шхуны на пристани не оказалось, не было ее нигде и в пределах досягаемости радио-

маяка Порт-Морсби. Зато в этот день нас ждала такая удача, что мы совсем не огорчились по поводу исчезновения «Нэнси Е». Еще в Австралии мы с Яном решили во что бы то ни стало найти в Порт-Морсби Джека Налу, островитянина, который работал с нами два года назад. Он был прекрасным товарищем и незаменимым помощником в джунглях, хорошим переводчиком, знавшим несколько местных языков. В управлении геологической службы слышали о Джеке — он жил километрах в тридцати от Порт-Морсби и последнее время не работал. Наш «лендровер» остановился у дома Налу, и нам не пришлось его долго упрашивать. Через несколько минут Джек собрался и был готов ехать с нами на два месяца. Наш путь лежал на острова Д'Антраксто и Тробриан. Маленький Петя был в восторге, когда увидел, что Джек берет с собой дробовик, а мы с Яном получаем на складе патроны.

День отъезда приближался, а шхуна была еще у берегов Австралии. Ей требовалась неделя, чтобы дойти до Порт-Морсби и отсюда в Эсаала, где была наша первая база.

Мы с Яном планировали облететь на самолете несколько действующих вулканов и вулканических областей в восточной части Новой Гвинеи. Заодно мы хотели сверху осмотреть островки, где будем собирать образцы, и выяснить видимую вулканическую активность. Мы никак не могли решить, что делать со шхуной. Отложить наши полеты до ее прихода или попросить друзей-геологов встретить «Нэнси Е», нагрузить ее всем необходимым и отправить к нам в Эсаала. Мы выбрали второй вариант.

Рано утром мы были на аэродроме, взяв с собой только самое необходимое для работы на островке Добу. На островке мы собирались изучить возможности защиты жителей от вулканической деятельности и провести детальный сбор образцов всех видов горных пород. Багажа немного: кроме мешочка риса, соли, томатного соуса и нескольких банок говяжьих консервов, мы никаких продуктов не взяли, полагая, что будем пополнять и разнообразить наше меню, покупая на месте овощи. Островитяне не слыли дружелюбными, напротив, были враждебно настроены, но мы верили в свои дипломатические способности. Правда, на одного островитянина мы уже заранее имели зуб и не могли ждать от него ничего хорошего. Это был чиновник районного масшта-

ба, который в разговоре по радио категорически отказался помогать нам в воскресенье. Он заявил, что на аэродром не приедет, это почти тридцать километров, а он как государственный служащий имеет право на выходной день.

Едва рассвело, мы взлетели с пустого аэродрома в Порт-Морсби. Джунгли под нами были сумрачны, а впереди баррикадой громоздился четырехтысячметровый кряж Оуэн-Стэнли, который нам предстояло перелететь. Как раз из-за его правого склона выходило солнце. За вершиной был уже тропический день, далеко в тумане можно было видеть море, а на равнине высились три вулкана — Ламингтон, Виктор и Трафальгар. Я возбужденно объяснял Лиде топографию местности. Когда мы подлетали к Ламингтону, у меня мороз пробежал по спине: я вспомнил первую ночь, которую провел здесь с Яном. А впереди величественно возвышался вулкан и мирно курился его кратер.

«Собор» в центральной части вулкана высоко поднялся над границей кратера, на его северных склонах местами появились новые площадки оползней, возник ряд новых fumarol, откуда выбивался пар. С самолета вентиль этого дьявольского котла выглядел гораздо более спокойным. Невозможно поверить, что там внизу невыносимый жар. Щелкаем фотоаппаратом, делаем эскиз местности к нашим аэроснимкам и летим к следующим объектам — Виктор и Трафальгару. И здесь все изменилось за два года: прибавилось оползней на склонах, увеличилась тепловая активность — положение немного тревожное.

Залив Кулингвуд с высоты так же волнует и чарует, как и коралловые рифы — гребешки волн, ростки зелени там, где кораллы выглядывают из воды, разнообразные оттенки голубого и зеленого. Первым на нашем пути к островам Д'Антракasto лежит монументальный Гуденаф. Он вырастает из морской глади на высоту более двух с половиной тысяч метров. Его конус здесь не единственный вулкан, у его подножия расположен ряд других вулканических образований, среди них живописный «вулканический» островок Вагипа, его окаймляет коралловый риф, по всему конусу вулкана и внутри бывшего кратера видны тропинки, протоптанные островитянами к своим крохотным полям, которые многоцветной мозаикой покрывают склоны. Здесь еще хорошо видны лавовые потоки, из них торчат скалы, лавовые глыбы обра-

стают садиками. Летим над островом Фергессон — большие участки с тепловой вулканической деятельностью, крохотные озера вокруг горячих источников. А вот и островок Добу — цель нашего полета. Мы низко кружим в надежде, что кто-нибудь обратит внимание на самолет, приедет наш районный чиновник и мы сможем еще сегодня попасть в Эсаала.

Прощаемся с пилотом и остаемся со скромной кучкой багажа на краю аэродрома. Вокруг никого. Смотрим, из чего бы соорудить себе жилье на одну ночь. Джек замечает на другом конце аэродрома какую-то дряхлую деревянную постройку, крытую сильно проржавевшей гофрированной жестью. Если ее немножко прибрать, получится великолепный ночлег для нас всех.

Маленький Петя не может дожидаться, когда же наконец начнется охота. Ян выдает первые патроны, и Джек с Петей исчезают в джунглях. Ян, Лида и я отдаем предпочтение купанию в море, которое окаймляет аэродром с другой стороны. Джек и Петя возвращаются с первым трофеем: красивой птицей, напоминающей дикого голубя, только немного крупнее. Джек слегка ошпыляет ее, потрошит, потом разводит огонь. Поджариваясь, она издает фантастический аромат, ее кожа сеरेет. Начинает накрапывать дождь, мы забираемся в наш «дом». Когда тучка уходит, мы возвращаемся к костру, но жаркого нет и в помине. Проклинаем погоду и собак, которые воспользовались нашим легкомыслием.

Джек немного нервничает, стесняясь попросить еще патронов. Когда я протягиваю их ему, он приходит в восторг и немедленно зовет Петю. Оба снова скрываются в джунглях. Не проходит и десяти минут, как раздается выстрел, за ним другой. Время идет, но охотники не возвращаются. Они отсутствуют уже довольно долго, наше терпение на исходе, мы начинаем волноваться. Наконец оба появляются, держась за руки, с довольными лицами. У Джека за спиной ружье. А где же добыча? Похоже, ничего не подстрелили. Тогда почему же у обоих так сияют глаза, а губы едва сдерживают улыбку? Оказалось, Джек, опасаясь, что подстреленную птицу опять сожрут собаки, развел на месте огонь, зажарил ее, и они вдвоем ее съели.

Мы засыпаем на голодный желудок, не подозревая даже, что отныне так будет всегда. Ночь беспокойная: с моря дует резкий, влажный, соленый ветер, и в нашем сарайчике без дверей становится сыро и холодно. В се-

редине ночи пошел дождь. Мы меняем места, спасаясь сначала от капель, а потом от потоков воды: ржавая крыша течет как решето. Проклинаем свою лень — ведь можно же было поставить палатку. Скамьи, на которые мы улеглись, ходят ходуном, и Ян несколько раз за ночь с грохотом падает на землю.

Солнечным утром мы скоро забываем ночные неурядицы. Джунгли переливаются тысячами оттенков зелени и создают довольно безвкусный фон для темно-кобальтовых бабочек. Их гигантские рои, кажется, приводят в движение сам воздух. Вокруг нашего «дома» летают десятки красно-сине-зеленых попугаев. Присутствие людей их, по-видимому, совершенно не тревожит. Судя по всему, нашему чиновнику на геологов наплевать, нас это даже забавляет. Мы выработываем план на день: один из нас (разумеется, после утреннего купания) пойдет в Эсаала — добрых тридцать километров — и вечером вернется с машиной. Все остальные наслаждаются бездельем в лагуне кораллового рифа, которая под утренним солнцем переливается синева-сероватыми красками обнажившихся кораллов.

— Ну как, господа, будете купаться или грузить вещи в машину? — Такими словами смуглый тридцатилетний мужчина в шортах и белой рубашке прерывает нашу утреннюю идиллию.

Всем своим видом он показывает, что времени мало; и действительно, через десять минут мы отъезжаем от аэродрома. Езда по разбитой дороге напоминает одну из средневековых пыток. Кроме маленького Пети, который сидит в кабине, в кузове вездехода никому не удастся выбрать место и позу так, чтобы не откусить себе язык. Тряска такая, что наши рюкзаки, подпрыгивая, описывают самые невероятные кривые. Каждый из нас держит в руках какую-нибудь вещь, которую мы не успели запаковать, и, кроме того, ловит и засовывает в рюкзаки вещи, которые поминутно выскакивают оттуда на грязнейший пол вездехода.

Наконец Эсаала. Небольшая, покрытая травой полянка, вокруг нее несколько домиков, построенных из материалов, привезенных из Австралии (дерево и металлические конструкции), но по местному образцу. Дома на сваях, несколько ступенек ведут на верхний этаж. Школа, склад, церковь и домик, в котором сидит наш чиновник. Немного дальше, на краю поляны, у маленькой тесной пристани — электростанция, ее агрегат соз-

дает по всей Эсаала своеобразный звуковой фон. На молу папуаски в сильно поношенных платьях ловят рыбу. В это время их мужья спокойно дремлют в тени деревьев. Наш вездеход направляется прямо к пристани, мы торопливо соскакиваем на землю и начинаем спешно выгружать и складывать вещи. Но у нашего чиновника совсем другой план.

— Сначала зайдем ко мне выпить пива.

Ничего не поделаешь — заходим, а потом опроремтью бежим к катеру, который еще до полудня должен доставить нас на островок Добу, хорошо видный отсюда.

— Тот парень, что торчит перед домом, отвезет вас на Добу, там он устроит вас на юго-западной стороне островка и уедет. Думаю, проблем не будет. А через неделю я приеду за вами и перевезу в следующий пункт, куда захотите, — сказал чиновник.

Он выполнил свой долг по отношению к «государственным служащим, находящимся в командировке», а вообще-то он по воскресеньям не работает. Но, хотя у него и выходной день, его катер должен быть к концу рабочего дня на месте. Этот строгий, неразговорчивый человек прекрасно понимает обстановку и нашу зависимость от него. Таким он нам показался при первой встрече. Во время второй встречи, о которой речь пойдет дальше, нам пришлось изменить свое мнение.

Плавание на маленьком катере с мотором в шестьдесят лошадиных сил не приносит желанного отдыха. Он высоко взлетает на волнах, скрипит и вибрирует — короче, все напоминает недавнюю поездку на вездеходе. Затянутый туманом островок начинает вырастать у нас на глазах и достигает своих истинных размеров, вершина вулкана торчит прямо из моря. На южной стороне, обращенной к Эсаала, есть полянка с кокосовыми пальмами, растущими на уровне морской глади. Под пальмами ряд домиков европейского типа, они принадлежат миссии. Нескольким раз отклоняемся от курса, чтобы обойти коралловые рифы. Их совсем не видно, только серебристые гребешки дробящихся волн показывают опасные места.

Помимо северного, с выходами лавы берега, к которому мы держим путь, все остальное побережье острова — это узкие полоски пляжа. Над ними белеют отражающиеся в спокойной голубой воде скалистые склоны, поросшие кое-где бананами и пальмами. Райский уголок. На северной стороне видны могучие застывшие

потоки лавы, когда-то вытекшей из кратера, расположенного в центре островка. Кратер мы видели вчера с самолета и попытались зарисовать. Эти наброски должны помочь нам сориентироваться, чтобы не блуждать между скалами, ломая голову над серыми аэрофото-снимками.

Проводник останавливает катер у домиков, тесно прижавшихся к берегу. К морю спускается странная конструкция из бревен на сваях, которая заканчивается небольшой площадкой в виде буквы «Т». Складываем в тени высокого мангового дерева свой багаж, а за ним мы обнаруживаем две красивые лодки и ветхий домик из бамбука. Лодки выдолблены из целого ствола, и над тонкими носами, уходящими на полметра вперед от корпуса лодки, вырезаны и раскрашены «щиты». Каждая лодка снабжена балансиром, площадка между балансирами и кормой покрыта циновками, сплетенными из пальмовых листьев. Для украшения и, конечно, для защиты «от злых духов и акул» суда окружены раковинами. Мы совершенно очарованы этой картиной. Лодка, способная вместить десять человек, выдолблена из дерева самым примитивным инструментом. Лодка — этот предмет высокого искусства — здесь находится в ежедневном употреблении.

Мы и не заметили, что наши вещи уже пристроены, а вокруг нас на берегу собрались люди. Они выглядят угрюмыми, недовольными и чем-то встревоженными. Джек, наш помощник из Порт-Морсби, тоже сам не свой. Мы прослеживаем, куда направлены взгляды островитян, и, к нашему величайшему удивлению, обнаруживаем, что это Джек, а не мы вызывает тревогу и недовольство. Они не спускают с него глаз: каждое его движение, каждый поворот головы под контролем. Ян, Лида и я стоим поодаль и молча смотрим на происходящее. Кажется, причина неприязни — зависть, удивление, ненависть или что-то похожее на это. Но по лицам ничего прочесть нельзя. Так вот они какие, эти загадочные люди, о которых мы столько читали, люди, чья мифология полна акул, чудовищ и страшилищ, люди, известные в мире антропологов и этнографов оригинальностью своих обрядов. Их всего около двух тысяч. Они обжили островок размером неполных четыре километра в диаметре, говорят на языке, которого никто на соседних островах не понимает. Уже само имя этих людей, произнесенное на соседнем Фергессоне или Нормандби,

вызывает страх, как перед чем-то сверхъестественным.

Мы начинаем приводить в порядок площадку вокруг дома, где будем жить. Джек предпочитает оставаться внутри, не выпуская из поля зрения островитян. Они все время снуют туда-сюда возле нас, стыд, по-видимому, не позволяет им просто стоять и смотреть. Вокруг ходят тощие псы — о них говорят, что не меньше половины их веса составляют паразиты, — которые сразу заявили о себе как о верных и неотвязных компаньонах. Каждый новый обжитой дом сулит им какую-то поживу.

— Что сегодня будем готовить? — Вопрос Яна очень своевремен. Это действительно проблема, о которой до сих пор мы не отваживались говорить.

— Вряд ли они нам предложат хотя бы банан.

За нашим домом тянутся заросли бананов вперемежку с посадками батата. Мы перебираем в памяти, что мы такое успели наделать за пару часов пребывания на острове, чем обидели жителей, что вызвало такое их раздражение.

Джек, как всегда, достает все необходимое для приготовления еды и разводит огонь, хотя знает: в наших рюкзаках почти ничего нет. Ясно: в этот раз не он пойдет к островитянам просить у них батат, сахарный тростник, бананы, арбузы, рыбу или хотя бы яйца.

Еще во время первого приезда на Новую Гвинею мы обычно ели то, что в данном месте легко достать. Свое меню мы лишь изредка разнообразим консервами. И не потому, что хотим сэкономить их, скорее наоборот. Мы часто были свидетелями того, как консервы и другие подобные достижения цивилизации (например, продукты, упакованные в целлофан) еще больше отдалают нас от коренного населения и служат причиной многих недоразумений. Кроме того, приготовить сложное блюдо — всегда проблема, а сесть вместе с островитянами и черпать ложкой кашу из саговой муки или жевать плохо пропеченный батат — нетрудно, это лучший способ преодолеть барьер между двумя различными цивилизациями.

На Соломоновых островах жители обычно сами приходили и предлагали нам продукты в качестве угощения или для обмена. Если же мы настаивали, чтобы островитянин взял десятицентовик, то вскоре приходили все, кто жил в деревне, и приносили еду. И всегда у нас был запас съестных припасов.

Мы надеялись, что в конце концов на островке Добу

будет то же самое, поэтому мы прилетели туда налегке, а бóльшая часть наших продуктов еще ждала судна в Порт-Морсби. В рюкзаках были лишь пара пакетов серого неочищенного риса, сахар, несколько банок говяжьих консервов, томатный соус и сухари.

Долго мы стояли возле дома, обсуждая, что нам делать с едой. Лида приняла близко к сердцу наше сетование по поводу оставленных припасов и отправилась в деревню. Очень скоро она вернулась с пустыми руками.

— Итак, мальчики, всю неделю вы будете сидеть на диете от ожирения. Надеюсь, вы уже поняли: им самим нечего есть.

Это нам не приходило в голову. Не верилось, что здесь, на острове, не найдется хотя бы немного батата. Дробовик Джека стоял в углу без дела: вокруг ведь только культивированные поля. Джунглей, где можно было бы поохотиться, вообще нет. Заняться рыбной ловлей при наших с Яном рыболовных способностях даже не приходило нам в голову.

Невеселую беседу о еде прервал приход дряхлого старика, который принес пять яиц в облупленной глиняной кружке. Протянул их Лиде и жестом показал: по одному на каждого. Прежде чем Лида успела что-нибудь сказать, старик ушел и унес предложенные ему деньги. Для нас в то время деньги не имели никакой цены: здесь на них ничего нельзя было купить. Мы распределили наши запасы на каждый день недели, и меню все семь дней состояло из риса, сваренного в дождевой воде, консервов и томатного соуса. Разговоры о деликатесах мы договорились отложить до возвращения домой.

В те дни наши интересы были ограничены островком Добу. Все тут казалось странным и необъяснимым. Возможно, на наше восприятие сильно повлияли разные книги о странном характере жителей этого острова, а может быть, за два года экспедиций по Новой Гвинее мы просто отвыкли от дорожных неудобств. Но как бы то ни было, мы совсем растерялись. Где нам набрать питьевой воды? Где можно сорвать пару кокосовых орехов, а где их рвать нельзя? И как быть с личной гигиеной (я не имею в виду умывание)? Все это было совсем не просто.

Приготовив на вечер газовые лампы, мы отправляемся на прогулку далеко за деревню. Вдруг откуда-то вы-

скакивает темная фигурка и бежит по бревну к Т-образной площадке в море — одним секретом для нас на острове Добу меньше.

Очень надеемся на успех нашей здесь работы. Мы специально выбрали Добу как геологически изолированное место, которое можно обследовать и сделать детальные карты. Мы рассчитываем собрать здесь образцы горных пород прежде, чем приступим к изучению других вулканических центров этой области. Таким путем можно проверить диапазон вариаций минералогического и химического строения горных пород в границах одного изолированного вулканического центра, с тем чтобы сравнить их с вариантами в более широкой области.

Для геолога, который провел два года в лаборатории, выход на полевые работы не просто приятная прогулка, это волнующее приключение. Вновь пробуждаются иллюзии и надежды, как у студента-первокурсника, мечтающего сделать великое открытие. Наивное, мальчишеское представление о нашей работе! Я понял это уже на первой полевой практике в окрестностях Праги, где мы на каждом шагу находили следы молотка других геологов. Позже я всюду натыкался на такие следы и чувствовал себя обманутым. Только когда я наконец попал в девственные джунгли, ко мне опять вернулись мальчишеские мечты об открытиях. Но даже и здесь, на Добу, затерянном в далеком Соломоновом море, я не был первым геологом, ступившим на его землю.

Нам не терпелось скорее подняться на вулканы, во-первых, потому, что за два года сидения в лаборатории мы соскучились по такой работе, а во-вторых, нам хотелось проверить предположение, высказанное в опубликованном труде, о связи глубины землетрясения с геологическим строением вулкана. В нем рассматривалась зависимость между химическим строением вулканических пород, глубиной очагов землетрясения и удаленностью вулканов от глубинных морских впадин. В соответствии с этой гипотезой было высказано также предположение о типах горных пород, которые должны быть на Добу и других прилегающих островках. Свою гипотезу мы энергично отстаивали на всех вулканологических конференциях, и сейчас нам предстояло подтвердить ее на примере не одного, а десятка вулканов.

Предчувствие, что мы обязательно найдем ту, «нашу» горную породу, разжигало наше нетерпение. И вот,

едва рассвело, мы покинули спальные мешки, mosquito-сетки. План на весь день был ясен. Пойдем вдоль западного берега острова к северному мысу, к высоким утесам, и, если возможно (а с самолета нам казалось, что это будет воскресной прогулкой), вернемся с восточной стороны. Таким образом, в первый день мы обойдем весь остров и составим представление, с какими типами пород мы встретимся при составлении карт и интерпретации аэрофотосъемки. Поскольку мы с Яном буквально дрожим от нетерпения, на Лиду ложится нелегкая забота — придумать что-нибудь, как обогатить нашу вынужденную диету.

Первые часы похода за образцами оказались неудачными. Беловатые скалы оказались сложенными из сыпучих отложений вулканического пепла, мелких и крупных обломков лавы. Вулканические, когда-то стекловидные бомбы уменьшились и изменились до неузнаваемости. Эта лава не состояла из классических минералов, от которых так весело отскакивает молоток геолога, а представляла собой «противную болотную глину». Найдя мы лаву с распознаваемыми минералами (в лавах обычно встречаются большие вкрапления, например, пироксенов, амфиболов, образующих основную застывшую породу), мы прямо здесь, на месте, определили бы, насколько верны наши предположения.

Если бы я был здесь один, я, конечно, сначала помчался бы на другую сторону острова, к скалам, посмотреть, какие типы горных пород выступают там, а уж потом возился бы здесь в «глине». Но поскольку это все-таки «Янов остров», приходится уважать его планы. Все время после обеда мы ковыряемся в пепле, делаем зарисовки, фотографируем и отбираем образцы, которые меньше выветрились. В слоях пепла находим более темные горизонты, которые могут быть или обгорелой растительностью, или остатками старого почвенного профиля, покрытого более поздними извержениями вулканического пепла. Таких темных горизонтов здесь не менее десятка. По-видимому, они сильно отдалены друг от друга по времени, потому что на слое вулканического пепла успел образоваться слой почвы.

Понемногу «прогрызаемся» к северной стороне острова. Снизу, с моря, деревеньки не видны. Они прилепились высоко в горах. Зато из деревни прекрасно видно все, что делаем мы. Нас все время сопровождают мальчишки, а взрослые, напротив, не проявляют никако-

го интереса. Ребята идут за нами целыми стайками, но в какой-то, только им известный момент покидают нас. Потом «приклеиваются» другие, из следующей деревни, и так от деревни к деревне мы идем под конвоем. На последнем участке, примерно за полкилометра до скального утеса, на пляже, отстала и последняя стайка, а мы начали продираться сквозь густые заросли, которые закрывали вид на утес. Встречались блоки запекшейся лавы, такой мелкозернистой, что невозможно определить отдельные вкрапления, и куски смолисто-черного обсидиана — вулканического стекла. Идти дальше вдоль побережья невозможно: мангровые заросли непроходимы, и нам приходится свернуть на тропинку, бегущую по направлению к склону. Она приводит нас гораздо выше того места, к которому мы хотели подняться. Чтобы отколоть образцы, надо сойти с тропинки и спуститься ближе к подножию. Джек начинает мачете прорубать тропинку в джунглях. Вдруг он резко вскрикивает, машет рукой, и что-то тяжелое шлепается о землю.

— Змея, господа, очень опасная. Со мной все в порядке. Без дальнейших комментариев он продолжает махать мачете. Мы забрались слишком высоко, Джек считает, что ниже мангровы не такие густые.

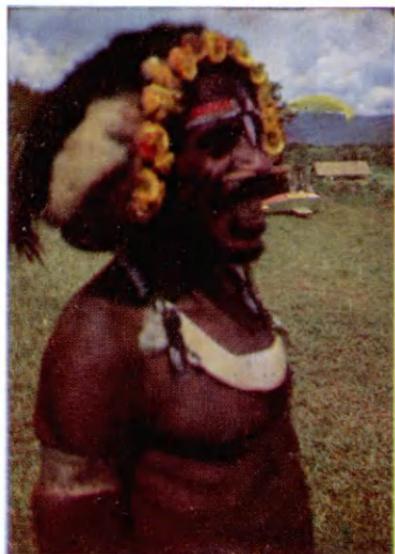
— Надо бы спуститься на тот карниз под нависшей скалой, которую мы видели с самолета,— предлагает он.

Один из образцов надо сделать ориентированным, то есть отметить на нем стороны света, чтобы в лаборатории положить его так же, как он лежал в природе. Это очень важно для палеомагнитных измерений, для определения ориентации магнитного поля во время движения лавового потока. Мы все еще очень высоко. Слышны накатывающиеся мощные волны. Наконец мы находим какую-то расселину, кажется, по ней можно спуститься. Расселина кончается у площадки, расположенной метров на шесть выше того карниза или балкона, куда мы хотим попасть. Он образован из огромных камней и находится достаточно высоко, чтобы нас не заливало водой. Но все равно здесь всюду сыро от брызг разбивающихся о скалы волн. Спуститься на этот карниз не так-то просто.

— Надо попробовать протиснуться сквозь эту щель.

— Я пойду первым.

Кладу на землю рюкзак, фотоаппарат и молоток, втискиваюсь в трещину. Ногами упираюсь в одну стенку, спиной — в другую, руки вверху — и скольжу вниз. Собираю весь мох со скалы, спину приятно обдувает

Папуасы в традиционных праздничных одеждах

Ян Смит на вершине «собора»
вулкана Ламингтон

Один из наших домиков в Там-
буле с постоянными посетите-
лями-островитянами

Вертолет — верный помощник геолога

Местные мальчишки — наши проводники

Ребенок с о-ва Вагипа

Хижина на побережье
Новой Гвинеи

Вид на окруженный сопками Рабаульский залив

На Соломоновых островах

Водопад на о-ве Гуадалканал

морской ветерок. Вопреки нашим ожиданиям спуск идет хорошо. Я уже на твердой земле, и в двух шагах — карниз под скалой.

— Петр, лови, спускаю рюкзак и фотоаппарат. Что с тобой?

Вид нашего балкона приводит меня в шоковое состояние: между гигантскими камнями повсюду разбросаны человеческие кости, одни побелели на солнце, другие поросли зеленоватым мхом от постоянной сырости. Я не слышу ни сердитых восклицаний Яна, ни шума набегающих волн.

— Да что с тобой, наконец? Отвяжи рюкзак, я буду спускать другие вещи.

«Спустись сам и увидишь», — думаю я, но молчу, мне не хочется говорить. Все утро я мечтал, как увижу здесь свежую, невыветренную лаву, а теперь смотрю на горки костей и черепов. Ян не выдерживает моего молчания, спускается и через минуту стоит возле меня. Я вспоминаю островитян: вот почему они следили за каждым нашим шагом. Мог бы возникнуть настоящий конфликт.

— Это кладбище, здесь ничего нельзя трогать.

— Джеку не говори, он бы сюда не полез, если бы ему сказали о костях.

Но Джек уже начинает спускаться, мы спешим к расселине, чтобы помочь ему, а то он обдерет кожу. В джунглях Джек чувствует себя как рыба в воде, а в горах становится неуклюжим.

Вместе с Яном вытягиваем Джека вниз, еще два шага — и он видит кости. В глазах у него застывает ужас, он начинает что-то бормотать.

— Господа, мне нельзя это видеть, — единственное, что могу разобрать.

Он отступает назад и хочет бежать. Но некуда. С одной стороны море, с другой — скала, под скалой, где можно пройти, кости. Он пытается по расселине подняться вверх, но без нашей помощи у него ничего не получается, колени трясутся, он без конца что-то жалобно бормочет.

Все же нам удается протолкнуть Джека вверх по расселине, он хватается мачете и исчезает в джунглях. Теперь мы его увидим только дома.

Нам ничего не остается, как закончить работу самим. Мы обходим стороной кладбище и быстро отбираем несколько ориентированных образцов. На нас наваливается прямо-таки смертельная усталость. Скала и карниз

под ней оказались значительно выше, чем нам представлялось с самолета.

Итак, самое убогое на всем острове место, где ничего нельзя вырастить, островитяне отвели под кладбище. По-видимому, они относят мертвых высоко в гору по той же самой тропинке, по какой поднимались и мы, а потом возвращают тело туда, откуда, по их верованиям, вышли все люди,— в море. Те «несчастные», которых волны не унесли в открытое море на корм акулам, остаются здесь, под навесом.

На обратном пути мы почти не разговариваем. Спешим скорее покинуть эти негостеприимные места, нас преследует страх, что за нами кто-нибудь следил и теперь у нас будут неприятности. Мы бы еще поработали, но мысль о том, что Джек может напугать Лиду, на своем плохом английском рассказав ей о кладбище, гонит нас домой. Уже у первой деревеньки встречаем Джека. Он сидит у дороги, спрятавшись под пальмой, и мог бы просидеть так очень долго, потому что боится один идти по деревне. Он готов был ждать нас хоть до завтрашнего дня. Да и с нами Джеку пришлось собрать все мужество, чтобы пройти мимо островитян.

На террасе нашего бамбукового домика лежат кокосовые орехи и золотые плоды папайи. Лида и Петя, увидев нас, вышли навстречу.

— Ни за что не поверите, что мы сегодня видели,— хвалимся мы.

— Вы тоже не поверите. Мы встретили господина Фортана! Того самого, который работал здесь сорок лет назад. Это он написал книгу «Волшебники с острова Добу», ту, что мы читали, когда собирались сюда.

— Прекрасно, но держу пари, то, что видели мы, не видел даже он. Но подробности узнаешь дома.

Конечно, я не выдержал и все рассказал Лиде раньше, чем мы встретились с господином Фортаном. Его это тоже удивило. Он предполагал, что где-то должно быть кладбище, но где, не знал.

— Если бы мне тогда удалось побывать на кладбище, моя антропологическая карьера закончилась бы еще сорок лет назад. Я люблю островитян, и мне не хотелось бы огорчать их,

Отправляясь к кратеру, мы надеялись, что наконец найдем прекрасные, невыветренные крупнозернистые образцы. Эта наша мечта до сих пор оставалась невыполненной. По совету господина Фортана мы пошли по тропинке, идущей сзади нашего дома. Шли мы быстро, и через два часа тропинка привела нас к границе кратера. По дороге мы всюду встречали островитян. Внутри кратера, заросшего травой и папоротником, мы обнаружили несколько хижин. Мы присели немного отдохнуть, прислушиваясь к мелодичным возгласам женщин, работавших на своих огородиках. Нигде вокруг нет ни одного камня, ни одного хорошего куса лавы. Кроме утеса с нависшей скалой на северном мысе острова (и он, как мы потом выяснили, был покрыт толстым слоем вулканического пепла), лавы тут нигде не было видно. Вулкан извергал, по крайней мере в геологически недавнее время, лишь один пепел. Нашим главным инструментом вместо молотка была полевая лопатка. Оставался только обрывистый восточный берег. Мы знали, что берег за барьером кораллового рифа покрыт густыми мангровыми зарослями, но надеялись, что там будет тропинка, которая по отвесному склону приведет нас к какой-нибудь скале. Спуск к малому кратеру, а потом подъем по восточному склону прошел без всяких осложнений, правда, и увидели мы немного, пробираясь сквозь заросли. Кое-где в самых неожиданных местах нам встречались огороды с помидорами, фасолью, арбузами.

На восточном берегу нас ждет неприятность: не обнаруживаем тропинки, зато наталкиваемся на высокий прилив. Чтобы попасть в намеченное место, надо лезть в воду. Вода по пояс, а кое-где и по грудь. Яну же, который намного ниже нас обоих,— по горло. В переплетениях корней мы видим множество устриц, в другое время мы остановились бы, чтобы полакомиться таким деликатесом, но сейчас нам не до них. Берег темный, а вода возле него странно мутная. Место как будто создано для крокодилов. Нам известно, что в здешних местах охотники и торговцы кожей почти полностью истребили этих чудищ, и если бы мы увидели хоть одного, то лишь по счастливой случайности. И все-таки нас что-

то гнетет, и страх нарастает; на дне моря много горячих источников, в некоторых местах вода кипит. Ступаем осторожно, чтобы не свалиться в какую-нибудь яму с кипятком. Дна не видно. Мы забываем о крокодилах. Руки затекают от усталости: мы держим над головой наши рюкзаки. Уж лучше бы опустить их в воду. Мы прошли в приливе, наверное, с километр, а о составлении геологических карт нечего и думать. Наконец перед нами полоска берега — пляж. С нас капает вода, в ботинках хлюпает. Садимся на песок, но ненадолго: какая-то вредная мошкара роем окружает нас, обсыхает вода, и морская соль нещадно жжет кожу. Вот бы сюда холодный душ!

Северо-восточная сторона острова и после двух достаточно напряженных походов остается для нас тайной. Ясно одно: там мы найдем наши желанные образцы. Добраться до них можно только на лодке. На Добу это не проблема. У нас богатый выбор не только каноэ, но и гребцов, которые охотно предлагают нам помочь обогнуть остров. Но мы отказываемся от помощи: путешествие вокруг острова диаметром четыре километра нам вполне по силам.

После двух часов сидения на веслах мы уже не так уверены в себе и обессиленные отдыхаем на коралловых рифах. Не пройдено еще и половины пути, а уже страшно болят руки и на поясище выскакивают маленькие волдыри от тропического солнца и из-за нашего легкомыслия. Наконец достигаем того места, куда не попали ни в первый, ни во второй день лазания по лавовым потокам. В трехстах метрах от нас площадка-кладбище, перед нами скала с великолепными выходами пород.

— Такого обсидиана я еще не видел, — говорит Ян.

Из прозрачной воды, охраняемая коралловым рифом, выступает смолисто-черная стекловидная скала с серебристо-белыми кривыми, оставленными быстротекущей вязкой лавой. Лишь небольшая часть выходов имеет вкрапления кристаллических пород, то есть лавы, которая не неслась стремительно, а имела время выкристаллизоваться. Мы оба в восторге. Возможно, это и есть место, откуда происходят некоторые обсидиановые орудия, какими прежде пользовались жители восточной части Новой Гвинеи. Мы набираем килограммов десять образцов и обломков, полагая, что среди них могут быть еще неизвестные первобытные орудия.

Наконец мы обошли весь остров, нам понадобилось на это три дня, а мы-то предполагали сделать это в первый же день. Теперь нам известно, что только северный мыс острова образован лавовыми потоками, а вся остальная его часть покрыта пеплом. Эти весьма ценные сведения добыты тремя днями напряженной работы.

Местность, где мы собираем последние образцы, уходит узкой косой к морю. Она покрыта коралловой крошкой. Коса заканчивается островком метров сто в диаметре. На нем тоже живут люди. Увидев, что мы перетаскиваем каноэ через косу, они выбегают из хижин, молча присоединяются к нам, помогают тащить. Они такие же молчаливые, застенчивые и хмурые, как и все жители Добу. Вообще островитяне охотно помогают, нельзя только просить у них продовольствие. Его на Добу мало, островок перенаселен, и каждый новый едок нарушает скромный баланс.

Силовая леска и несколько крючков на дне каноэ привлекают внимание двух островитян. Мы предлагаем их как плату за помощь. Через некоторое время один из них возвращается и приносит гроздь бананов. Мы решаем не брать их, но он настаивает. Голод и аппетитный вид бананов побеждают. Ну, может, хоть ему подвалит рыбацкое счастье.

Чтобы составить детальные карты, нам потребовалось еще три дня. Это немного, мы работаем каждый в одиночку. Спорные места пойдем обследовать вместе в последний день. Уже начинает вырисовываться вполне приличная карта.

В понедельник приехав на катере наш чиновник и отвез нас на соседний остров Фергессон. В деревеньке Нума-Нума нас встретила толпа людей. После того, к чему мы привыкли на Добу, это было приятным сюрпризом. Здесь на отсутствие интереса к нам жаловаться не пришлось. Чиновник поговорил с несколькими мужчинами, и нас тут же отвели к небольшому бамбуковому домику. На центральной площади стоит новая колонка. До сих пор в отдаленных районах Папуа мы не встречали колонок. Возле нее очень оживленно: стоят и переговариваются женщины и девушки, неподалеку мужчины рубят большое дерево.

Пока мы распаковываем наши мешки, натягиваем москитную сетку, появляются первые посетители с да-

рами. Лида в нашей команде выполняет функцию «ответственного за связи с общественностью», она предлагает «дарителям» самим решить, что они хотят: деньги, табак или газеты, которые мы успели купить у нашего чиновника. Выбор в большинстве случаев падает на табак. Лида сама выбирает плоды папайи и маленькие кислые лимоны для салата; папайя тоже мелкая, с неприятным запахом. Ян налаживает газовую лампу, его моментально обступает толпа удивленных зрителей. Керосиновая лампа в этих местах распространена широко, и, хотя нельзя сказать, что она есть в каждой семье, все же островитяне с ней знакомы. Газовая же для них новинка, ее яркий свет вызывает у них бурный восторг.

С большинством жителей деревеньки Нума-Нума мы можем договориться на английском. Каждый спешит похвалиться своим знанием языка. Но главная их гордость — дети. В стороне держится только один человек. На нем тщательно выстиранная белая рубашка и белые штаны. На остальных обычные для островитян пояс, сплетенный из коры деревьев и прикрывающий только самое необходимое, или заношенные штаны, иногда рубашка, но это уже сверхроскошь. Лицо мужчины старательно выбрито (у некоторых меланезийцев борода очень редкая, поэтому они бреются нечасто), руки вымыты, всем своим видом он демонстрирует превосходство над остальными. Он просит у нас сначала лист бумаги и карандаш, явно желая показать, что умеет писать, потом мыло. При этом не упускает случая заметить, что его соседи не любят мыться. Его манера вести себя нам неприятна; прежде чем мы с Яном успеваем перемолвиться на этот счет, один из мужчин, которые крутятся возле газовой лампы, объясняет нам:

— Он не в своем уме, зовут его Петр, он долго ходил в католическую школу, потом был в больнице. Он думает, что он святой и первый папа Новой Гвинеи. Он не работает, иногда ворует, будьте с ним осторожны. И держитесь от него подальше.

Я не люблю наговоры, но в этот раз наши информаторы не наговаривали. Непрошенный гость первым долгом осведомляется, к какой церкви мы принадлежим. Потом показывает письма, которые он сам себе написал. Адрес такой: «Петр I, папа Папуа и Новой Гвинеи, Нума-Нума». Наконец он пригласил нас на мессу, сказав, что сам будет служить. Жаль несчастного парня, но помочь ему ничем не можем. Так что же все-таки цивили-

лизация и миссионеры принесли островам? Этому явно недоброе, а остальным?

Прежде чем стемнело, Джек обнаружил на дереве возле нашего дома летучих мышей и попросил патроны. Жители деревни с восторгом восприняли находку Джека. Когда после выстрела на крышу упала большая темная летучая мышь, их радости не было предела. За несколько минут Джек стал героем деревни. Теперь мы могли с благодарностью отклонить приглашение на ужин, которое получили до охоты,— хозяева не обидятся. Копченую летучую мышь я уже пробовал в деревне у Ламингтона, она напоминает по вкусу кролика. Но теперь, когда я увидел, как их стреляют и готовят, аппетит начисто пропал.

Утром мы просыпаемся, когда солнце уже поднялось над морем, и его лучи, пробираясь между тонкими кокосовыми и арековыми пальмами, светлыми полосками расцветили нашу москитную сетку. Джек разжигает примус и ставит воду для чая. Лежа, мы наблюдаем, как на ступеньках появляется огрубевшая от работы рука и ставит черный умывальник, прикрытый банановыми листьями. Из-под листьев поднимается пар. Немолодая женщина, которая принесла умывальник, уходит, не говоря ни слова и не глядя на домик. Я сообщаю Яну о подарке.

— Это, наверное, батат, у нас его еще со вчерашнего вечера достаточно.

Мы продолжаем нежиться в спальнях мешках и только через полчаса решаемся наконец встать. Об утреннем подарке мы уже забыли.

— Мама, мама, посмотри, какой краб, какие у него огромные клешни!

Маленький Петя приподнял банановые листья и пришел в ужас: два гигантских краба, только что сваренных, карминно-красных, заполняют умывальник. Такого королевского завтрака у нас еще не было. Мне в голову лезет грешная мысль: к этим бы крабам да немного майонеза, булку и стакан белого вина! Но краб с лимоном и холодным бататом, оставшимся от ужина, тоже неплохо. В вымытый умывальник кладем десятицентовую монетку, сахар, табак, рис, но найти владелицу не так-то просто.

Пора работать.

— Джек, не мог бы ты как-нибудь прогнать мальчишек? С такой свитой мы далеко не уйдем.

Легко сказать — разогнать мальчишек, вчера невозможно было отделаться от их отцов, и, не будь летучей мыши на ужин, они бы с радостью и спали в нашем домике. Теперь стайка ребят всех возрастов крутится около наших вещей, каждый хочет что-нибудь нести, на всех, конечно, багажа не хватает. Нам ничего не остается, как вытащить вещи из рюкзаков, например пачку мешочков для образцов, и дать каждому по мешочку — пусть несет. Мы держим путь к кратеру вулкана Нума-Нума, шестьсот метров над уровнем моря, километра три по прямой. Сеет мелкий дождик и смывает пот с наших лиц. Идем быстро. Тропинка, отмеченная на аэрофотоснимках, сильно заболочена. Когда позади остаются последние огороды, у самой границы кратера, мы вязнем в болоте.

Уже по аэрофотоснимкам мы определили, что встретимся здесь с совершенно необычной для вулканов зоны Тихого океана картиной. Кратер Нума-Нума заполнен застывшей лавой, которая не была извергнута и не вытекла за его границы. Структура застывшего лавового поля — бороздки, канавки, овражки, маленькие долины — говорит, что лава в момент выхода на поверхность была очень вязкой. Поверхность образованных ею форм напоминает только что замешанное тесто для клецок.

Мы здесь хотим собрать образцы со всех участков вулкана. Ян спускается в кратер, а я отправляюсь на южный склон, где, согласно аэрофотоснимкам, выступают потоки лавы более ранних извержений.

Небольшая группа мальчишек следует за мной в высокой траве. Шагаем очень быстро. Впереди из-за травы ничего не видно, когда оглядываюсь, вижу только длинные жерди, которые ребята тянут за собой. Каждая жердь заканчивается подобием рогатки, к ней привязаны полоски резины, нарезанной из автомобильных шин; где они достали их, для меня загадка. С этой гигантской рогаткой мальчишки обращаются с завидной виртуозностью. Один конец трехметровой жерди обо что-нибудь обопрет, другой, как ружье, приставит к плечу, натянет резину с каменным снарядом — рогатка готова к выстрелу. Стреляют ребята по всему, что попадет на глаза, и очень точно, а трофей станет украшением обеда или ужина. Таким же путем сбивают и орехи арековой пальмы. Не надо забираться по тонкому стволу, и не бывает несчастных случаев — падений с пальмы.

Свой поход мы заканчиваем возле миссии. Ребята

спешат в деревню: они должны быть дома засветло, родители всюду одинаковы. Мы с Яном мечтаем о кружке холодной воды. Посещение миссии — это и общественная обязанность, и возможность получить весьма полезную информацию у миссионеров. Должен признаться, что больше всего нам нравится заходить в католические миссии. Мы всегда без угрызений совести принимаем приглашение на обед или на ужин, которые часто бывают с вином: ведь католические миссии на этих островах, безусловно, самые богатые. Нас приглашают зайти в дом, угощают пивом (мы с Яном не удерживаемся, чтобы не подмигнуть друг другу), и начинаются уже знакомые расспросы: что мы здесь делаем, кто нам платит, как долго пробудем и что в действительности ищем — золото или медь. И наконец, самый главный вопрос (по крайней мере для нас): не хотим ли мы взять с собой свежее испеченного хлеба? После недельного поста на Добу принимаем это предложение с радостью и ищем в карманах мелочь.

— Заплатите потом, может быть, приедете еще раз, у нас здесь свой причал, так что можете и на катере.

Визит закончен, свежие буханки хлеба одурманивающе пахнут, мы спешим домой. Нам предстоит пройти добрых пятнадцать километров через низкий перевал между вулканами Нума-Нума и Ламонай. Вверху на перевале устраиваем маленький привал.

— Слышите, господа?

— Нет, а что, Джек?

— Барабаны, господа.

Мы напряженно вслушиваемся. Максимально сосредоточившись, можно услышать слабенькие ритмичные звуки. У Джека слух и зрение во много раз лучше наших.

— Где это, Джек?

— В нашей стороне, господа.

— Думаешь, в нашей деревне?

— Не знаю, мне кажется, там.

— А не можешь понять, что они означают?

— Нет, господин.

Привал окончен, мы почти бежим к дому. В деревню мы придем затемно. По дороге нам не встретилось ни одной живой души.

Дома все в порядке. У Лиды для нас приготовлена свежая жареная рыба. Почему островитяне били в там-тамы, Лида не знает, она ни у кого не спрашивала, но

все в деревне ведут себя как обычно. Мы залезаем в спальные мешки, но все же тревога не оставляет нас: что-то деревенька подозрительно быстро затихла. Между деревьями и на террасе нашего домика летают огромные летучие мыши. Тамтамы не умолкают. Джека это тоже тревожит. Ни по площади, ни мимо нашего дома никто не проходил, поэтому спросить, что происходит, не у кого. Хоть бы хлынул ливень и заглушил тамтамы. Маленький Петя проснулся среди ночи.

— Что это, папа?

— Это тамтамы, ты их уже слышал вечером. Они сообщают новости в соседнюю деревню. Вместо телефона.

Через минуту Петя спокойно засыпает, а мы ворочаемся на бамбуковых лавках. Сегодня они кажутся нам особенно жесткими, и рюкзак под головой — вовсе не такая уж удобная подушка. Мне то жарко, и я вылезаю из мешка, то холодно, и я лезу обратно.

— Петр, спишь?

Оказывается, Ян тоже не спит.

— Эти проклятые тамтамы. Не могу уснуть, они меня раздражают. Хоть бы знать, что это значит...

На душе беспокойно, но я, если бы и знал, что все это значит, и тогда не уснул бы. Ночь тихая, безветренная, ни один лист не шелохнется, только шум разбивающихся о берег волн немного заглушает звук тамтамов. Перед рассветом засыпаем, а тамтамы продолжают свой разговор.

Утром мальчишки не могут дожидаться, когда же наконец выйдет Петя, они бегают вокруг домика, лезут в окна, кричат. Нам ничего не остается, как встать. Деревенька живет обычной жизнью. Женщины у колонки за стиркой, завидя нас, улыбаются. На ступеньках находим очередные дары, на этот раз вареную рыбу. Тамтамы еще не умолкают, но теперь их бой нам не кажется ни грустным, ни устрашающим. Наконец мы узнаем, в чем дело: кто-то умер, и в тамтамы будут бить целый день.

16. МАМА, ПОСМОТРИ, КРОКОДИЛ! АМФЛЕТ

Гудок корабля в отдаленной части острова кажется странным и чужеродным звуком и так же удивляет, как

песня жаворонка в центре большого города. Вспоминаются все неприятные стороны цивилизации, спокойное сидение у небольшого костра сменяется подсознательной спешкой, свойственной нашему времени. И вот мы, рабы двадцатого столетия, заслышав зов корабля, вскакиваем, как солдаты по тревоге, и бежим к пляжу. В бухту, где мы привыкли видеть только каноэ островитян, пришла бело-голубая, надраенная шхуна, на ее высоком капитанском мостике торчит радиоантенна. Шхуна покружилась в бухте, наконец остановилась и стала на якорь. Три матроса спустили алюминиевую шлюпку. Теперь мы будем жить на этой шхуне, сможем приставать к берегу там, где захотим, и собирать образцы. «Никакой спешки, никто нас не подгоняет», — говорим мы себе мысленно. Но нас так и подмывает быстрее бежать в свой домик, упаковать вещи, а потом вместе со всеми ждать на пляже, когда подойдет лодка.

— Надо помочь скорее вытащить лодку из воды, а то как бы большая волна не потопила ее, — говорит Ян.

Мы лезем в воду и вытаскиваем лодку на песчаный берег.

— Здравствуйте. Грэг.

Мы тоже называем себя. Грэгу около тридцати, высокий, загорелый, обветренный. На нем типичная австралийская широкополая шляпа. На первый взгляд это немногословный трудыга.

— Капитан хочет еще сегодня вернуться в Эсаала. С нами чиновник оттуда и его жена. Так что вам лучше поспешить.

— Да-да, уже готовы.

Мы прощаемся, оставляем все продукты, на скорую руку прибираем домик и через двадцать минут уже пристаем к левой стороне бело-голубой шхуны, на которой написано: «Нэнси Е».

Первая встреча с капитаном, худым, равнодушным пятидесятилетним человеком, происходит за чашкой чаю. Он держит чашку в руке и с улыбкой наблюдает за нашими акробатическими упражнениями при переправе из шлюпки на шхуну в неспокойном море. Его первой фразой, а ее он употреблял чаще всего, было:

— Не хотите ли чашку чаю?

Потом мы его так и называли: «Кап оф ти» («чашка чаю»). Разговор, который затем последовал, обеспокоил нас. Нам так и не удалось выяснить, почему шхуна пришла на десять дней позже установленной в контракте

даты. Состояние судна стало причиной разногласий между нами и капитаном. Согласно контракту, который Австралийская геологическая служба заключила с владельцем шхуны, мы должны отвечать за все ее оборудование, а что входит в компетенцию капитана, мы не знали и об этом говорить с ним не решались. Радио для связи и холодильником пользоваться было нельзя: радио молчало, холодильник не работал. Часть продуктов за несколько дней пути из Порт-Морсби испортилась, оставшиеся скоро тоже можно будет выбросить. Не разрешен был также вопрос, кто будет платить лоцману, который поведет наш корабль через коралловые рифы, окружающие все здешние острова. К тому же корабельные карты Тробриана и Д'Антркасто были неполными. Чиновник, присутствовавший при нашем разговоре; чтобы как-то приглушить нараставшее раздражение, предложил свою помощь.

— Вы можете оставить продукты в холодильнике в Эсаала, место там найдется. С картами тоже что-нибудь придумаем.

Мы не могли понять, как корабль, идущий в места, где столько коралловых рифов и мелких островков (самые опасные зоны для мореплавателей), мог выйти в путь без корабельных карт? Если бы мы предвидели такое, то сами запаслись бы картами. Теперь же в нашем распоряжении были только аэрофотоснимки и топографические карты, на которых коралловые рифы отмечены не были. Найти лоцмана оказалось делом непростым — пришлось обратиться за помощью к нашему чиновнику:

— Не знаете ли вы кого-нибудь, кто мог бы провести нас вокруг островов Фергессон и Гуденаф?

— Знаю одного парня, но он мне самому нужен. Его бы я отдал вам только в самом крайнем случае. Есть здесь еще один человек. Он с Добу. Зовут его Инос. Прекрасно знает море, возможно, он поможет вам и в районе островов Амфлет, там трудно найти кого-нибудь другого.

Вечером бросаем якорь в Эсаала. Спим на палубе: в каюте невыносимо жарко. Вентиляторы, которые призваны облегчить пребывание в душной и влажной атмосфере, не работают, как и все остальное на этой шхуне. Мы немного успокаиваемся, когда капитан приплыл из австралийского порта Кэрнс в Порт-Морсби, а оттуда через восточную оконечность Новой Гвинеи в

Эсаала без всяких происшествий, а такое плавание весьма опасно.

«Нэнси Е», наверное, одно из самых маленьких судов, предназначенных для путешествия в открытом море. Ее длина — восемь метров. Одна каюта на четыре койки в носовой части. Мы в ней почти не жили, она служила складом для багажа. Жарко, влажно, темно. Веревки, газовые лампы, запасные части, якоря и прибывающие мешки с образцами заполнили все пространство в каюте. На палубе в центральной части судна есть еще одна каюта, в ней стол и четыре скамейки, которые можно превратить в постели. Чуть дальше — маленький кухонный стол. Капитанский мостик на крыше каюты, там штурвал и удобное кресло. На палубе стоят какие-то приборы, на которые мы не отваживаемся смотреть, потому что не хотим знать, что еще на шхуне не работает. Кормовая часть палубы открыта, и там под лавками лежат рыболовные снасти: раньше шхуна служила для морских прогулок и пикников.

Недоверие к кораблю и его капитану на протяжении нескольких часов совместного плавания не уменьшилось, скорее напротив. Наняв лоцмана, мы немного успокоились. Худой и довольно высокий лоцман был немногословным, но дело свое знал хорошо. За все время, что мы провели вместе на корабле, я редко его видел где-нибудь, кроме капитанского мостика. Он не отходил от штурвала. Едва ступив на шхуну, он сразу взял управление в свои руки, и мы были ему за это благодарны. Его знание топографии коралловых рифов в этих местах поражало. Мне часто казалось, что Инос держит в голове одновременно и все корабельные карты, и снимки местности куда лучше тех, которыми пользовались мы.

Мы договорились, что несколько дней не будем приставать к берегу на ночлег и возвращаться в Эсаала, чтобы рано утром сразу приступить к оставленной вечером работе. Бросая якорь в закрытых бухтах, мы тем самым сэкономили бы время на длинных, ненужных переходах. Шхуна нам служила базой, с которой мы совершали выходы за образцами. Собирали мы их главным образом у прибрежных скал. Небольшой катер с сильным мотором, который был прислан вместе со шхуной, легко обходил коралловые рифы и мелководье у берегов. Нередко нам приходилось выключать мотор, чтобы уменьшить осадку катера и не повредить днище, часть

пути мы проходили на веслах, а иногда переносили его через коралловые рифы на руках.

Мы обошли часть острова Фергессон и договорились, что переночуем на его северной стороне. Инос на вопрос, знает ли он место, где можно стать на якорь, ткнул пальцем в карту. Через час мы уже были в середине прекрасно расположенной бухты, надежно защищенные от волн. Прозрачно-чистая вода вокруг вилкообразного кораллового рифа была для нас наградой за день напряженного труда.

Шхуна остановилась в каких-нибудь ста метрах от берега, казавшегося совершенно неприступным. Скалы спускались к самому морю. Местность выглядела необитаемой.

Капитан привязал к канату якорь и бросил его в море. Дно каменистое, хорошо видны коричневатые пористые кораллы. Капитан проверил, держит ли якорь. Не держит. Вытащил канат без якоря. Наверное, он его плохо привязал. Грэг, помощник капитана, без слов принес запасной якорь, и попытка была повторена. На этот раз якорь закрепился на дне. Наше суденышко довольно далеко от берега, и на палубе нет комаров. Пробуем ловить рыбу — безуспешно. Вечером выпиваем все пиво, чтобы не прокисло: холодильник не работает. Спокойно засыпаем.

Утром, едва открыв глаза, чувствую, что-то случилось. Посмотрев на берег и на воду, прихожу в ужас: шхуна отошла метров на триста от того места, где был брошен якорь, и ее несет прямо на коралловый риф, который торчит над водой. В нескольких метрах от борта в воде виден еще один риф. Жду, когда заскрежешет дно об этот риф, и уже представляю, как вода заливает палубу. Моментально бужу всех, а сам стараюсь повернуть шхуну хоть на пару метров в сторону от коралловых рифов. Все кончается хорошо, стараниями капитана мы минуем опасное место, за шхуной волочится канат без якоря, который, по-видимому, оторвался.

Много времени спустя, уже дома, мы получили письмо с острова Тробириан от Яна Смита. «Дорогие Лида и Петр,— писал он,— вряд ли вы удивитесь, когда узнаете, что нам все-таки удалось устроить кораблекрушение. „Нэнси Е“ на полном ходу налетела на песчаную отмель возле острова Лазанс. На наше счастье, был отлив и небольшие волны, поэтому судно не перевернуло. Мы подождали несколько часов, пока начался прилив, кото-

рый и снес нас с мели. „Кап оф ти“ немножко нервничал, а я жалел, что вас нет с нами. Джек был в панике. А Инос (которого капитан до сих пор не простил и который здесь впервые, а потому нам совершенно бесполезен), как всегда, молчал. Уже давно было нужно нанять другого лоцмана, но капитан стоит на своем: „Я готов ко всем неожиданностям, у меня есть хороший спасательный жилет“».

После того как нас сорвало с якоря, меняем план. Придется каждый вечер возвращаться на ночлег, но мы надеемся, что это не помешает справиться с нашей задачей: изучить острова Фергессон и Гуденаф. К островам Амфлет вернемся через несколько дней, чтобы изучить здесь типы горных пород. Первым местом для стоянки мы выбираем Мад-Бэй на восточной оконечности острова Гуденаф. Оттуда недалеко до небольшого, еще недавно действующего вулкана Вагипу, окруженного коралловыми рифами, и до острова Томагабун, где мы хотим собрать образцы эклогита²⁶ и где есть пристань, школа, питьевая вода (значит, мы там сможем принять настоящий, не соленый душ).

Мы пристали к Мад-Бэй — имя свое (Грязная) она вовсе не заслуживает, потому что вода в ней прозрачная. Весь причал был заполнен детьми. Нас пришла приветствовать школа. Многие на маленьком молу не поместились и прыгали на пристани, шаткой бревенчатой конструкции. Школу содержит протестантская миссия, есть здесь и интернат — крыша и несколько циновок на полу, служащих постелями.

Дети самого разного возраста. Старших интересует шхуна, и они прямо с мола прыгают на палубу и заглядывают в каюту. Младших интересует Петя. Самый младший среди ребят, примерно того же возраста, что и Петя, хорошо говорит по-английски. А Петя, видя, что он в центре внимания, притворяется, будто ничего не замечает.

— Эй, парень, как тебя зовут?

— Петя.

— А сколько тебе лет?

— Семь.

²⁶ Эклогит — массивная, реже сланцеватая метаморфическая горная порода.

— Ты умеешь считать?

— Разве не понятно, что умею?

— А в школу ходишь?

— Должен.

— А почему ты не в школе?

— У меня каникулы, я с папой и с мамой плаваю на шхуне.

— А читать умеешь?

— Немножко.

Скоро мы перестали слушать вопросы, которые сыпались на Петину голову. Вся группа сидит на молу, посередине Петя, рядом с ним его верный телохранитель Джек.

— А ты моешься? Сколько раз в день?

— А ты чистишь зубы?

Поскольку Петя считает это само собой разумеющимся, в его ответах начинает звучать раздражение.

— А в церковь ходишь?

Тут приходит время вмешаться нам. Дети учатся в протестантской школе, и через полчаса миссионеры узнают от детей обо всем, что мы тут сказали. Было бы неразумно, если бы с первых же шагов между нами и представителями миссии возникло недоразумение. Но, к счастью, ребята, не дождавшись ответа, уже кричат, чтобы Петя спел. Сначала он стесняется, а потом поет с таким воодушевлением и так громко, что приходится сделать ему замечание.

Дни в Мад-Бэй и в ближайшей деревеньке Болу-Болу бегут быстро. Сбор образцов сопровождается многими неожиданностями. Мы находим несколько лавовых потоков в таких местах, где меньше всего ожидали их встретить. А к югу от Болу-Болу обнаруживаем небольшой вулканический центр — бывший вулкан.

Здесь благодаря Грэгу, который научил нас разным рыбацким трюкам, мы удачно половили рыбу. Кроме такой мелочи, как тунцы и макрель, мы поймали и коралловую форель, самый высший деликатес. Именно это побудило Грэга и капитана взяться за ремонт холодильника. Если бы им удалось привезти коралловую форель в Австралию, они могли бы заработать не меньше тысячи долларов.

Коралловая форель ловится на блесну. Ее редко встретишь в открытом море, как, например, тунца, макрель или баракуду, она держится возле коралловых рифов, выполняя там роль санитаря.

Ловля этой форели — дело опасное. Приходится все время держаться возле рифов, а глубина там местами меньше метра. Чуть резче повернул или остановил лодку, и блесна безвозвратно потеряна, а из дна хлещет вода.

Успешная рыбалка заметно сказалась на нашем меню: с утра до вечера мы ели рыбу — то жареную, то вареную, то в сухарях. Я предложил новый способ ее приготовления.

Когда-то давно я читал, как готовят свежую рыбу на Гавайях. Нарезанную на куски коралловую форель нужно положить в маринад: лимонный сок, мелко нарезанный лук и черный перец горошком. Через несколько дней рыбу можно есть, по вкусу она напоминает нежнейшую сельдь. Но я забыл, что мы всего в пяти градусах от экватора и что здесь страшная жара. Форель скоро стала издавать весьма неприятный запах. В определенный рецепт день я открыл крышку и с победным видом предложил отведать лакомство, но все дружно отказались. Я мужественно все съел сам, хотя моя форель под маринадом застревала в горле.

Прекрасное тропическое утро как будто самой природой создано для плавания. Ближайший островок — Томагабун. Первоначально он не входил в наш план исследований, но сообщение о том, что там есть значительные выходы эклогита, меня очень заинтересовало. Эклогит возникает в результате изменения базальта под большим давлением, а иногда и при высоких температурах; согласно некоторым теориям, эта горная порода служит частью нижнего слоя земной коры. Предполагаемые образцы представляют большую ценность еще и потому, что это чуть ли не самые молодые эклогиты на земле.

Сегодня суббота, наш план сбора образцов выполняется успешно. Мы можем и порыбачить в открытом море. Джек отправляется нарезать банановых веток: нам понадобятся новые блесны. Наша блесна делается так: к двадцатисантиметровому деревянному чурбачку с одного конца привязывается силоновая леска, с другого конца делается несколько продольных зарубок, все это украшается бахромой из серебряной фольги; закрепить крючок — и можно приступать к рыбалке.

Щуна отходит от Мад-Бэй. Прикрепляю блесну к

силоновой леске толщиной два с половиной миллиметра, намотанной на огромную катушку. Натягиваю кожаные перчатки и забрасываю леску в море. Судно идет довольно быстро. Леска скользит по перчатке, и катушка на корме начинает подпрыгивать. Двумя руками удерживаю убегающую леску, две трети ее уже смоталось с катушки — это примерно триста метров, тянет так сильно, что с трудом удерживаю леску между пальцев. Но рыба на нашу приманку не обращает внимания. Забираю на крышу каюты и спокойно смотрю на воду, настроение превосходное, я предаюсь мечтам об улове. Лида, Петя и Джек стоят на носу, наблюдая за дельфинами, которые выпрыгивают из воды так близко от борта, что становится страшно, как бы шхуна не ударила этих резвящихся гигантов.

Рывок лески выводит меня из блаженного состояния. Леска опять режет перчатки, а катушка словно бешеная прыгает и кружится по палубе.

— Стоп! Стоп! — кричу я Иносу.

Мотор останавливается, и шхуна постепенно сбавляет скорость. Леска сбегает с катушки чуть медленнее, но ее осталось совсем мало, еще немного, и катушка полетит в море.

— Не может быть, чтобы это была рыба, — говорю я. — Наверное, блесна зацепилась за риф.

Мы как раз плывем в нескольких метрах от больших рифов. Леска натянута как струна, шхуна наконец остановилась. Начинаем все вместе подтягивать леску. Грэг командует. Не пойму, кто кого тянет — мы добычу или добыча нас.

— Видели? Вон она!

— Папа, акула!

Слезаю с крыши каюты, где теперь оставаться весьма опасно. Говорю Пете и Лиде, чтобы шли в каюту. Это действительно рыба. Грэг предупреждает, чтобы мы следили за леской. Если она зацепится за что-нибудь на корме, когда рыба начнет резко тянуть, леска порвется или кто-то из нас вылетит за борт. На темно-зеленом фоне острова из прозрачно-голубой воды на долю секунды выпрыгивает огромное серебристое тело.

— Это марлин²⁷! — кричит Грэг, совсем забыв, что

²⁷ Марлин достигает 5 м и весит до 700 кг, водится во всех тропических водах.

до сих пор к нашим рыболовным потугам относился со снисходительным презрением.

Просто не верится! Неужели на конце полукилометровой лески мы держим рыбу, которую все рыбаки мира считают самым ценным уловом? На палубу ложатся все новые петли лески, по нашим лицам катится пот. Вдруг добыча резко дергает и тянет, петли на палубе начинают убывать. Перчатки обжигают руки, каждый десяток метров отвоеванной лески дается тяжким трудом. Благодаря командам Грэга пока все идет хорошо, на палубу ложатся новые петли. Натяжение лески немного уменьшается, и мы снова тянем и тянем силовую нитку, пропуская ее между пальцев.

Леска опять кольцами укладывается на палубе. Теперь, если рыба дернет, мы не позволим ей уйти далеко. Она-таки дергает, тянет, и мы не можем удержать ее.

Мы теряем счет времени. Рыбина, видимо, устала, уже не рвется из стороны в сторону, битву она, кажется, проиграла. Длинное серебристое тело с узкой головой плывет справа от шхуны. Рыба ведет себя спокойно. Мы не можем поверить в свою победу и чувствуем себя растерянными — что дальше?

— Ну, ребята, вы провозились почти час, но она стоит того. Килограммов сто, не меньше. Хороша, ничего не скажешь.

Грэг подает мне большой стальной крюк на коротком крепком шесте.

— На, тащи. Это твоя добыча.

Вытащить в данном случае означает ударить, убить рыбину, об этом я не подумал. Передаю крюк Яну. Он засовывает его под скамейку, туда, где лежит всякий хлам. Грэг безучастно наблюдает за нами, но, по-видимому, считает нас дураками. Конечно, он уже привык к туристам, которые выходят в море затем только, чтобы сфотографировать какую-нибудь пойманную ими рыбину. Ловит ее обычно вся команда, а фотограф потом выпускает страдальцу в море на корм акулам.

— Господа, вот ружье, застрелите ее, — раздраженно кричит он нам.

Я не считаю это лучшим выходом из положения. Ян берет ружье и стоит, опершись на него. Время уходит, мы молчим, не зная, что делать. Марлин не шевелится. Я тоже не могу придумать, как нам от него избавиться. Внезапно рыба резко дергается и вот уже кусок лески болтается у трапа, а капли воды оседают на палубе.

Марлин вырвался на свободу и, устроив шумный водоворот, исчез в море.

Мы еще долго сидим, глядя в море. Шхуна постепенно набирает скорость, и скоро впереди нас вновь появляются дельфины. Находим в каюте йод, смазываем царапины, постепенно возвращаемся к действительности и, конечно, к геологии, о которой мы совсем забыли.

Хорошая стоянка в Мад-Бэй, приветливая деревушка Болу-Болу, прекрасная погода наполняют нас отвагой и уверенностью. Мы решаемся отправиться на острова Амфлет. Они разбросаны в море между архипелагами Д'Антркасто и Тробриан. Эти островки малообитаемы. Наш чиновник из Эсаала считает, что там живет не более пятисот человек. Берега скалисты, пристать нельзя. Есть, правда, одна бухточка, где можно бросить якорь. Нам хватило бы четырех-пяти дней, чтобы обследовать каждый островок.

Из Болу-Болу мы вышли еще до рассвета. Если стоянка для шхуны окажется непригодной, вернемся к вечеру этого же дня. Через несколько часов мы подошли к безымянному островку, самому южному во всей группе. Море было беспокойно, похоже, собирался дождь. Островок выглядел таинственным, нигде никаких признаков жизни; если бы он не лежал у нас на пути, наверное, лучше было бы сразу поспешить в бухточку, чтобы точно знать, сможем ли мы там стать на якорь или придется возвращаться в Болу-Болу.

На этот раз на берег сходят Грэг, Ян и Джек. Остальные, в том числе и я, остаются на шхуне, мы будем следить за лодкой. Лодка отходит, и, когда у берега выключают мотор, оттуда доносятся странные звуки, что-то вроде писка. Лодка спокойно пристает к неширокому пляжу, а писк усиливается, сейчас это уже истошный визг. Оказывается, что весь остров, диаметром не больше трехсот метров, населен какими-то визгливыми тварями. Летучие мыши. Их здесь столько, что в первую минуту я не могу понять, как они поместились на таком крохотном островке. Взлетают все новые и новые стаи. Звук выстрела дробовика тонет в шорохе крыльев и пiske. Летучие мыши кружат тучами, насколько хватает глаз, и издают свои необычные звуки, они долетают и до шхуны. Ян и Джек бегом устремляются к лодке. Потом они признались, что стая странных существ под темным грозовым небом — зрелище не из приятных.

Вечером бросаем якорь в закрытой с трех сторон

бухте. Сильный ветер и дождь. «Нэнси Е» покачивается на якоре. Спим спокойно. Окрестности бухты довольно скучные: густые мангровые заросли спускаются к самой воде, кое-где сквозь них проглядывают скалы и узенькая полоска пляжа.

Утро прекрасное, пляж метрах в ста от нас соблазняет позагорать, но мы твердо решили, что будем работать. До обеда — северная сторона, после обеда — южная. Ян, Грэг, Джек и я пообедем остров. Капитан и лоцман Инос останутся на шхуне, а Лида с Петей будут загорать на пляже рядом со шхуной. Пляж с двух сторон огорожен густыми зарослями, а со стороны острова — высокой скалой. Лида мечтает о твердой земле, она устала от постоянной качки.

Мы все садимся в лодку, у берега разгоняем большие стаи рыб, они выплыли на мелководье покормиться, а наше вторжение загоняет их опять в глубину. Лида с Петей выходят, мы с завистью смотрим на них: они будут отдыхать и купаться до обеда.

Сразу приступить к работе, как мы надеялись, не удается. Долго ищем место, куда можно высадиться и где оставить лодку. Там, где место удобное, нет скал, а где есть скалы — не высадишься: очень бурное море. Возвращаемся гораздо позже, чем рассчитывали, устали ужасно: не только от работы, но и от плавания в прыгающей по волнам лодке. Шхуна спокойно качается в заливе, а на пляже никого нет. Лида с Петей, наверное, сами добрались до шхуны вплавь. Я готовлюсь прочесть Лиде нотацию: Петя не умеет как следует плавать... но, увидев ее расстроенное лицо, решаю пока помолчать.

— Садитесь, ребята, начинайте есть, а я вам что-то расскажу, — такими словами приветствует нас Лида. — Когда вы отплыли, мы искупались. Вода была очень теплой. Мелко, никаких кораллов. Потом мы вылезли на берег и, думаю, минутку вздремнули. Разбудили нас рыбы, которые начали плескаться у берега. Их суета выглядела странно, и я послала Петю посмотреть, что там происходит. Петя залез на камень и спокойно сообщил: «Мама, это не рыбы, это крокодилы». Сначала я подумала, что он шутит. Он же все время слышит, как вы говорите об акулах и крокодилах. Но Петя настаивал, чтобы я тоже посмотрела, что это и вправду крокодилы. Я встала и пошла поглядеть. И действительно, в двух шагах от нас увидела спину крокодила и его

морду. Громадина невообразимая. Что делать? Бежать некуда: пять шагов вправо — мангровые заросли, влево — тоже, сзади — скала. Мы влезли на скалу, выше чем на метр подняться не смогли и стали ждать. Ждали мы, по-моему, целую вечность. Капитану, чтобы он прогнал эту зверюгу, я кричать не хотела, сами вернуться на корабль мы не могли. И вдруг пришло спасение. В бухточке появились островитяне, за тем мысом у них деревня, — и прямо к нам. Я им показала на крокодила, они подплыли к берегу, а он ушел в глубину. И эти люди нас доставили на корабль. А вот что я купила, отпразднуем наше спасение. — И она показала на гору бананов, папайи и овощей.

У расшатанного мола Эйоме, восточной оконечности Папуа, мы прощаемся с «Нэнси Е». Это местечко среди косовых пальм нам показалось непривлекательным. По пыльной дороге снуют автомобили, из расположенного недалеко магазина доносится музыка, громкоговоритель немилосердно хрипит. Возле магазина группами стоят островитяне в потрепанной одежде. Мы покупаем здесь мясо, хлеб, бутылку вина и сталкиваемся с первыми неприятными признаками цивилизации: нас обсчитали на несколько долларов.

Ян предлагает пойти поискать кинотеатр. Хорошая мысль: уже второй день у всех нас скверное настроение. Для Яна не было писем, и он все время в тревоге о семье. Отсюда с Джеком они отплывут на корабле без нас, у Яна не будет никакой связи с внешним миром, и следующая почта — только через четырнадцать дней на островах Тробриан. У нас тоже есть причина для плохого настроения: мы уезжаем. Я предлагаю Джеку пойти половить рыбу.

— Йез, сэр мастэр.

В который раз, теперь уже в последний, я объясняю Джеку, что не надо мне говорить «сэр мастэр», что мне это неприятно. Но Джек продолжает так говорить. Сколько раз мы объясняли Джеку, что нам не надо говорить «мастэр» или «леди», — все напрасно. К нашим именам он привыкнуть не может. Только маленького Петю он иногда называет по имени, но и то чаще «фрэнд» — «друг». Это слово прекрасно характеризует отношения между Петей и Джеком. Петя Джеку был ближе и понятней, чем мы. Хотя Джек несколько лет

ходил в школу, о внешнем мире — политике, экономике, географии — он имеет такое же смутное представление, как и семилетний Петя. А Петя откровенно преклоняется перед Джеком: Джек умеет делать все, многое из того, что его папа делать не умеет, а в этих условиях умение Джека — самое главное. Залезть на верхушку кокосовой пальмы и сбить орехи, чтобы утолить жажду, тремя-четырьмя ударами снять кожуру с кокосового ореха, сделать качели из лиан, ложку, лук, стрелу из того материала, который есть в джунглях, развести огонь из мокрых прутьев — все это умеет Джек. Да к тому же он слушал Петины рассказы, как тот ходил в школу, какая это скука. Джек так и не признался Пете, что тоже ходил в школу. Петя рассказывал Джеку о футболе, о своих друзьях и об их игрушках, о подарках, какие он когда-то получал, о телевизионных передачах, которые видел, и, конечно, он подробно описывал папину лабораторию, где сотни кнопок и цифр, выскакивающих на экране.

Долгие беседы между «этими двумя», как мы их называли, и в самом деле сделали их неразлучными друзьями, такими, какими мы сами хотели бы быть с Джеком. И вот все кончилось.

Открытый автобус бежит по ровной пыльной дороге среди кокосовых пальм. На заднем сиденье, взявшись за руки, сидят Петя и Джек.

— Папа, мы уже едем в Японию?

Петя пытается изобразить на лице улыбку, но у него не получается, первые слезинки катятся по загорелой рожице. Мы все пытаемся Петю успокоить, но нам это не удается.

Между кокосовых плантаций аэродром: неправильный прямоугольник травы и коралловой пыли. Никаких служебных строений на этом аэродроме нет. В конце взлетной полосы виднеется серебристая «дакота». Мы стоим далеко в стороне от остальных пассажиров. Петя делает вид, что радуется предстоящему полету, но слезы градом катятся из глаз. Последний снимок — Петя и Джек — никак не получается.

— Проходите, пожалуйста, вы последние, мы ждем вас.

Точно по расписанию, в 18.20, самолет садится. Яркий свет прожекторов на летном поле, неоновые огни не оставляют никаких сомнений: мы на аэродроме в Гонконге. Город сразу за зданием аэродрома. По улицам несется непрерывная вереница машин. Мы ведем себя так, как нас научили в канцелярии австралийской авиакомпании «Кэнтас» в Порт-Морсби. Служащая аэродрома, стоящая у трапа, с первых же слов понимает, о чем идет речь: не мы первые, не мы последние летим через Гонконг без виз. Гонконгские власти, так же как и филиппинские, по непонятным причинам отказались нам их выдать, и мы вынуждены были «нелегально» лететь через Гонконг. Возвращение в Австралию, а потом прямой маршрут Австралия — Япония нам не по карману.

Все идет пока нормально: вместе с другими пассажирами проходим длинным коридором, затем все выстраиваются в длинную очередь, а нас отводят в транзитный зал, переполненный людьми всех национальностей, в окна можно видеть, как взлетают и садятся самолеты, принадлежащие компаниям с самыми экзотическими названиями. Довольно скоро возвращается служащая.

— Багаж получите завтра в Токио. Я вам принесла талончики на ужин и завтрак в ресторане. Самолет в Токио вылетает завтра в 9.30, места вам зарезервированы.

Все идет так, как устроил любезный служащий в Порт-Морсби, без его помощи мы бы не знали, что делать без визы. Проходит время ужина. Движение на аэродроме не ослабевает. В транзитном зале сотни людей, одни уходят, другие приходят. Мы засыпаем в креслах. В час ночи взлетает последний самолет. Транзитный зал пустеет. Просыпаюсь от неприятного чувства, что на меня кто-то смотрит. Мужчина в форме ждет, пока я открою глаза.

— Вы не хотите поехать в отель, сэр?

— Нет смысла, нам скоро лететь.

— Гонконг очень интересный город, вы в нем бывали?

Сообщаю человеку в форме, что мы очень устали и нас Гонконг совершенно не интересует.

— А ваши документы в порядке, сэр?

Наконец он нашупал наше больное место.

— Конечно, в порядке, абсолютно.

С типично китайским терпением и неприятной официальной улыбкой он настаивает, что хотел бы посмотреть наши паспорта. Всем своим видом он говорит, что времени у него предостаточно. Я пытаюсь его убедить, что у нас все в порядке и не стоит труда возиться с нами. Когда я вижу, что паспорта все же придется показать, принимаю шутливый тон.

— Вы будете поражены.

Подую ему наши зеленые паспорта с двуххвостым чехословацким львом на обложке. Вижу, что он ошеломлен. Его вздох настолько международен, что я прекрасно его понимаю.

— Каким самолетом вы прилетели?

Это критический момент разговора: я обещал служащему в Порт-Морсби, что не выдам компанию «Кэнтас», самолетом которой мы прилетели без визы. В Порт-Морсби обязаны были проверить, в порядке ли документы у всех вылетающих. Я молчу. Он задумчиво листает паспорт.

— Так, в шесть двадцать самолет «Кэнтас». А теперь скажите, когда вы летите и куда?

Я пытаюсь объяснить ему наше положение: мы не могли лететь из Порт-Морсби в Австралию, потому что нам нужно срочно быть на конференции в Японии. Ведь речь идет всего о нескольких часах транзита. У человека в форме каменное лицо.

— Ребенок пусть спит, а вы идите со мной.

Он долго листает телефонный справочник. Листание кажется бесконечным. Наконец он набирает многозначный номер. Долго ждем, пока кто-то возьмет трубку на другом конце провода.

— Алло, говорит сержант номер пятнадцать гонконгского пограничного контроля. Здесь у меня один ваш пассажир, фамилия его Джейкс, путешествует с семьей. Ваша компания отправила его из Новой Гвинеи в Гонконг без визы. Послушайте, сэр, если уж вы так с ними поступаете, так должны были бы о своих пассажирах лучше заботиться. Нелишне было бы, если бы вы этому господину и его семье сейчас же принесли какое-нибудь одеяло и чай. Хорошо, спасибо.

Вскоре появился пожилой господин. В руках у него термос, гора подушек и одеял. Через семь часов полетит самолет, который доставит нас в другую страну.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Молодой чехословацкий геолог с женой и маленьким сыном отправился в длительную командировку в Южное полушарие. Ему было поручено собрать непосредственно на месте данные о вулканической деятельности на Новой Гвинее и окружающих островах. Но впечатление от яркого и необычного для жителя европейской страны мира, в которой он попал, оказалось настолько сильным, что Петр Якеш не ограничился научным отчетом и геологическими коллекциями — он постарался воплотить людей, природу, облик островов Южных морей в книге путевых впечатлений, которую вы только что прочли.

Живой рассказ чехословацкого геолога Петра Якеша о работе в юго-западной части Тихого океана относится к началу 70-х годов. Хотя с точки зрения вечности — *sub specie aeternitatis* — пятнадцать без малого лет, прошедших с тех пор, срок просто ничтожный, но в наш стремительный век они оказались насыщенными бурными событиями даже для этого отдаленного от мировых центров уголка земного шара. Прежде всего ушел в прошлое колониальный статус большинства территорий Меланезии, включая и те, которые описаны в книге. В восточной части второго по величине острова мира, Новой Гвинее, 15 сентября 1975 г. было провозглашено создание независимого государства Папуа-Новая Гвинея, а 7 июля 1978 г. независимости добились и Соломоновы острова. Освобождение от колониализма привело к утверждению новых жизненных норм, новой этики, новых ценностных ориентаций, новых взаимосвязей между коренным населением этих стран и живущими в них иммигрантами: австралийцами, англичанами, китайцами и др. Так что во многом путевые очерки П. Якеша обладают уже историческим значением. Вместе с тем одни проблемы, о которых упоминает наш автор, остались до сих пор, другие лишь слегка видоизменились, третьи дали начало новым, прежде неведомым трудностям.

Современная история Новой Гвинее началась ровно сто лет назад, в 1884 г., когда юго-восточная часть острова, получившая название Папуа, стала британским протекторатом, а северо-восточная часть была захвачена Германией и превратилась в Германскую Новую Гвинею. Еще раньше в западной части острова, где сейчас на-

ходится индонезийская провинция Ириан-Джая (бывший Западный Ириан), утвердились голландские колонизаторы, остававшиеся на этой территории до 1962 г. В 1888 г. Великобритания объявила Папуа колонией, а в 1906 г. передала ее под контроль Австралии.

После первой мировой войны, в ходе которой Германия лишилась всех своих колониальных владений, Австралия получила мандат Лиги наций на управление и северо-восточной частью, которая стала называться Территория Новая Гвинея. Вплоть до второй мировой войны Австралия практически владела всей восточной частью Новой Гвинеи, но управляла двумя территориями, Папуа и Территорией Новая Гвинея, раздельно: первой — как колонией, а второй — как подмандатной территорией. Это, казалось бы, второстепенное обстоятельство носит на первый взгляд чисто административный характер. Тем не менее оно сказалось на судьбах коренных новогвинейцев и продолжает ощущаться до настоящего времени. Во время войны Япония оккупировала Территорию Новая Гвинея и небольшую часть Папуа, и только после войны, в 1949 г., как юго-восточная часть, так и северо-восточная, превратившаяся к тому времени в подопечную территорию ООН, находящуюся под управлением Австралии, были административно объединены под новым названием Папуа и Новая Гвинея. Наконец, в 1972 г. союз «и» исчез, а страна, получившая право внутреннего самоуправления, приобрела то имя, которое она носит сейчас.

Несколько иной была судьба этнически и культурно близких к Новой Гвинее Соломоновых островов. В 1893 г. южная часть архипелага была захвачена Великобританией, которая в 1900 г. присоединила к своему новому владению Британские Соломоновы острова и более северные острова Шуазель и Санта-Исабель. За исключением короткого, но невероятно тяжелого года японской оккупации во время второй мировой войны, Соломоновы острова так и оставались британским протекторатом вплоть до обретения независимости. Только северная часть архипелага, острова Бугенвиль и Бука, в свое время были захвачены Германией и присоединены к немецкой колонии на Новой Гвинее. Оба острова, о которых много интересного рассказывает П. Якеш на страницах этой книги, теперь являются частью Папуа-Новой Гвинеи.

Итак, что же досталось этим двум островным тихоокеанским государствам в наследство от сложной и путаной колониальной истории?

Новая Гвинея и Соломоновы острова накануне захвата их колониальными державами были, очевидно, самыми архаичными обществами мира, настоящим этнографическим заповедником. Горная часть Новой Гвинеи, так называемое Новогвинейское нагорье, оставалась практически изолированной от мира. Там в обширных долинах горных рек обитали многочисленные племена папуасов, незна-

комых с металлом, практиковавших множество странных обычаев, постоянно воевавших друг с другом. Редко-редко какие-то культурные импульсы проникали туда с западного берега, давно открытого контактам со стороны Индонезии.

Но и побережье нельзя было назвать цивилизованным. И Новая Гвинея, и Соломоновы острова долгое время оставались одним из последних на земле прибежищ каннибализма и охоты за головами. Спорадические случаи этих отвратительных обычаев были зафиксированы еще в 50-х годах этого века в наиболее отдаленных районах большого острова. Сейчас они навсегда ушли в прошлое, как ушли и человеческие жертвоприношения, некогда практиковавшиеся на островах Южных морей. То, что сообщает автор о принесении девушек в жертву акулам на острове Саво, скорее всего одна из «экзотических» легенд, основанных на пустых слухах, из множества бытующих среди европейцев, рассказней о «диких и кровожадных туземцах». Однако еще сто лет назад в подобных рассказах была некоторая доля истины.

Всем читателям, конечно, известна героическая фигура выдающегося русского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая, который еще в 70-х годах прошлого века поселился один в районе бухты Астролябия с целью изучить коренное население Новой Гвинеи. Его деятельность совершенно справедливо была расценена всеми как научный подвиг — столь неизвестна и, не побоюсь этого слова, дика была Новая Гвинея в ту пору.

Эффект колониализма, обрушившегося на эти архаические общества, можно уподобить разве эффекту огромного валуна, брошенного в застойное болото. Многотысячелетняя изоляция оказалась прорванной, бывшие племена вдруг перестали быть хозяевами на собственной земле, более того, им пришлось не только познакомиться с гораздо более могущественными белыми пришельцами, но и начать налаживать постоянные контакты друг с другом. В их жизнь вторгся огромный мир неизвестных прежде понятий и представлений.

В течение первого этапа колониальной эпохи жители Новой Гвинеи и Соломоновых островов столкнулись с новой религией. Миссионеры первыми из европейцев проникли в глубинные районы островов, первыми стали надолго, часто навсегда селиться в этих краях. Еще век назад племенные анимистические религии господствовали во всей Меланезии. Сейчас их продолжают исповедовать только в самой глухой глубинке. Христианство уже в середине 60-х годов нашего века стало религией 92 процентов населения Папуа-Новой Гвинеи и практически всех жителей Соломоновых Островов. Хотя в целом христиане противопоставляют себя приверженцам старых верований, внутри христианский лагерь раздирают противоречия. Католиков сравнительно немного, они живут на северо-западе страны и на островах архипелагов Адмиралтейства и Бисмарка. В северной части преобладают

лютеране, в южной — англикане, кроме того, большим влиянием пользуются различные поздние формы протестантизма. Несколько сот тысяч прихожан насчитывается у методистской Объединенной церкви Папуа-Новой Гвинеи и Соломоновых Островов, есть последователи Евангелического альянса, адвентисты седьмого дня, баптисты, приверженцы Неевангелизированной полевой миссии и др. На Соломоновых Островах преобладают англикане и методисты, в меньшем количестве есть реформаты и католики. Так что П. Якеш вполне точно подметил ситуацию религиозной раздробленности и связанной с этим межконфессиональной неприязни.

Но следует все-таки иметь в виду, что христианство в Меланезии, подобно, впрочем, Полинезии, Африке, Латинской Америке, понемногу начинает принимать местный облик, сближаясь во внешних проявлениях с местными верованиями. Этому процессу «натурализации» христианства на Новой Гвинее и окружающих ее островах способствует распространение синкретических карго-культур, неизбежно сопутствующих проникновению европейской идеологии, культуры, экономики и администрации в страны Южных морей.

Почти одновременно с внедрением новой религии местные жители столкнулись и с настоящей охотой за людьми, предпринимавшейся в таких масштабах, какие не снились никаким охотникам за головами. Это была массовая насильственная вербовка местного населения Новой Гвинеи и островов Меланезии для работы на плантациях в разных местах тихоокеанского островного мира. Затем на их собственной земле стали возникать города, прокладываться дороги, строиться аэродромы. Казалось бы, только прошел первый шок от резкого вторжения в новогвинейский мир неведомой ему жизни и только-только начало устанавливаться какое-то подобие нового общества, как страна оказалась ввергнутой во вторую мировую войну. «Всемогущие белые господа» оказались далеко не столь всемогущи. Появились какие-то люди, которые на время смогли изгнать старых колонизаторов. Послевоенный период стал эпохой становления нового меланезийского общества Новой Гвинеи и островов Меланезии (среди них и Соломоновых островов), которое, пройдя через эпоху колониализма, отнюдь не выглядит архаическим в двадцатом веке.

Последние «минуты» колониального существования и запечатлела книга П. Якеша. Вот автор приезжает в Маунт-Хаген, небольшой городок в центре Папуа-Новой Гвинеи. Своеобразный мир, свои нравы — все это есть, но ничего особенно архаического мы здесь не встречаем. Еще 50—60 лет назад пребывание европейца в этих краях казалось почти невероятным. На Бугенвиле, самом развитом в промышленном отношении острове в Папуа-Новой Гвинее, мы становимся вместе с автором книги свидетелями серьезного социального конфликта, связанного с отчуждением земель под добычу меди. В начале 60-х годов нашего века простодушные островитяне в недоумении раз-

водили руками, когда их сгоняли с их земель, и прогоняли геологов, а в конце 70-х годов после предоставления независимости Папуа-Новой Гвинеи, на Бугенвиле началось вполне современное по облику сепаратистское движение с целью отторгнуть богатый остров от молодого государства. Одним словом, Меланезия стремительно и прочно вошла в «большой мир» нашего столетия.

Одна из наиболее своеобразных проблем Новогвинейского региона, о которой несколько раз говорит П. Якеш на страницах книги,— проблема внутригосударственного контакта. Остров этот с окружающими архипелагами представляет собой настоящий многоязычный вавилон. В одной только Папуа-Новой Гвинее насчитывается примерно 760 самостоятельных аборигенных языков, не считая диалектов и говоров! И это — при населении в 3 миллиона человек. На большинстве этих языков говорят крайне малочисленные коллективы, насчитывающие от нескольких десятков до нескольких тысяч человек каждый. Лишь на немногих языках говорят по 10 тыс. человек и более, и только одним из них, языком энга, пользуются около 1150 тыс. человек.

Еще в доколониальный период на Новой Гвинее возникали какие-то специфические языки, которыми члены разных племен пользовались для общения со своими иноязычными соотечественниками. Часто это был просто тот или иной папуасский язык, по ряду причин получивший более широкое распространение. Но иногда в зоне контакта возникали и новые языки, которые как бы смешивали грамматические структуры и лексику двух или нескольких языков, предельно упрощая их. Такие контактные языки, на которых никто не говорит с рождения, которые используются для общения с носителями других непонятных языков, принято называть в науке пиджин-языками. Пиджины возникали повсюду, где была необходимость постоянного контакта разноязычных коллективов в процессе какой-то специфической деятельности, чаще всего торговли: в Западной Африке, в Китае, в Индонезии, на Филиппинах. Существовали даже пиджины на русской основе: в Кяхте, на Командорских островах. Но классической областью пиджинов считаются по праву Меланезия и особенно Новая Гвинея.

В конце 70-х годов прошлого века группа папуасских рабочих с островов Бисмарка была завербована на плантации на острова Самоа в Полинезии. Три года они работали там, и в 1882 г. некоторым из них удалось вернуться домой. К тому времени на Новой Гвинее немецкие колонизаторы тоже начали развивать плантационное хозяйство и опытные рабочие, побывавшие «за морями», были использованы в качестве надсмотрщиков. Вскоре обнаружилось, что для разговоров с рабочими они пользуются каким-то странным жаргоном, в котором можно узнать отдельные английские, немецкие слова и слова из местного меланезийского языка толаи. Так впервые был

зафиксирован новогвинейский пиджин, первоначально заимствованный с островов Самоа и впоследствии развившийся в основной язык-посредник Папуа-Новой Гвинеи. Язык этот быстро стал распространяться. По мере того как колониальная администрация северо-восточной части острова распространяла свое влияние на новые районы, туда немедленно проникал и пиджин через чиновников, солдат, полицейских. К середине века пиджин превратился в единственный язык общения для различных племен и народностей Территории Новая Гвинея и даже охватил некоторые районы Папуа.

Австралийская колониальная администрация на какое-то время признала полезность этого языка в качестве языка единства и стала поощрять его развитие, в частности внедряя его в административную и образовательную сферы. Стала появляться литература на этом языке, возникли нормы стандартизации, орфография и т. п. В начале 60-х годов нашего столетия удар по пиджину пришел отсюда, откуда ожидать его, казалось бы, было совершенно нереально. В 1953 г. ООН обратилась с призывом к Австралии пресечь использование пиджина на ее подопечной территории в Новой Гвинее. Основанием к этому призыву послужило мнение, что пиджин является грубой карикатурой на английский язык. Несколько лет шла борьба за пиджин. Его защитниками была даже издана специальная книга под названием «Руки прочь от пиджина!». Колониальная администрация, следуя призыву, искореняла пиджин где только могла. Но было уже поздно. Язык, обслуживавший одну из основных потребностей коренного населения — общение между различными его частями, — утвердился настолько, что искоренить его административными мерами было нереально.

Несколько по-иному пошло дело в Папуа. Там еще в доколониальный период возник местный пиджин на базе меланезийского языка моту, распространенного в районе столицы Папуа-Новой Гвинеи Порт-Морсби, и окружающих папуасских языков. Язык этот сложился в процессе ритуализированного обмена между разными племенами Папуа. Впоследствии какая-то видоизмененная форма его стала использоваться в качестве языка-посредника в полицейском корпусе Папуа, сформированном из представителей разных племен и народностей не только Новой Гвинеи, но также и других островов Океании. Быстро распространившийся наподобие новогвинейского пиджина этот язык получил название «полицейского моту». Судьба его была не столь драматичной, как у пиджина, так как он возник на местной, а не на английской основе и у европейцев не возникало чувства протеста по поводу искажения одного из знакомых или родных для них языков. Но функционально для колонии Папуа «полицейский моту» стал выполнять ту же роль, что и пиджин для Территории Новая Гвинея.

Близкие к новогвинейскому пиджину языки, также на англий-

ской основе, развились на Соломоновых Островах и на архипелаге Новые Гебриды. Там они соответственно получили название «соломоновый пиджин» и «бич-ла-мар».

Было бы неправильно полагать, что все эти языки — карикатурная пародия на английский. Они представляют собой вполне самостоятельные языковые системы со своей строгой грамматикой, в которой мало что осталось от английского, но которая не является также и копией грамматики какого-то меланезийского языка. Лексика в массе своей родственна английской, но это и все, что их сближает. Фонетика совершенно иная, синтаксис не имеет ничего общего, словообразование своеобразное. Короче говоря, человек, знающий английский, не сможет понять почти ни слова из быстрого потока речи на языке ток-писин (так называется теперь здесь пиджин).

Стремительная социальная динамика, столь характерная для государств Тихого океана, приводит к тому, что начинают появляться группы людей, для которых ток-писин или хири-моту (таково современное название «полицейского моту») становятся родными, порой даже единственными языками. Это чаще всего происходит в городах среди детей в этнически смешанных семьях. Как говорят лингвисты, ток-писин креолизируется, т. е. вступает в новую фазу своего развития, превращаясь из языка-посредника в основное средство мышления и коммуникации. Этот только начавшийся процесс почти несомненно будет разрастаться в ближайшем будущем.

Пока же молодые государства Папуа-Новая Гвинея и Соломоновы Острова, считая основным государственным языком английский, принимают разнообразные программы стимулирования ток-писина, соломонового пиджина и хири-моту. Ток-писин активно внедряется в сферу образования, включая начальное, он признан наряду с английским и хири-моту языком администрации и парламента. Большинство средств массовой информации в обоих государствах пользуется ток-писином. Наконец, что особенно важно, от иммигрантов, добивающихся получения гражданства Папуа-Новой Гвинеи, требуется хорошее знание одного из двух объединительных языков страны: ток-писина или хири-моту.

Вместе с тем не обходится и без сложностей. Хири-моту, распространенный преимущественно в Папуа, стал средством выражения региональных интересов бывшей территории Папуа, в том числе и сепаратистских. Спор между этими двумя языками за ведущую роль в государстве пока далеко не окончен.

Можно было бы еще много рассказывать об этих удивительных странах. Новая жизнь с ее проблемами настолько многообразна, настолько потрясает основы первобытного общества, еще недавно сохранявшегося на Новой Гвинее, что перед ее поступью стихает грохот извержения вулкана Ламингтон, спешего в начале 60-х годов несколько деревень и угрожавшего даже столице.

М. А. Членов

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТ АВТОРА	3
1. ДЬЯВОЛЬСКИЙ ВУЛКАН ЛАМИНГТОН	8
2. ТУРИЗМ — ВЕЛИКИЙ БИЗНЕС. ВАНИГЕЛА	22
3. ПРИЯТНОЕ НАЧАЛО. ГОРА ВИКТОРИ	33
4. МЕШКИ С КОФЕ. АНГАУ	43
5. ГОСПОДИН, ХОТИТЕ КАМЕННЫЙ ТОПОР? МАУНТ-ХАГЕН	47
6. АМБО КОНАНА, ИЛИ УДИВИТЕЛЬНОЕ СВАТОВСТВО. ТАМБУЛ	58
7. СМЕШЕНИЕ ЯЗЫКОВ. ФИЛОСОФ ДЖАКО. ЛАКОПЕ	67
8. МОЖНО МЕЧТАТЬ И О ВЫНУЖДЕННОЙ ПОСАДКЕ. ВАБАГ	75
9. НАБЛЮДАТЬ ЗА ВУЛКАНАМИ СОВСЕМ НЕЛЕГКО. РАБАУЛ	83
10. «МЕДНЫЙ ОСТРОВ» БУГЕНВИЛЬ	91
11. СЛЕДЫ ВОЙНЫ НА КАЖДОМ ШАГУ. ГУАДАЛКАНАЛ	99
12. РАСКАЛЕННАЯ ЗЕМЛЯ. САВО	106
13. ПЕРВЫМ КЛАССОМ НА ГРУЗОВОМ СУДНЕ «ТУЛАГИ»	117
14. ЛАВА И ОСТАНКИ ЛЮДЕЙ. ДОБУ	123
15. СТРУСИТЬ МОЖЕТ КАЖДЫЙ. НУМА-НУМА	139
16. МАМА, ПОСМОТРИ, КРОКОДИЛ АМФЛЕТ	146
ЭПИЛОГ. ИЗДЕРЖКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ	160
М. А. ЧЛЕНОВ. ПОСЛЕСЛОВИЕ	162

